

Йошкар-Олинская и Марийская епархия  
Министерство культуры, печати и по делам  
национальностей Республики Марий Эл



# ХРИСТИАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Материалы  
XVI научно-богословской конференции

Йошкар-Ола  
2013

ББК 86.3  
X 93

*По благословению  
Высокопреосвященнейшего ИОАННА,  
Архиепископа Йошкар-Олинского и Марийского*

**Редакционная коллегия:**

иерей Алексей Михайлов,  
диакон Александр Жирнов,  
профессор МарГУ А.Т. Липатов (литературный редактор)

**Христианское просвещение и русская культура:** Доклады и сообщения XVI научно-богословской конференции (16 мая 2013 г.). Йошкар-Ола, 2013. – 166 с.

В сборнике представлены материалы по проблемам истории христианства, взаимоотношений религии и образования. Материалы конференции могут быть использованы в качестве учебного пособия по религиоведению, русской словесности, краеведению и адресуются преподавателям вузов, средних общеобразовательных и средних учебных заведений.

© Йошкар-Олинская и Марийская епархия, 2013

## СОДЕРЖАНИЕ

### ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

|   |   |
|---|---|
| Приветствие Министра культуры, печати и по делам национальностей М.З. Васютина..... | 6 |
|---|---|

### ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

#### I. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА

*Михайлов Алексей, иерей*

|   |   |
|---|---|
| Жизненный подвиг архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) – святителя-хирурга. .... | 7 |
|---|---|

*Стариков С.В.*

|  |    |
|--|----|
| Россия под скипетром Романовых (к 400-летию воцарения династии Романовых)..... | 32 |
|--|----|

*Ерошкин Ю.В.*

|  |    |
|--|----|
| Библиотечное и книгоиздательское дело в монастырях Марийского края в дореволюционное время. .... | 44 |
|--|----|

*Смирнов Д.В.*

|   |    |
|---|----|
| Открытие молитвенного дома в г. Волжске Марийской АССР..... | 53 |
|---|----|

*Афони́на Т.И.*

История Свято-Никольского храма  
с. Кожла-Сола Звениговского района. .... 60

## II. ПРАВОСЛАВИЕ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

*Липатов А.Т.*

Церковнославянский язык — язык  
Церкви и молитвы, язык духовного откровения  
и божественного величия. .... 69

*Карпов И.П.*

Русская литература в духовной борьбе  
начала XIX века (С. А. Ширинский-Шихматов). .... 89

*Михеева О.В.*

Комментарий как основа творческого осмысления  
и создания текста сочинения ЕГЭ  
по русскому языку. .... 105

*Федосеева Н.А.*

Православная проповедь на марийском языке  
в начале XX века. .... 112

*Молчанова Н.Ф.*

Стилистические особенности  
речевого портрета матушки Ирины  
в повести С.Н. Дурьлина «Сударь кот». .... 124

*Жукова И.А.*

Образ христианской семьи  
в творчестве М.Ю. Лермонтова  
(«Песня про царя Ивана Васильевича,  
молодого опричника  
и удалого купца Калашникова»). ..... 131

### III. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ

*Оленев В.И., Оленева Т.Б.*

Межвременной диалог культур,  
или Могут ли русские гордиться  
тем, что они русские. .... 140

*Сильдушкина Н.Е.*

Об особенностях конфессиональной  
принадлежности марийского этноса  
в современных условиях. .... 148

### IV. СТУДЕНЧЕСКИЕ РАБОТЫ

*Апаева С., Волкова Т.*

Просветительская деятельность  
братства святителя Гурия  
на территории Марийского края. .... 160

**Приветствие Министра культуры, печати  
и по делам национальностей  
Республики Марий Эл М.З. Васютина**

Уважаемый Владыка! Дорогие друзья: участники и организаторы конференции!

От имени Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл разрешите приветствовать всех собравшихся и поздравить с открытием XVI конференции «Христианское просвещение и русская культура», посвященной Дням славянской письменности и культуры.

Вот уже в шестнадцатый раз в нашей Республике отмечается этот праздник, как дань уважения и памяти святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Мы с благодарностью помним имена этих великих людей. Созданный ими старославянский язык стал катализатором появления русского литературного языка. Переведенные с греческого многие книги послужили формированию славянского книжного дела. Именно на славянско-кирилловской основе построена современная система письма народов России.

В нашей Республике этот праздник стал отмечаться с 1997 года и обрел силу, став традиционным. Основная цель проведения конференций и встреч, посвященных Дням славянской письменности и культуры, это — воспитать гражданина и патриота Отечества. Помнить память предков и передавать молодому поколению те ценности, которые являются истинными для нашей Родины. И такие мероприятия, посвященные выдающимся деятелям культуры и искусства, помогут нам в достижении этой цели.

Уважаемые друзья! Позвольте еще раз поздравить вас с праздником, пожелать успешной и плодотворной работы, и поблагодарить организаторов конференции за большой вклад в духовное возрождение нашей Родины!

## I. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА

*иерей Алексей МИХАЙЛОВ,  
руководитель Миссионерского отдела  
Йошкар-Олинской и Марийской епархии,  
настоятель храма иконы  
Божией Матери «Державная» п. Медведево*

### **Жизненный подвиг архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) — святителя-хирурга**

Есть люди, жизнь которых подобна маяку, свет которого видится далеко-далеко и зовет к себе тех, кто блуждает во тьме среди бурь житейского моря. Архиепископ Лука — один из тех, через кого свет Божественной благодати достигал многих сердец при его жизни, и не оскудевает — продолжает сиять — и поныне.

Родился Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий 27 апреля 1877 года в Керчи, в семье провизора. В конце восьмидесятых годов XIX века Войно-Ясенецкие переехали в Киев и обосновались на Крещатике, в центре города. Семья состояла из семи человек: отец, мать, пятеро детей. Религиозная атмосфера в ней была весьма своеобразной: отец, Феликс Станиславович, ревностный католик, был человеком тихим и своих взглядов детям не навязывал, а семейные отношения в доме определяла мать, Мария Дмитриевна, православная и по духу, и по делам.

С детских лет у Валентина обнаружили способности к рисованию. Развивая их, параллельно с гимназией он оканчивает Киевское художественное училище. Сильное увлечение живописью привело его к решению поступить в Петербургскую Академию художеств, но во время вступительного экзамена он засомневался в том, правильный ли жизненный путь избирает, поскольку ему хотелось де-

ательно послужить людям. Колебания кончились тем, что Валентин признал себя не вправе заниматься тем, что ему нравится, а обязан заняться тем, что полезно для страдающих людей, и в 1898 году стал студентом медицинского факультета Киевского университета имени святого князя Владимира. Во время учебы он неожиданно для самого себя увлекся анатомией. То, что многих отпугивало, его привлекло более всего; как он сам позже признавался в автобиографии, «из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии»<sup>1</sup>.

Оканчивая университет осенью 1903 года, Валентин заявил сокурсникам, что хочет на всю жизнь стать участковым земским врачом, что вызвало у окружающих недоумение — поскольку частная практика в Киеве могла замечательно обеспечить дипломированного врача. Но не о деньгах, не о заработках думал будущий святитель. Надо заметить, что до 1846 года Российская империя, в которой 90 % подданных были сельскими жителями, вообще не имела в провинции научно образованных врачей. Медицина поднималась тогда «с нуля» силами русской интеллигенции. На всем громадном пространстве 350 земских уездов, где проживало тогда 38 миллионов жителей, существовало всего 351 лечебное учреждение. В основном это были маленькие амбулатории в уездных городах. В сельских местностях больниц не было совсем<sup>2</sup>. И Валентин хотел быть одним из тех, кто был «на передовой».

Начало его медицинской практики пришлось на время русско-японской войны. В марте 1904 года в составе медицинского отряда Красного Креста Войно-Ясенецкий выехал в Читу. Главный врач госпиталя поручил молодому выпускнику заведовать хирургическим отделением и не ошибся в нем: операции, проводимые Валентином Феликсовичем, были сложными, но проходили безупречно, и неудач у него не было. Здесь же, в Чите, произошло еще одно важное событие в его жизни: он женился на Анне Васильевне Ланской, дочери управляющего помещьем на



Украине. Вскоре после свадьбы молодые переехали в небольшой уездный городок Ардатов Симбирской губернии, где Валентину Феликсовичу поручили заведовать больницей. Работы было очень много, так что он трудился не покладая рук. Универсализм, с которым готовили хирургов в те времена, был поистине спасением для многочисленных больных, поскольку тогда хирург в одиночку делал то, на что сейчас требуются усилия 6-7 врачей разных хирургических специальностей.

Конфликты с чиновниками земства побудили его к решению заняться наукой и повысить свой социальный статус, чтобы прекратить помывкания его врачебной должностью. Одновременно с этим он и сам жаждал серьезной научной работы. В 1909 году Валентин Войно-Ясенецкий направился в Москву для работы над диссертацией. В земских больницах ему, как и любому хирургу, приходилось сталкиваться с проблемами обезболивания при операциях: после применения общего наркоза бывали случаи тяжелых осложнений. Поэтому молодой врач стал искать новые пути в анестезии. Источником вдохновения и импульсом к работе для него стала книга немецкого хирурга Генриха Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения». Явившись в Москве к крупному ученому Петру Ивановичу Дьяконову, Войно-Ясенецкий выразил желание работать в его клинике, чтобы собрать материалы для диссертации по теме «Регионарная анестезия». Вот что он пишет в письме домой: «Из Москвы не хочу уезжать, прежде чем не возьму от нее того, что нужно мне: знаний и умения научно работать. Я по обыкновению не знаю меры в работе и уже сильно переутомился. А работа предстоит большая: для диссертации надо изучить французский язык и прочитать около пятисот работ на французском и немецком языках. Кроме того, много работать придется над докторскими экзаменами»<sup>3</sup>. Несколько лет кропотливой работы, — и в 1915 году в Петрограде выходит его книга «Регионарная

анестезия», блестяще иллюстрированная самим автором, в которой он обобщает как результаты исследований, так и свой богатый хирургический опыт. За эту работу Варшавский университет присудил Валентину Феликсовичу Войно-Ясенецкому премию имени Хойнацкого. Награда была престижной, поскольку ее получали авторы лучших сочинений, прокладывавшие новые пути в медицине.

В 1916 году В.Ф. Войно-Ясенецкий защищает свою монографию «Регионарная анестезия» как диссертацию и получает степень доктора медицины. Профессор Мартынов весьма своеобразно охарактеризовал эту работу: «Мы привыкли к тому, — пишет он, — что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему, с целью получения высших назначений по службе, и научная ценность их невелика. Но когда я читал Вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее»<sup>4</sup>.

Научная работа в Москве настолько сильно захватила Валентина Феликсовича, что он не заметил, как постепенно оказался в тисках безденежья. Чтобы содержать семью, он вынужден был вернуться к практической хирургии.

1917 год стал переломным не только для огромной державы, но и лично для Валентина Войно-Ясенецкого. «В начале 1917 года, — вспоминал он в мемуарах, — к нам приехала старшая сестра моей жены, только что похоронившая в Крыму свою молоденькую дочь, умершую от скоротечной чахотки. На великую беду она привезла с собой ватное одеяло, под которым лежала ее больная дочь. Я говорил своей жене Ане, что в одеяле привезена к нам смерть. Так и случилось: сестра Ани прожила у нас всего недели две, и вскоре после ее отъезда я обнаружил у Ани явные признаки туберкулеза легких»<sup>5</sup>. В марте 1917 года семья переехала в Ташкент (ибо по представлениям тех лет туберкулез легче было лечить в сухом и жарком климате), Валентину Феликсовичу предложили должность главного врача городской больницы. Обосновавшись с се-

мьей в просторном доме, специально построенном для главврача, он целиком погрузился в работу, создав в больнице новое хирургическое отделение.

В эти годы Валентин Феликсович, определяя для себя свой научный путь, пишет: «С самого начала своей хирургической деятельности в Чите, Любаже и Романовке я ясно понял, как огромно значение гнойной хирургии и как мало знаний о ней я вынес из университета. Я поставил себе задачей глубокое самостоятельное изучение диагностики и терапии гнойных заболеваний»<sup>6</sup>. Надо заметить, что в этом он весьма преуспел — и диагностом и хирургом стал блестящим...

Шла гражданская война. В больницу доставляли тяжело больных, раненых, и главврача неоднократно ночью поднимали с постели на операции. И никогда, по свидетельствам коллег, он не возмущался, никогда не отказывал в помощи. Но дома у доктора поселилась беда. Медленно угасала жена. Тяжелый недуг отбирал последние ее силы. Окончательно сокрушила ее силы весть об аресте мужа. По клеветническому доносу работника морга В.Ф. Войно-Ясенецкого и завхоза его больницы арестовали прямо на работе. Целый день они провели в судилище, и только заступничество Божие в лице одного из советских начальников спасло его от быстрой расправы и расстрела. Вернувшись через день в отделение, доктор распорядился подготовить больных к операциям, которые были запланированы и чуть было не сорвались из-за неожиданного ареста. Хирург встал к операционному столу и начал операции, как будто ничего не произошло. Милостью Божией доктор избежал неминуемой смерти, но этот случай подкосил Анну Васильевну, и до самой смерти она уже не вставала с постели. По воле Божией, после ее смерти, приемной матерью четверем детям Ясенецких стала операционная сестра София Сергеевна Велицкая.

Поскольку Валентин Феликсович был человеком религиозным, то в операционной у него много лет висела

икона Божией Матери. Начиная любую операцию, хирург всегда осенял себя крестным знаменем перед этой иконой.

Шёл 1920 год... Однажды больницу посетила ревизионная комиссия и приказала икону убрать. Чиновники аргументировали свое требование тем, что больница — это государственное учреждение, а на икону врач пусть молится у себя дома. В ответ на это требование Валентин Феликсович покинул больницу и заявил, что вернется туда только после того, как икону водворят на место. Конфликт разрешился в его пользу: у одного из видных партийцев заболела жена, которой потребовалась срочная операция. Состоялся разговор, во время которого чиновник дал обещание, что икону вернут, лишь бы операция его жене была сделана самим главврачом.

В Ташкенте профессор Войно-Ясенецкий регулярно посещал воскресные и праздничные богослужения, очень часто бывал на богословских собраниях верующих, сам выступал с беседами на темы из Священного Писания.

Однажды в конце 1920 года Валентин Феликсович присутствовал на епархиальном собрании, на котором он произнес речь о положении дел в Ташкентской епархии. Это выступление произвело большое впечатление на слушателей. После собрания правящий архиерей — епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский) — отвел профессора в сторону и, восторгаясь глубиной и искренностью его веры, сказал: «Доктор, вам надо быть священником!» Святитель Лука так вспоминает в своих мемуарах: «У меня никогда и мысли не было о священстве, но слова Преосвященного Иннокентия я принял как Божий призыв архиерейскими устами и, минуты не размышляя, сказал: «Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!»<sup>7</sup>. Вопрос о рукоположении был решен так быстро, что ему даже не успели сшить подрясник. В ближайшее воскресенье его рукоположили в сан диакона, что стало огромной сенсацией для всего Ташкента.

Почему Валентин Феликсович решился на это? Сам он написал так: «Что поняли бы они (коллеги), если бы я сказал им, что при виде карнавалов, издевающихся над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: «Не могу молчать!» Я чувствовал, что мой долг защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому. Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня 1921 года, я был рукоположен во иерея епископом Иннокентием... Мне пришлось совмещать мое священство с чтением лекций на медицинском факультете...»<sup>8</sup>. Два года Войно-Ясенецкий был священником и преуспел не только в пастырской, но и общественно-научной деятельности, став одним из инициаторов открытия в Ташкенте университета.

Летом 1921 года произошло событие, которое всколыхнуло жизнь Ташкента. Однажды с фронта в город прибыли эшелоном раненые красноармейцы, которых поместили в клинику профессора Ситковского. Под повязками во время транспортировки у них развились под бинтами личинки мух. В больнице раненых подбинтовали и оставили до утра. Но кто-то пустил слух, что врачи-вредители гноят раненых бойцов, занимаются вредительством, раны у них кишат червями. Стукачи донесли «куда надо», и Председатель местного ЧК решил устроить показательный процесс по делу врачей, чтобы подвести их под расстрел.

На счастье обвиняемых процесс был показательным, на нем присутствовало много народа и как экспертов пригласили врачей, чтобы они засвидетельствовали о «безобразиях». Однако Валентин Феликсович, которого стали допрашивать, убедительно для всех показал, что никаких червей под повязками не было, а были личинки мух, которые, как замечено учеными-медиками, наоборот благотворно влияют на заживление ран. Обвинительный процесс был сорван.

Когда председатель ЧК Якоб Петерс понял это, то от безысходности набросился на дерзкого эксперта с личными обвинениями:

— Скажите, поп и профессор Войно-Ясенецкий, — спросил он перед полным залом народа, — как это вы ночью молитесь, а днем людей режете?

В этой ситуации не было времени на объяснения, что все законно, что сам патриарх Тихон подтвердил его право хирурга, и отец Валентин встретил удар в соответствии с законами полемики:

— Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете людей вы, гражданин общественный обвинитель?

Зал встретил удачный ответ хохотом и аплодисментами.

— Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы Его видели, своего Бога? — последовал еще один дерзкий наскок.

— Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель, — ответил профессор. — Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил».

Колокольчик председателя суда потонул в долго не смолкавшем хохоте всего зала. «Дело врачей» с треском провалилось. Через два месяца обвиняемых выпустили из тюрьмы. По общему мнению, от расстрела их спасла речь священника-хирурга Войно-Ясенецкого<sup>9</sup>.

Не будет преувеличением сказать, что этот мужественный человек стал опорой для православных, центром притяжения. И когда правящий епископ Иннокентий покинул Ташкент, взоры православных обратились на отца Валентина. Встал вопрос о его епископской хиротонии. Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) тайно постриг его в монашество с именем апостола Луки, а хиротонию тайно совершили два ссыльных епископа в городке Пенджикенте. Архиреем отец Валентин стал 31 мая 1923 года<sup>10</sup>.

Кафедральный собор в Ташкенте в то время был уже занят обновленцами. Когда они узнали, что владыка Лука собирается служить в соборе, то в страхе разбежались. Служил владыка только с одним оставшимся верным Патриарху Тихону священником. В следующее воскресенье святитель отслужил всенощное бдение, вернулся домой и стал читать правило ко святому причащению, когда к нему пришли из НКВД и арестовали его.

На случай внезапного ареста владыка оставил пастве свое завещание. Уважение и любовь народа к своему архипастырю были так велики, что на следующий день после ареста, в воскресенье, в городе и храмах распространялось его «Завещание», перепечатанное на машинке. В этом небольшом по объему, но сильном по духу обращении владыка предостерегал верующих от соблазнов отступничества и общения с раскольниками.

Сотрудники ГПУ лихорадочно искали причину, по которой можно было бы упрятать за решетку архиерея, и выдвинули обвинение, по которому епископ Лука подозревался в связях с оренбургскими контрреволюционными казаками и в шпионаже в пользу англичан через турецкую границу. Пока святитель томился в застенках ГПУ, в город приехал обновленческий «епископ» Николай Коблов, и все церкви в городе были захвачены раскольниками. Но храмы эти стояли пустыми.

По окончании следствия начальник Ташкентского ГПУ направил Владыку в Москву как политического преступника. Всю ночь перед отъездом к нему шли люди, чтобы попрощаться и получить благословение и наставление. Скорбь народа о любимом архипастыре была так велика, что верующие ложились на рельсы перед поездом, чтобы не дать его увезти.

В Москве епископ Лука неделю жил на частной квартире, дважды встречался со Святейшим Патриархом Тихоном. Вскоре он был заключен в Бутырскую тюрьму, где просидел около двух месяцев. Через некоторое время его

перевели в Таганскую тюрьму. Арестанты этой тюрьмы получили через «Красный Крест» тулупчики от Е.П. Пешковой, жены Максима Горького. Однажды, проходя по коридору, владыка увидел, как в залитой по щиколотку водой камере сидит полураздетый, дрожащий от холода мальчик. Сжалившись над ним, святитель Лука отдал ему свой полушубок. Этот поступок произвел потрясающее впечатление на матерого вора-рецидивиста, который предводительствовал среди уголовников. И каждый раз, когда владыка проходил мимо их камеры, тот очень любезно приветствовал епископа и называл его «батюшкой»<sup>11</sup>.

В декабре чекисты сформировали этап, и в самый разгар зимы святитель был отправлен в ссылку в г. Енисейск. Сразу же после приезда туда владыка пришел в больницу, чтобы представиться заведующему: «Я профессор Ташкентского университета, в миру Ясенецкий-Войно, имя моё в монашестве Лука». Молодой врач не поверил даже, что перед ним стоит такой знаменитый человек. Профессор просил у него разрешения оперировать. После первых же сложнейших и удачно проведенных операций из окрестных сел и деревень к хирургу-епископу хлынул народ. Список больных, ожидавших операции, был составлен на три месяца вперед. Такая популярность ссыльного архиерея стала сильным раздражителем для местного начальства. К этому добавились претензии молодых врачей, которые катастрофически теряли клиентов, заработок, и стали проявлять недовольство. Владыка безмолвно обличал их корыстолюбие, проводя операции бесплатно. В ответ на благодарность излеченных он часто говорил: «Это Бог вас исцелил моими руками. Молитесь Ему». Однажды Владыка вернул зрение целой семье слепцов, страдавших катарактой. Из семи человек шестеро стали видеть... В другой раз пришел деревенскому мужику почки теленка, т.е. произвел трансплантацию органов, первый случай которой был официально зарегистрирован в Киеве в 1934 году — на 10 лет позже<sup>12</sup>.



Подстрекаемое завистниками-врачами, городское начальство отправило епископа еще дальше, на Ангару, в деревню из восьми дворов с названием Хая. Здесь, несмотря на тяжелые условия для проживания (домик, где он остановился, по крышу заносило снегом), святитель оставался бодр духом и писал детям своим, чтобы о нем не беспокоились. В июне владыку отправили назад в Енисейск и по прибытии заключили в одиночную камеру. После своего освобождения владыка, несмотря на давление, сразу же отслужил в Преображенском храме Божественную Литургию архиерейским чином. В этом же храме святитель совершил, по просьбе верующих, хиротонию во священника, и деревенский приход неподалеку от Енисейска получил пастыря. Тогда власти отправили непокорного епископа в новую ссылку, в Туруханск. Место было диким: глушь, морозы до сорока градусов и более; по ночам под окнами домов выли волки. Когда святитель прибыл в Туруханск и сошёл с баржи, люди, встречавшие его, опустились на колени, испрашивая его святительского благословения.

«Меня сразу же поместили в квартире врача больницы, — вспоминал владыка, — и предложили вести врачебную работу. Незадолго до этого врач больницы распознал у себя рак нижней губы и уехал в Красноярск»<sup>13</sup>. Самоотверженно трудился доктор-епископ, проявляя деятельную любовь к страждущему человеку. В операционной у него, как и в Ташкенте, стояла икона с теплившейся перед ней лампадой. Перед операцией он всегда творил молитву, ставил на теле больного йодом крест и только после этого приступал к делу.

С приездом архиерея церковная жизнь оживилась и в Туруханске. Конечно, это не могло понравиться местному начальству. Вскоре владыку вызвал уполномоченный ГПУ и объявил о своём запрете благословлять больных в больнице, проповедовать в монастыре и ездить на покрытых ковром санях. Тогда владыка предложил ему самому повесить на дверях больницы запрещающее объявление. Упол-

номоченный не решился этого сделать, но затаил злобу на твердого и бесстрашного профессора. Через некоторое время чекисты вызвали владыку в ГПУ, у подъезда которого уже стояли сани, запряженные парой лошадей. Начальник ГПУ сам встретил ссыльного и с большой злобой объявил ему, что за неподчинение требованиям исполкома он будет сослан на берег Ледовитого океана. В лютые морозы, которые стояли зимой 1924/25-го годов, такое путешествие без теплых вещей было равнозначно смертному приговору. Но в пути по замерзшему Енисею Господь не оставил Своего избранника: у Луки нашлись доброжелатели в лице конвойного милиционера, начальника почтовой конторы, эсера Розенфельда, который тоже отбывал ссылку и собрал для епископа теплые вещи... Владыку поселили в деревню Плахино, расположенную на Енисее, между Игаркой и Дудинкой. Здесь жило пять семей, и они радушно приняли ссыльного архиерея. Эта деревенька, стоящая на краю света, затерянная среди бескрайних снегов, стала его прибежищем на два месяца. Окна в избёнке, где жил владыка Лука, были не застекленными, вместо них были вморожены толстые льдины, и сквозь щели жестокий, пронизывающий ветер наносил внутрь кучи снега. Картина была удручающей, и было от чего пасть духом, но святитель сохранял спокойствие, уравновешенность и терпение. В этих убогих условиях ему пришлось однажды даже крестить младенца. Конечно, ни требника, ни облачения не было, но преемник апостолов нашел выход из положения: из полотенец сделал подобие епитрахили, а вместо миропомазания, как древле совершали апостолы, возложил руки на крещаемого с призыванием Святого Духа<sup>14</sup>.

Вскоре тот же начальник ГПУ, который отправил владыку на край света, прислал сани, чтобы вернуть его обратно в Туруханск. В Туруханске умер крестьянин, а для его спасения была необходима сложная операция, которую без профессора сделать не смогли, и крестьяне ре-

шили разгромить сельсовет и ГПУ. Напуганные возмущением народа, власти немедленно послали за доктором. Вернувшись, он, как и прежде, стал работать в больнице, лечить людей и ездить на службу в монастырь на санях, покрытых ковром<sup>15</sup>.

Его ссылка закончилась в январе 1926 года. Вернувшись в Ташкент, епископ Лука увидел, что благодаря самоотверженным стараниям Софии Сергеевны Велицкой, заменившей им мать, дети его благополучны. Однако его жизнь претерпела изменения. В университете его, как неблагонадежного, лишили преподавательского места. Конфликты на церковной почве побудили его подать прошение об увольнении на покой. Прощение было подписано, и с 1927 года профессор-епископ, лишенный двух кафедр — церковной и университетской, проживал в Ташкенте как частное лицо. По воскресеньям и праздникам он служит в церкви, на дому — принимает больных, число которых достигало до четырехсот человек в месяц. Как и прежде, прием пациентов — бесплатный. Кроме того, вокруг владыки постоянно находились молодые люди, которые помогали ему, учились у него, а тот посылал их по городу разыскивать: нет ли где бедных людей, долго болеющих, которым нужна врачебная помощь. Таких несчастных находили, и святитель помогал им как мог.

Поводом к новому аресту владыки послужила смерть известного в городе профессора-физиолога Ивана Петровича Михайловского. Молодая вдова Гайдебурова-Михайловская обратилась к владыке Луке с просьбой документально подтвердить помрачение ума покойного, так как по церковным канонам священник не имеет право погребать самоубийцу. Отпевать таких людей можно только в том случае, если посягнувший на свою жизнь был душевнобольным. Святитель Лука написал короткую справку, в которой удостоверил, что профессор Михайловский окончил жизнь самоубийством в состоянии несомненной душевной болезни, от которой страдал более двух лет. Эта

записка и стала формальным поводом к его аресту. 6 мая 1930 года владыку арестовали и заключили под стражу. Ровно год он невинно страдал в тюрьме, неся свой подвиг исповедничества Христа. Только 15 мая 1931 года последовал приговор: ссылка в Архангельск. В ссылке ему позволили заниматься хирургической деятельностью, определив на квартиру к пожилой женщине, Вере Михайловне Вальневой. Молился Владыка келейно, а остальное время отдавал работе с больными.

Однажды к нему на приём пришла женщина с большим фурункулом на плече. Казалось бы, ничего особенного, но доктора заинтересовала черная мазь, которой пользовалась больная. Оказалось, что эту мазь делала хозяйка, которая сдавала ему комнату. Вначале он возмутился — подумать только, жить под одной крышей со знахаркой! Но потом научный медицинский интерес взял верх. Доктор стал расспрашивать хозяйку, как она приготавливает свои мази. Та ничего не скрывала и открыла ему весь процесс приготовления мази. Владыка с интересом наблюдал: обеззараженная земля с огорода, мед, свежая сметана, какие-то травы... Но что больше всего поразило профессора — так это неизменный результат: раны очень быстро затягивались, боль утихала, гнойные скопления рассасывались. Пронаблюдав не один десяток случаев благотворного действия мази, доктор стал горячим сторонником этого метода лечения по той простой причине, что антибиотиков в те времена еще попросту не существовало, и многие больные сильно страдали от гнойных процессов.

Чтобы глубже изучить новый для него метод, епископ Лука добился от «отцов города» разрешения для Веры Михайловны работать в больнице. Но и здесь нашлись завистники из коллег, которые начали возмущаться тем, что Войно-Ясенецкий притащил в медицинское учреждение безграмотную знахарку. В итоге, начальство запретило работы с мазями.

Владыку вызывали в Ленинград, и лично Киров уговаривал его снять сан, после чего обещал тут же предоставить ему институт. Но Владыка не согласился даже на печатание своей книги без указания сана<sup>16</sup>.

После окончания ссылки владыка приехал в Москву и явился в канцелярию Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Сам он так вспоминает об этом: «Его секретарь спросил меня, не хочу ли я занять одну из свободных архиерейских кафедр. Оставленный Богом и лишенный разума, я углубил свой тяжкий грех непослушания Христову велению: Паси овцы Моя — страшным ответом «нет»»<sup>17</sup>. Это был тяжелый период в жизни епископа-хирурга. Великое искушение несколько лет терзало его душу. До сих пор в этом, несомненно великом человеке, мирно сосуществовали два образа служения ближнему: духовное и телесное врачевание. Но истосковавшемуся в ссылке по настоящей работе профессору хотелось основать Институт гнойной хирургии, хотелось передать громадный врачебный опыт, накопленный годами таким тяжким трудом. А время шло, здоровье слабело, возраст — пятьдесят шесть... В Министерстве здравоохранения епископу-профессору, только что вернувшемуся из ссылки, в работе отказали. И он оказался на перепутье.

Поездив по разным местам, устроился в небольшой больнице в Андижане. Здесь он не только проводил операции, но и читал курс хирургии для специалистов. При этом, отклонив архиерейское служение, он мучился мыслью о том, что прогневал Бога. Редкую тропическую болезнь, сопровождавшуюся отслоением сетчатки глаза, принял как Божие наказание. Пришлось ехать в Москву, чтобы сделать глазную операцию. Причем оперировать пришлось дважды, так как первая операция оказалась неудачной. «Я лежал с завязанными глазами после операции, — пишет он в мемуарах, — и поздно вечером меня внезапно охватило страстное желание продолжать работу по гнойной хирургии. Я обдумывал, как снова написать об

этом наркочному здравоохранения, с этими мыслями заснул. Спасая меня, Господь Бог послал мне необыкновенный вещий сон, который я помню с совершенной ясностью и теперь через много лет. Мне приснилось, что я в маленькой пустой церкви, у которой ярко освещен только алтарь. В церкви, неподалеку от алтаря, у стены стоит рака какого-то преподобного, закрытая тяжелой деревянной крышечкой. В алтаре на Престоле положена широкая доска, а на ней лежит голый человеческий труп. По бокам и позади Престола стоят студенты и врачи и курят папиросы. Я читаю им лекцию по анатомии на трупе. Вдруг я вздрагиваю от тяжелого стука и, обернувшись, вижу, что упала крышка с раки преподобного, он сел в гробу и, повернувшись, смотрит на меня с неммым укором. Я в ужасе проснулся... Непостижимо для меня, что и этот страшный сон не образумил меня»<sup>18</sup>.

В своих покаянных молитвах я усердно просил у Бога прощения за это двухлетнее продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: «В этом не кайся!»

Осенью 1934 года, после десятилетней подготовки, вышла в свет его монография «Очерки гнойной хирургии». Коллеги высоко оценили этот серьезный научный труд. В.А. Поляков, хирург из Центрального института травматологии и ортопедии, так отзывался об «Очерках...»: «Пожалуй, нет другой такой книги, которая была бы написана с таким литературным мастерством, с таким знанием хирургического дела, с такой любовью к страдающему человеку»<sup>19</sup>.

Некоторое время в жизни епископа Луки всё было вполне благополучно, сам он трудился, работали и учились его дети. Но вот наступил 1937 год — год массовых репрессий, массовых арестов духовенства и всех подозреваемых во враждебном отношении к советской власти. 24 июля чекисты в третий раз арестовали святителя (ему было уже 60 лет). Ряд священнослужителей обвинялся

ОГПУ в создании «контрреволюционной церковно-монашеской организации», ставящей своей целью активную борьбу с советской властью, свержение существующего строя и возврат к капитализму. Но самым страшным было обвинение в шпионаже в пользу иностранной разведки<sup>20</sup>. В отношении Владыки к этому не постеснялись добавить и обвинения в убийстве больных на операционном столе. Следователь Лацис называл заслуженного профессора «хирургом-вредителем». Для человека, всю свою жизнь спасавшего людей от недугов и смерти, это было особенно оскорбительным.

Несмотря на тяжелые условия содержания, дважды в день, обращаясь на восток, Владыка становился в камере на колени, и, не замечая ничего вокруг себя, молился. Но не это было удивительным: там, где яблоку негде было упасть, где измученные, озлобленные люди готовы были ругаться и драться по любому пустячному поводу, на время молитвы воцарялась тишина.

Протестуя против насильственного отрыва от священнослужения, хирургии, важной научной работы, против лишения семьи, свободы и чести епископ Лука объявил голодовку и виновным себя не признавал. Во время заключения он претерпел карцер, побои, издевательства и «конвейер» — изуверский метод, когда непрерывные допросы, сопровождаемые пытками и побоями, доводили подсудимого до умопомрачения. Обычно в таком состоянии и подписывался необходимый следствию документ. Владыка Лука дважды испытал на себе нечеловеческую жестокость этого «изобретения». После одного из таких конвейеров его, обессиленного от побоев и издевательств и, очевидно, ничего не понимавшего, заставили подписать протокол допроса.

Совершенно неожиданно следствие документально зафиксировало еще одну несомненную добродетель святителя. Владыка регулярно оказывал помощь ссыльным архиереям и священникам, посылая им деньги и будучи сам, несмотря

на свои напряженные труды, на грани нищеты, когда его собственная семья часто не видела и необходимого.

Власть осудила епископа Луку к ссылке на пять лет в Красноярский край. На этот раз — в районный центр Большая Мурта в 110-ти километрах от Красноярска. С марта 1940 года ссыльный Войно-Ясенецкий, епископ, хирург с мировым именем, уже живет и работает в районной больнице, что называется, за бельё и пропитание. Церковь в Большой Мурте взорвали еще в 1936 году, и владыка ходил молиться в рощу, расположенную на окраине посёлка.

Когда началась Великая Отечественная война, епископ Лука не остался в стороне, не таил обиду на государство. Он пришел к руководству райцентра и предложил свои опыт, знание и мастерство — для лечения воинов советской армии. В это время в Красноярске как раз был организован огромный госпиталь, с фронта шли эшелоны с ранеными. Квалифицированная помощь была очень важна, поэтому начальник госпиталя лично специальным самолетом прилетел в Большую Мурту и вывез епископа Луку в Красноярск.

В октябре 1941-го епископ Лука назначается консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакуогоспиталя. Он с головой погружается в многотрудную и напряженную хирургическую работу. Самые тяжёлые операции, осложненные обширными нагноениями, приходится делать прославленному хирургу; многим он спас жизнь и здоровье. Раненые офицеры и солдаты очень любили «своего» доктора. Когда профессор делал утренний обход, радостно приветствовали его. Некоторые из них, безуспешно прооперированные в других госпиталях по поводу ранений больших суставов, неизменно салютовали ему высоко поднятыми уцелевшими ногами.

Приезжавший в госпиталь с инспекторской проверкой профессор Приоров отмечал, что ни в одном из госпиталей он не видел таких блестящих результатов лечения



инфекционных ранений суставов. Деятельность епископа Луки была отмечена грамотой и благодарностью Военного совета Сибирского военного округа<sup>21</sup>. Это было официальным признанием его трудов.

Срок ссылки закончился в середине 1942 года, этой же осенью Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием епископ Лука был возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую кафедру. Так, волей Божией и благословением священноначалия владыка возвратился к архиерейскому служению. Но, возглавляя Красноярскую кафедру, он, как и раньше, продолжал хирургическую работу, возвращая в строй защитников Отечества.

Профессор додумался до того, чтобы отбирать в свой госпиталь наиболее тяжелых гнойных больных, чему другие врачи были только рады, потому что эти случаи считались безнадежными, обречёнными.

Напряженная работа архиепископа Луки в красноярских госпиталях давала блестящие научные результаты. В конце 1943 года было опубликовано 2-ое издание книги «Очерки гнойной хирургии», переработанное и значительно дополненное, а в 1944 году вышла книга «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов». За эти два труда архиепископу Луке была присуждена Сталинская премия I степени. Из 200000 рублей этой премии 130 он вернул Сталину — на обеспечение сирот, 60 раздал своим детям, 10 раздал бедным. Это время стало временем его земной славы и признания: книги получили прекрасные отзывы коллег, слава об архиепископехирурге росла, о нем уже писали в США; специальный корреспондент ТАСС приезжал для того, чтобы сделать фотоснимки и взять интервью. По просьбе профессора С.С. Юдина скульптор создал его бюст. Два местных художника написали портрет Владыки. Но время триумфа было весьма недолгим.

В 1944 году, вслед за победоносным наступлением наших войск, эвакуогоспитали переехали в Тамбов. Владыка

Лука был назначен хирургом-консультантом. Его ожидало широкое поле деятельности в госпиталях и областной больнице. Насыщенность и обширность хирургической работы была колоссальной: 67-летний Владыка работал по восемь-девять часов в сутки и делал четыре-пять операций ежедневно! Все это сказалось на, и без того подорванном в ссылках и тюрьмах, здоровье. В том же 1944 году Владыка получил указ о назначении на Тамбовскую кафедру. Действующими там были только церкви в Тамбове и Мичуринске, а подавляющее большинство храмов использовалось властью как подсобные и складские помещения. Тогда, впервые после революции, тамбовский архипастырь изложил перед Священным Синодом план возрождения духовной жизни в своей епархии: это — религиозное просвещение интеллигенции, знакомство её с миром духовным, церковное воспитание детей, открытие воскресных школ для взрослых...

Получив запрет властей на созыв общепатриархального собрания духовенства и мирян, владыка обратился к верующим с призывом: «Примемся все, сильные и слабые, бедные и богатые, ученые и неученые, за великое и трудное дело восстановления Церкви Тамбовской и жизни ее»<sup>22</sup>. И действительно, общенародный духовный подъем привел к тому, что к началу 1946 года было открыто 24(!) прихода.

Прошли чуть больше двух месяцев после назначения на Тамбовскую кафедру, но эхо самоотверженной архипастырской деятельности святителя Луки докатилось до Москвы: уполномоченный по делам религии Г.Г. Карпов выговаривал об этом Патриарху.

В феврале 1945 года Патриарх Алексей I (Симанский) наградил владыку Луку правом ношения на клобуке бриллиантового креста. Затем последовал Указ о переводе на Крымскую кафедру. И снова Владыка ревностно приступает к своему служению на новом месте.

Много работы по упорядочению епархиальных дел легло на плечи 70-летнего старца. Церкви разрушены, на-

род в нищете, священников не хватает, власти используют любые возможности, чтобы закрыть тот или иной храм. Но, несмотря на преклонный возраст, на болезни, которые одолевают его, архиепископ Лука употребляет много сил и энергии по наведению порядка в епархии: назначает, увольняет, перемещает духовенство без согласования с уполномоченным. Степень его популярности под конец жизни во время общего послевоенного охлаждения чиновников к Церкви можно проиллюстрировать следующим случаем.

В стране, где десятки тысяч людей были вынуждены по команде, размахивая флажками, выражать свою «сердечную» признательность приезжим королям и президентам, подлинная искренняя симпатия народа прорывалась в формах самых неожиданных. В начале 1951 года владыка Лука прилетел самолетом из Москвы в Симферополь, и на аэродроме его никто не встретил. То ли телеграмма задержалась, то ли что еще, но в результате полуслепой старик растерянно застыл перед зданием аэропорта, не зная как добраться до дома. Горожане узнали его. Кто-то спросил: «Что случилось?» Кто-то помог занять место в автобусе. Но самое удивительное случилось, когда Лука собрался сходить на своей остановке. По просьбе пассажиров водитель автобуса свернул с маршрута, и, проехав лишних три квартала, остановил автобус у самого крыльца дома на ул. Госпитальной. Архиерей покинул автобус под аплодисменты тех, кто хотя бы раз в жизни бывал в православном храме.

После своего приезда в Симферополь в 1946 году Владыка рассчитывал на то, что его знания и опыт в хирургии будут востребованы. Профессор Войно-Ясенецкий был консультантом госпиталя в Симферополе, помогал госпиталю инвалидов Великой Отечественной войны. До конца 1947 года он, как хирург и профессор, читал доклады, лекции врачам, оперировал больных и раненых<sup>23</sup>. Владыка аккуратно посещал собрания Хирургического

общества, куда приходили гражданские и военные врачи, внимательно слушал их доклады, выступления, обязательно внося необходимые поправки. Были опубликованы результаты его последних медицинских исследований. Но сам вид профессора, неизменно читающего лекции в рясе и с панагией до того раздражал медиков, что однажды в Алуште доклад его был сорван, а руководство работой хирургических амбулаторий и чтение лекций по гнойной хирургии было отменено. Ему было рекомендовано читать доклады лекции на медицинские темы не в архиерейской, а в светской одежде. Святитель Лука категорически отказался. Тогда его перестали приглашать для чтения лекций.

Святитель-хирург продолжил врачебную практику у себя дома. На двери его кабинета было вывешено объявление, которое сообщало, что хозяин этой квартиры, профессор медицины, ведет бесплатный прием ежедневно, кроме праздничных и предпраздничных дней. Для святителя-хирурга не было «медицинского случая», а был живой, страдающий человек, и физическое выздоровление он всегда связывал с обращением к Богу, всегда учил больных у Бога просить выздоровления.

Не один раз ему пришлось браться и за скальпель. Однажды в клинику Симферополя доставили секретаря Керченского горкома партии с гнойным процессом в тазовых костях. Случай тяжелый, почти безнадежный. Главный хирург госпиталя попросил, чтобы оперировал профессор. Посмотреть на операцию пришли все медики госпиталя, и пришло несколько медиков из городских больниц. Операция прошла успешно и по ее окончании старцу поставили кресло в саду под яблоней. Туда же ворвалась жена оперированного: «Чем я вам обязана, профессор?» И дальше — речь на тему «мы с мужем ничего не пожалеем, у мужа в Керчи огромные возможности...». Лука ответил ей просто и благородно: «Вы мне обязаны до-сви-да-ни-ем!»<sup>24</sup>

Конечно, Владыка хотел приносить пользу своим соотечественникам, врачую их болезни. Но время неумо-

лимо шло вперед, здоровье стало ухудшаться, зрение на единственном здоровом глазу притуплялось. К 1956 году Владыка полностью ослеп, но слепота не стала препятствием к активному доброделанию. Сердце святителя Божия было переполнено любовью и жалостью к ближним. Не имея возможности оказать медицинскую помощь Галине Филиной, у которой была саркома головного мозга, он сказал матери: «Я буду за нее молиться». Прихожане собора г. Симферополя рассказывали о том, как Владыка служил в будний день Божественную литургию, усердно молился и, стоя на коленях, произносил особые прошения за болящую отроковицу Галину. И Господь услышал его молитвы. Девочка выздоровела, стала продолжать учебу, впоследствии окончила медицинский институт, защитила кандидатскую диссертацию, работала в Москве в Институте сывороток и вакцин имени Менделеева<sup>25</sup>. Подводя итоги своего сугубого служения — медицинского и архиерейского, владыка писал в одном из писем: «Верно, конечно, то, что вы пишете о лечении больных. Но вы не знаете, как необычайно ценят меня как духовного врача. Очень многие говорят и пишут, что я оживил их духовно, возродил к новой жизни, и в самых трогательных выражениях изливают свою благодарность и любовь. Они пишут, что, как ни высока моя медицинская деятельность, но архиерейская неизмеримо важнее. Я и сам так думаю»<sup>26</sup>.

Преставился этот выдающийся человек 11 июня 1961 года, в день всех святых, в земле Российской просиявших. Панихиды следовали одна за другой, дом до отказа наполнился народом, люди заполнили весь двор, внизу стояла громадная очередь. Все время звучало Евангелие, прерывавшееся панихидами, священники сменяли друг друга, а люди все шли и шли непрерывной вереницей поклониться владыке. Несмотря на сопротивление уполномоченного, три километра от собора до кладбища люди несли на руках своего владыку в течение трех часов.

Чудеса исцелений душевных и телесных недугов, во множестве происходившие на могиле святителя Луки, всенародное его почитание подвигло священноначалие Православной Церкви к внимательному изучению его жизни и творений, в результате чего в 1996 году архиепископ Крымский Лука был прославлен Церковью в лике святых.

А закончить статью об архиепископе Луке мне бы хотелось словами святого апостола Павла, который заповедует вновь и вновь приходящим поколениям: «Братья, помните наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

### Примечания

<sup>1</sup> Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Я полюбил страдание... Автобиография. М., 1996. С. 14.

<sup>2</sup> Поповский М.А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. СПб., 2004. С. 58-59.

<sup>3</sup> Там же. С. 66.

<sup>4</sup> Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Указ. соч. С. 21-22.

<sup>5</sup> Там же. С. 24.

<sup>6</sup> Там же. С. 22.

<sup>7</sup> Там же. С. 30.

<sup>8</sup> Там же. С. 30-31.

<sup>9</sup> Поповский М.А. Указ. соч. С. 118-121.

<sup>10</sup> Там же. С. 144.

<sup>11</sup> Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Указ. соч. С. 42.

<sup>12</sup> Поповский М.А. Указ. соч. С. 163.

<sup>13</sup> Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Указ. соч. С. 49.

<sup>14</sup> Поповский М.А. Указ. соч. С. 192.

<sup>15</sup> Там же. С. 197.

<sup>16</sup> Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. Т. 2. М., 1989. С. 287.

<sup>17</sup> Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Указ. соч. С. 76.

<sup>18</sup> Там же. С. 78.

<sup>19</sup> Поляков В.А. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (К 80-летию со дня рождения). // «Хирургия». 1957. № 8. С. 130. Цит. по: Марущак Василий, протоиерей. Святитель-хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 1997. С. 42.

<sup>20</sup> Солженицын А.И. Указ. соч. С. 29.

<sup>21</sup> Пузин Н.П. Несколько писем В.Ф. Войно-Ясенецкого (Л.Н. Толстому, Н.П. Пузину). // «Слово». 1991. № 3. С. 48. Цит. по: Марущак Василий, протодиакон. Указ. соч. С. 49.

<sup>22</sup> Кученкова В. Войно-Ясенецкий. Тамбов, 1994. // «Новая тамбовская газета». 05.05.1995. Цит. по: Марущак Василий, протодиакон. Указ. соч. С. 54.

<sup>23</sup> Крымский государственный архив. Ф. 721. С/р-2647. Оп. 1. Д. 4. Цит. по: Марущак Василий, протодиакон. Указ. соч. С. 66.

<sup>24</sup> Поповский М.А. Указ. соч. С. 415-416.

<sup>25</sup> Архив Крымской епархии. Материалы Комиссии по канонизации архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого). Свидетельство В.М. Тимошек. Цит. по: Марущак Василий, протодиакон. Указ. соч. С. 76.

<sup>26</sup> Шаповалова А. 25 лет архиерейского служения Высокопреосвященного Луки, Архиепископа Крымского и Симферопольского. // «Журнал Московской Патриархии». 1948. № 6. С. 8. Цит. по: Марущак Василий, протодиакон. Указ. соч. С. 77.

*СТАРИКОВ Сергей Валентинович,  
доктор исторических наук,  
профессор кафедры отечественной истории МарГУ*

### **Россия под скипетром Романовых** (к 400-летию воцарения династии Романовых)

21 февраля 1613 г. земский собор в Москве избрал русским царем 16-летнего боярина Михаила Феодоровича Романова. «Да примет он, — говорилось в избирательной грамоте, — скипетр Российского Царства для утверждения истинной нашей православной веры и чтобы Господь Бог Его Государским призрением во всем Московском Государстве расточенные и разоренные исправил и во едино благочестие совокупил и междоусобие утолил и вся благая Московскому Государству устроил»<sup>1</sup>. Эту грамоту подписали все выборные люди от знатного боярина до простого крестьянина и казака. 14 марта 1613 г. торжественное посольство из Москвы прибыло в Кострому. У стен Ипатьевского монастыря, где тогда находился М.Ф. Романов со своей матерью инокиней Марфой, послы в сопровождении крестного хода просили Михаила принять царский венец. После некоторых колебаний Марфа уступила и благословила сына на всероссийский трон перед образом Феодоровской иконы Божией Матери. Летом 1613 г. государь прибыл в Москву. Он стал основателем династии Романовых. Так закончилась смута начала XVII в., и Россия обрела новый царствующий дом.

За триста лет царский престол переходил от отца к сыну по наследству. Если же не было сыновей, к власти приходили женщины. Из двадцати монархов было шесть императриц. Самым великим российским самодержцем стал Петр Великий. При нем в 1721 г. Россия была провозглашена Империей. Династия Романовых дала стране много выдающихся государственных деятелей, верно служивших своему Отечеству: Михаила Феодоровича (1613-



1645), Алексея Михайловича (1645-1676), Петра I (1689-1725), Екатерину II (1762-1796), Александра I (1801-1825), Николая I (1825-1855), Александра II (1855-1881), Александра III (1881-1894), Николая II (1894-1917).

За три века правления Романовых Россия превратилась в великую державу. Она выросла из границ Московского царства и стала великой евразийской страной, раскинувшейся на двух материках — Европе и Азии, занимая одну шестую часть суши. Приращение территории на востоке шло в основном путем мирного присоединения обширных территорий Сибири и Дальнего Востока. Русские землепроходцы уже в XVII в. поставили российские опознавательные знаки на Сахалине и Курильских островах. Заселение и освоение этих территорий произошло в XIX — начале XX вв. На западе Россия проводила активную внешнюю политику. При Екатерине II в ходе трех разделов Польши России были возвращены земли, входившие до XIII в. в состав Киевской Руси. На южных рубежах в первой половине XIX в. Россия присоединила Кавказ, а в 70-80-е гг. — Среднюю Азию. Попытки Англии ослабить влияние России на её южных границах успеха не имели. Россия поддержала национально-освободительную борьбу славянских народов на Балканах против турецкого владычества. На рубеже XIX — XX вв. усилилось присутствие России в Северо-Восточном Китае и Корее. К концу XIX в. территория Российской империи составляла 22,4 млн. кв. км. Как говорили тогда многие, над Россией никогда не заходило солнце: если на западе оно клонилось к закату, то на востоке начинался новый день. По Первой Всероссийской переписи 1897 г. население империи составляло 128,2 млн. человек. Территория делилась на 81 губернию и 20 областей; в стране насчитывался 931 город.

Россия испокон веков складывалась как многонациональное государство. В Российской империи проживало свыше 100 народов. 57 % населения составляли нерусские народы<sup>2</sup>. Вопреки некоторым утверждениям о Россий-

ской империи как «тюрьме народов», дореволюционная Россия продемонстрировала всему миру, что российская государственность и титульная нация — русские не только не несут угрозу национальной самобытности других народов, но, наоборот, стремятся к гармонизации межнациональных отношений. Менталитет русских был таков, что русский человек никогда не выступал в роли завоевателя и покорителя. Он приходил на помощь, делился с ближним последним, к какой бы нации этот ближний ни принадлежал. Государственная политика в отношении «иностранцев»<sup>3</sup> претерпела значительную эволюцию — от первоначальных попыток жесткой русификации и крещения иноверцев до фактического признания за ними культурно-национальной автономии, выразившейся в развитии их языка, культуры, религии, обычаев, традиций. Многие народы получили свою письменность. Так, марийский народ во второй половине XVIII в. получил свою письменность. В 1775 г. в Санкт-Петербурге была издана первая «Грамматика черемисского языка». Появились первые национальные школы и просветители. Ни о каком уничтожении национальной самобытности не могло быть и речи. Приобщение к великой русской культуре и Православию, а через них и к достижениям мировой цивилизации происходило вполне естественным путем в рамках хозяйственной, культурной и бытовой интеграции и проводимой государственной политики, когда народы не противопоставлялись, а объединялись. Все население считалось подданными Российской империи. Мужское население (от 20 лет) присягало на верность императору. Граждан империи воспитывали в духе державности, патриотизма и любви к своему Отечеству. А государь-император был в ответе за своих верноподданных граждан. Он, как помазанник Божий, наделялся самодержавной властью, чтобы заботиться о благе своих подданных и величии державы. Никаких личных корыстных целей цари и императоры не преследовали. Они не были временщиками. Россия для

них была Родиной, а не объектом власти и наживы. Когда в январе 1897 г. во время Первой Всероссийской переписи императору Николаю II принесли в Зимний дворец переписной лист, то государь в графе «Ваши занятия» достойно написал: «Хозяин Земли Русской», подчеркнув, таким образом, свою миссию в стране.

Царская миссия, царское дело осознавались народом. Крестьяне являлись самым крупным сословием в России, составляя более 90% жителей. «Без царя и земля сирота», — говорили крестьяне. В народном сознании царь был поборником блага и высшей социальной справедливости. Даже в период внутренних усобиц, крестьянских войн XVII — XVIII вв. крестьяне обращали свой гнев против помещиков и местной администрации, сохраняя веру в справедливость царской власти. Поэтому деревня, многомиллионное крестьянство были оплотом российской державы. Крестьяне создавали материальные блага, отдавали своих сыновей в армию, платили налоги. Деревенская Россия, наряду со служилым сословием — дворянством, всегда оставалась стеновым хребтом империи. В пореформенный период (вторая половина XIX века), когда капитализм и социальное расслоение затронули деревню, крестьяне по-прежнему оставались оплотом России. Они сражались за «Веру, Царя и Отечество» в многочисленных войнах, которые вела Россия в XVII — начале XX вв. Из крестьянского сословия вышло много знаменитых людей России. Талант всегда пробивал себе дорогу и был замечаем.

Романовы покровительствовали науке, литературе, искусству, оказывая материальную и моральную поддержку талантам. Учреждались премии и стипендии, устраивались благотворительные фонды, чествовались ученые, писатели, художники, артисты, музыканты. Огромных успехов добилась российская наука. Она развивалась как в стенах Академии наук, основанной Петром I, так и в университетах. В XIX — начале XX вв. сложились известные рос-

сийские научные школы в области математики, химии, физиологии, медицины, лингвистики, истории и других наук. Имена таких ученых, как М.В. Ломоносов, Н.И. Лобачевский, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и другие, были известны далеко за пределами России. Основоположник и создатель русской физиологической школы академик И.П. Павлов в 1904 г. стал лауреатом престижной Нобелевской премии. Наш земляк, царевококшаец Василий Алексеевич Богородицкий, сын священника, стал одним из крупных ученых филологов Казанской русской лингвистической школы, создателем первой в мире фонетической лаборатории. По его учебникам русского языка и сегодня занимаются все русские филологи. Великий Д.И. Менделеев, ученый химик, исследователь, человек разносторонних интересов, был истинным патриотом своей Родины. В своей книге «К познанию России» он писал об огромных возможностях, которыми располагает наше Отечество в решении природно-хозяйственных проблем, экономического роста, повышения благосостояния народа. Он видел и великую евразийскую миссию России, отметив: «Страна-то ведь наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальной Азии, долженствующая так или иначе их помирить»<sup>4</sup>.

Эпоха Романовых стала временем расцвета русской национальной культуры. На первую половину XIX в. приходится «золотой век» русской культуры. Пушкин, Гоголь, Лермонтов и еще десятки славных имен деятелей литературы и искусства создали мировую известность русской культуре, посеяли непреходящий интерес к России, её духовному и культурному наследию. На рубеже XIX — XX вв. Россия переживала новый этап подъема в этой области — «серебряный век», давший стране и миру новые шедевры художественного творчества, новые имена писателей, поэтов, музыкантов, художников и архитекторов. Некоторые из них после революции 1917-1918 гг. оказались забытыми, вычеркнутыми из летописи русской

истории и культуры. Сегодня их имена и творчество вновь возвращаются к нам. Среди них наш земляк, поэт, уроженец деревни Савино под Царевококшайском, Александр Ефимович Котомкин (Савинский). Удивительна его судьба, интересно и оригинально его творческое наследие. При поддержке Великого Князя Константина Романова, известного поэта К.Р., в простом крестьянском паренке из царевококшайской глубинки расцвел талант поэта, драматурга, гусляра-складателя, выходили его поэмы и поэтические сборники<sup>5</sup>. В 2013 г. в Йошкар-Оле установлен памятник А.Е. Котомкину (Савинскому) — поэту, великому патриоту России.

«Серебряный век» пришелся на период правления последнего российского императора Николая II (1894-1917). Об эпохе государя Николая Александровича хотелось бы сказать отдельно. В эти годы Российская империя переживала небывалый подъем. В 1890-е гг. в стране началась индустриализация — создание крупной машинной индустрии. За 1890-1913 гг. объем продукции тяжелой промышленности вырос в семь раз. К 1914 г. в России было 255 металлургических заводов (крупнейшие из них — 27 заводов юга России), 568 предприятий угольной промышленности, 170 нефтедобывающих и 54 нефтеперерабатывающих предприятий, 1800 крупных и мелких металлообрабатывающих предприятий. В России быстрыми темпами шел процесс монополизации промышленного производства, образовывались синдикаты и товарищества. Россия знала все новейшие формы организации производства и капитала. Рост частного капитала и иностранных инвестиций регулировался государством. За частным сектором и банками был установлен надлежащий контроль. Никакой утечки капитала и мозгов из империи не было. Если за границу вывозили капитал, то эти деньги работали на Россию и приносили государству солидные дивиденды. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в этот период являлись самыми высокими в мире и

составляли 9-10 %. В целом по уровню промышленного производства Россия занимала четвертое место в Европе, пятое — в мире, уступая лишь таким странам, как США, Германия, Англия, Франция и Австро-Венгрия<sup>6</sup>. Русские предприниматели и общественные деятели пророчили России великое будущее, выход к 1930-м гг. на первые позиции не только по объему промышленной продукции, но и по её производству на душу населения. Однако, Первая мировая война и революция прервали этот процесс, а начатая индустриализация была завершена в 1926-1940 гг. уже в СССР.

В Российской империи активно развивался транспорт, была построена самая длинная железнодорожная магистраль в мире — транссибирская — протяженностью 7416 км. В 1903 г. открылось сквозное движение поездов. Великий Сибирский путь связал воедино великую империю, Европу и Азию. Россия имела в это время самый крупный и комфортабельный речной флот в мире. По данным переписи 1912 г., он состоял из 5556 пароходов и теплоходов. В одном только волжском бассейне курсировало 2853 судна. Объем пассажирских перевозок по Волге в 1913 г. составил 9,8 млн. человек. Многие «царские» пароходы плавали до конца советской эпохи. Их паровые и тепловые двигатели прослужили без капитального ремонта по 70-80 лет. Пароходные общества предоставляли пассажирам максимум комфорта и услуг: льготные билеты с длительными остановками и пересадкой на любой другой пароход компании, бесплатные путеводители по Волге, бесплатный ночлег на пристани в ожидании рейса, пароходная почта, высадка пассажиров с лодок там, где не было пристаней, удобное расписание<sup>7</sup>.

Сельскохозяйственное производство в России в начале XX в. быстро развивалось. Внутренний и мировой рынок стимулировал его рост. К тому же император Николай II принял столько положений и указов по крестьянскому вопросу, сколько не принималось за все время сущест-

водства государства Российского. В итоге Россия производила более половины производимой в мире ржи, более четверти — пшеницы, овса, ячменя и более трети картофеля, стала главным экспортером сельскохозяйственной продукции, «житницей Европы». В 1909 г. валовой сбор хлеба составил 4,72 млрд. пудов. Хлебный экспорт вылился в рекордную величину — 849 млн. пудов. Стоимость российского экспорта составила огромную сумму — 1427,7 млн. рублей<sup>8</sup>.

Вопреки расхожим представлениям о том, что царское правительство только и делало, что защищало интересы помещиков и капиталистов, в годы правления дома Романовых Россия стала одной из передовых стран с развитым рабочим законодательством. Еще в 1785 г. императрица Екатерина II утвердила закон о шестидневной рабочей неделе. На казенных предприятиях был введен запрет ночного труда женщин и детей. В западных странах запрещалось пропагандировать это новшество императрицы. Передовым для своего времени стало рабочее законодательство Николая II. В 1912 г. был принят закон о страховании рабочих, в соответствии с которым рабочий мог получать бесплатную медицинскую помощь. При болезни ему полностью оплачивалось 27 дней в году. В случае увечья выплаты могли составить 2/3 заработка. По мнению президента США Уильяма Тафта, российский император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может.

Относительно стабильный уровень жизни и доходов населения в начале XX в., до Первой мировой войны, во многом обеспечивался устойчивостью курса русской валюты — рубля, который по денежной реформе 1897 г. являлся конвертируемой валютой мира и свободно обращался на европейском и мировом финансовых рынках. Доходы населения увеличивались. Заработная плата квалифицированного российского рабочего обеспечивала ему

вполне приличный уровень жизни при дешевизне продовольственной продукции в 1910-1913 гг. Годовые оклады учителей, врачей в это время были значительно выше. Например, в Царевококшайской женской гимназии в 1912-1913 гг. учителя с высшим образованием получали годовое жалование 1275 руб., со средним — 1040 руб. В то время как фунт пшеничного хлеба (400 граммов) стоил не более 5 копеек, фунт мяса лучшего сорта — не более 17 копеек<sup>9</sup>. Неслучайно, пришедшие в 1917 г. к власти большевики всегда сравнивали свои показатели социально-экономического развития в 1920-1930-е гг. с дореволюционным 1913 г. Значит, было с чем сравнивать и на что равняться.

Конечно, императорская Россия была еще далека от государства всеобщего благоденствия. После реформ императора Александра II в обществе усилилось социальное расслоение. Часто случались неурожайные годы. Незавершенность реформ, социальные противоречия, поляризация бедности и богатства, как собственно и в любой другой стране, усиливали протестные настроения, создавали почву для грядущих социальных потрясений. И правительство часто оказывалось не на высоте положения, и интеллигенция аккумулировала в себе оппозиционные настроения, становилась во враждебное отношение к власти. Но нельзя не видеть, что императорская власть и государство очень многое делали для установления социального мира и повышения уровня жизни российских граждан. Лишь непримиримая политическая оппозиция в лице левых революционных партий, поставившая своей целью «свалить царизм» во что бы то ни стало, ни при каких условиях не желала признать достижения России и занималась её разрушением.

В начале XX в. в Российской империи началось преобразование, трансформация неограниченной монархии в парламентскую. 17 октября 1905 г. император Николай II даровал русскому народу Манифест — один из самых демократических документов той эпохи. Население России



получило право на неприкосновенность личности, свободу слова, печати, собраний, союзов. В стране создаются политические партии, организации, выходят в свет тысячи периодических изданий, возникает огромное количество всевозможных обществ, профессиональных союзов. В 1906 г. Россия избрала свой первый парламент — Государственную Думу с правами законодательного характера. Однако страна не смогла сохранить и преумножить дарованные государем свободы. Пышным букетом расцвела антиправительственная, антигосударственная деятельность. Революционеры сотворили себе кумира — «царство социализма» — что-то далекое и романтическое и непонятно как достижимое, «звавшее» на фанатичную борьбу с существующим строем. Либералы стали добиваться «ответственного министерства», чтобы лишить царя властных полномочий и превратить его в марионетку, закрывая глаза на последствия анархии и хаоса. И те, и другие фактически делали все, чтобы свалить царскую власть и разрушить веками складывавшуюся империю.

Первая мировая война, по признанию всех, стала кануном и могучим ускорителем революции 1917-1918 гг. Российская империя не смогла выдержать огромного напряжения, которое обрушилось на её плечи. Внешний враг угрожал её пределам и статусу. Даже союзники не желали усиления России. Но, несмотря на все трудности, неудачи на фронте, русская армия не только отразила атаки противника, но и спасла от разгрома своих союзников по Антанте на западном европейском театре военных действий. Доблестная императорская армия в 1914-1915 гг. храбро сражалась за «Веру, Царя и Отечество». В ходе боев погибли лучшие сыны России — офицеры и солдаты, присягнувшие государю и исполнившие свой долг до конца. Сотни тысяч получили ранения, контузии и увечья. В 1916 г. состав армии сильно изменился, следствием чего стало проникновение в нее пораженческих настроений и разложение ее. Но значительно большую роль в круше-

нии империи сыграл враг внутренний — социал-демократы (большевики, меньшевики) и социалисты-революционеры (эсеры, энесы, эсеры-максималисты). Они терзали государство изнутри, действовали по принципу «чем хуже, тем лучше». Социалистическая пропаганда в годы войны пустила глубокие корни и в тылу, и на фронте. Отечество, патриотизм стали для социалистов пустым звуком. «Даешь мировую революцию!», «Да здравствует гражданская война!» — эти и другие лозунги революционных фанатиков находили поддержку у части обездоленных войной людей, готовых ради сиюминутной выгоды и удовольствий поверить своим новым кумирам и вольно или невольно превратиться в союзника врага внешнего. История распорядилась так, что цели извне и изнутри фактически совпали, и этот удар по империи и династии стал роковым. К этому добавились экономический кризис, нехватка продуктов и товаров первой необходимости, неустойчивость правительственной власти.

2 марта 1917 г. император Николай II с тяжелым чувством записал в своем дневнике: «Кругом измена и трусость, и обман»<sup>10</sup>. Сложившиеся обстоятельства оказались выше возможностей государя. Во имя России, её спасения, предотвращения еще большей беды царь принял решение об отречении. Это был мужественный поступок помазанника Божия во благо государства Российского и его народа. Тогда в начале весны 1917 г. государь еще не мог знать, какие испытания предстоит выдержать его стране в революционной буре и анархии 1917-1918 гг. Для него, как и для всей династии Романовых, главным мотивом действий оставался принцип: «Лишь бы жила Россия!» Летом 1918 г. большевики провели акцию по ликвидации дома Романовых. Их жертвами стали Николай II, его семья, великие князья и княжны. Цареубийцы стремились физически истребить венценосцев, уничтожить память о Романовых. Но история не терпит поруганий. Она рано или поздно выносит свой справедливый вердикт. Свет-

лый образ царственных страстотерпцев и всех правителей династии Романовых обретается и живет в новой России, помнится всеми, кто действительно любит свое Отечество, гордится его историей, верит и надеется на его прекрасное будущее.

### Примечания

<sup>1</sup> Россия под скипетром Романовых. Очерки из русской истории за время с 1613 по 1913 год. СПб., 1912. С. 27.

<sup>2</sup> История Отечества. Энциклопедический словарь. М., 2003. С. 425.

<sup>3</sup> Так в официальных документах XIX — начала XX вв. называли ряд народов, особенно кочевых, живших на территории Поволжья, Казахстана, Сибири (калмыки, киргизы, буряты, якуты и др.)

<sup>4</sup> Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1906. С. 3.

<sup>5</sup> См. подробнее: Стариков С.В. Александр Котомкин (Савинский): жизнь, творчество, судьба. Йошкар-Ола, 2012.

<sup>6</sup> История Отечества. Указ. соч. С. 79-80.

<sup>7</sup> См.: Стариков С.В. Великая река России на рубеже XIX — XX веков: Волга от Нижнего Новгорода до Казани на старинных открытках. Йошкар-Ола, 2009. С. 53.

<sup>8</sup> История Отечества. Указ. соч. С. 78.

<sup>9</sup> Стариков С.В. Царевококшайский альбом. Эпоха, город и горожане на старинных открытках и фотографиях. Йошкар-Ола, 2008. С. 250-251.

<sup>10</sup> Дневник Николая II (1913-1918). М., 2007. С. 386.

*ЕРОШКИН Юрий Витальевич,  
научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ*

**Библиотечное и книгоиздательское дело  
в монастырях Марийского края  
в дореволюционное время**

«Чтение духовных книг просвещает наш разум и показывает путь ко спасению, питает душу так, как физически пища питает тело», — писал преподобный Макарий Оптинский<sup>1</sup>. Об освоении духовной литературы как одном из необходимых деланий писали многие святые Отцы, имея в виду конечно же, прежде всего, чтение Священного Писания, книг святоотеческих и церковных. В связи со значением подобного делания библиотеки при марийских монастырях стали одной из форм просвещения монашескими населению Марийского края. Книжные фонды их, по-видимому, были доступны как проживавшим в монастырях насельникам и насельницам, так и грамотным прихожанам, использовались священноиноками при окормлении паствы. Библиотечное собрание составляли, как правило, книги богослужебные<sup>2</sup>, духовные (святоотеческие и других церковных авторов), социокультурные (прежде всего, исторические), а также материалы периодической печати, что наблюдалось особенно со второй половины XIX века.

Первое известное нам описание библиотечного фонда применительно к монашеским обителям Марийского края относится к Спасо-Юнгинскому монастырю, основанному в 1625 году. В 1744 году сюда были присланы книги из Казанской Духовной консистории<sup>3</sup>. В описании книжного собрания обители, наряду с Евангелием, Апостолом, Псалтирью, Триодью, Минеей общей, требником, служебником упоминаются Четьи-минеи, житие святителя Николая Чудотворца, книга преподобного Ефрема Сирина<sup>4</sup>. Наличие библиотек при других монашеских обителях Марийского края XVII — первой половины XIX веков

вследствие недостатка источников к настоящему моменту не выявлено, хотя предположить их существование (например, в Козьмодемьянском Богоявленском мужском монастыре, где, так же как и в Спасо-Юнгинском, была архимандрития), вполне возможно.

Более широкое развитие библиотечное дело при монастырях Марийского края получило со второй половины XIX века в связи с активизацией просветительской, миссионерской, социокультурной деятельности монашеских обителей. Например, в апреле 1895 года в библиотеке Мироносицкого мужского монастыря содержалось 27 томов книг Священного Писания и творений святых Отцов, 195 книг духовного содержания, 57 исторических и прочих. Здесь же можно было встретить и периодические издания, в число которых входили «Православный собеседник», «Церковные ведомости», «Православный благовестник», «Красный Крест» (с приложением «Досуг»), «Дело», «Известия по Казанской епархии»<sup>5</sup>. В 1906 году в библиотеке обители находилось уже 410 книг, из которых 132 богослужебных, 278 назидательных<sup>6</sup>. Действовала библиотека до самого закрытия монастыря в 1924 году; причем, когда новая власть стала открыто уничтожать духовную литературу, братия начала раздавать ее населению, о чем свидетельствуют и обвинения, возводимые на судебном процессе против насельников Мироносицкой пустыни в феврале 1924 года<sup>7</sup>.

Библиотека при Сурском Михаило-Архангельском мужском монастыре была основана в 1868 году по благословению архиепископа Казанского и Свияжского Антония (Амфитеатрова), который принес в дар обители 48 книг религиозно-нравственного содержания. В 1871 году по ходатайству Владыки Совет Православного миссионерского общества прислал в монастырь круг богослужебных книг; в 1874 году по просьбе тогдашнего настоятеля игумена Паисия (Эрина) духовным собором Киево-Печерской лавры сюда были переданы книги на сумму 46 рублей. В том же году по ходатайству настоятеля полный круг бо-

гослужебных книг был прислан и из хозяйственного управления при Священном Синоде. К середине 1890-х годов монастырская библиотека включала в себя 827 томов, располагалась в верхнем этаже одного из корпусов. Заведовал ею в то время 72-летний послушник дворянского происхождения Иоанн Андреевич Александров, который нес данное послушание с момента поступления своего в монастырь 4 июня 1884 года<sup>8</sup>.

Библиотечное дело развивалось и в женских монашеских обителях Марийского края. Например, библиотека при Царевококшайском Богородице-Сергиевом монастыре существовала с 1888 года<sup>9</sup>; поначалу в ней было 34 книги<sup>10</sup>, а в 1898 году уже 392<sup>11</sup>. Особенно важным было наличие подобного библиотечного собрания в связи с тем, что сестры обители до революции занимались миссионерской деятельностью, участвовали в работе Царевококшайского миссионерского кружка, а одна из них посещала приходские деревни, знакомя местное население со Священным Писанием Нового Завета<sup>12</sup>. Монастырская библиотека действовала до самого закрытия обители в 1921 году и даже позднее, когда Вхото-Иерусалимский монастырский храм был зарегистрирован в качестве приходского<sup>13</sup>. В 1923 году библиотечный фонд составляли более 700 книг, среди которых наряду со Священным Писанием, житиями святых мы можем наблюдать святоотеческую литературу («Добротолюбие», творения святителей Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского, преподобного Ефрема Сирина), труды архипастырей Казанской епархии Павла (Лебедева), Арсения (Брянцева), справочную литературу («Путеводитель по Святой Афонской Горе», «Иллюстрированный путеводитель по святым местам Востока», «Всеобщий путеводитель по монастырям России»), периодические издания «Церковные ведомости», «Известия по Казанской епархии», «Православный собеседник»<sup>14</sup>.

К настоящему моменту выявлены некоторые сведения и о библиотеках женских монастырей горной стороны Марийского края. Например, богослужебные и духовно-

назидательные книги для Вершино-Сумской Введенской обители были пожертвованы благотворителями<sup>15</sup>; библиотечный фонд Козьмодемьянского Свято-Троицкого женского монастыря в 1916 году насчитывал 189 книг, среди которых были издания религиозно-нравственного содержания и исторические<sup>16</sup>.

Мужские монастыри Марийского края занимались и издательской деятельностью. Например, проявивший большой интерес к духовной литературе настоятель Михаило-Архангельского монастыря игумен Паисий (Эрин)<sup>17</sup> издал в 1881 году в Казани обнаруженные им на Святой Горе Афон первые четыре рассказа, вошедшие затем в известную ныне книгу «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»<sup>18</sup>. Примечательно также, что в подготовке второго издания данной книги принимал участие епископ Тамбовский Феофан (Говоров), ныне известный в православном мире под именем святителя Феофана Затворника. Отец Паисий был знаком с Владыкой по служению в Тамбовской епархии<sup>19</sup> и послал ему текст обретенных на Афоне рассказов. В письме владыки Феофана к Н.В. Елагину от 26 октября 1882 года читаем: «Помните, — или знали ль Паисия Саровского — теперь игумена где-то в Казанской епархии? Он издал рассказ странника, искавшего молитву Иисусову. ... И мне прислал. Я эту книжку поправил и дополнил ... и послал для второго издания»<sup>20</sup>. Кроме стилистических исправлений, святитель Феофан хотел предостеречь неопытного в духовной жизни читателя от опасностей, которым подвергается человек, самоуверенно дерзая заниматься Иисусовой молитвой. Поэтому он подчеркнул в своей редакции важность послушания духовному отцу, изменил состав подборки аскетических текстов, вошедших в приложение к изданию «Рассказов» под названием «Три ключа к внутренней молитвенной сокровищнице»<sup>21</sup>.

Помимо «Откровенных рассказов» игумен Паисий опубликовал в двух томах письма своего духовного отца, протоиерея Авраамия Некрасова<sup>22</sup> под названием «Письма

духовного отца к духовным детям», а также издал дневник своего паломничества по святыням Востока «Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока Саровской пустыни иеромонаха Паисия, 1866 года, а ныне настоятеля игумена Паисия Михайло-Архангельского Черемисского мужского монастыря Казанской губернии Козмодемьянского уезда»<sup>23</sup>. Содействовал Михайло-Архангельский монастырь и изданию книги об обители, подготовленной священником Порфирием Руфимским и вышедшей в 1897 году в Казани. Данная работа до сей поры является самой обстоятельной по рассматриваемой проблеме. В ней мы можем найти подробные сведения об открытии монастыря, строительстве храмов, часовен, хозяйственных служб, земельных владениях, настоятелях обители и братии, внутренней жизни монастыря, его просветительской и благотворительной деятельности<sup>24</sup>.

Мироносицкий мужской монастырь содействовал выходу в свет книги протоиерея Евфимия Малова «Мироносицкая Пустынь Казанской епархии. История пустыни и современное ее состояние», которая была напечатана в Казани в 1896 году и поныне является наиболее полным изданием по истории обители<sup>25</sup>. В ней приводится краткая история монастыря от его возникновения до конца XIX века, рассказывается о жизни монашествующих, хозяйственной деятельности обители, дается описание крестных ходов с чудотворной Мироносицкой иконой Пресвятой Богородицы. В период настоятельства игумена Пантелеимона (Рожновского)<sup>26</sup>, впоследствии митрополита, на средства обители подготавливались различные издания на марийском языке, в числе которых молитвослов и Священная история Нового завета<sup>27</sup>. При деятельном участии отца-настоятеля в Казани были так же напечатаны наставления в Православной вере, последование Божественной литургии, другая духовная литература<sup>28</sup>. Отец Пантелеимон заботился и о том, чтобы о Мироносицкой обители с ее главной святыней, Мироносицкой иконой Божией Матери, знали за пределами Казанской губернии.



В 1899 году он описал в «Известиях по Казанской епархии» крестный ход с чудотворным образом, совершенный братией монастыря по селам Вятской губернии, в том же году подготовил к изданию небольшую книжечку под названием «Мироносицкая пустынь, именуемая Святым местом»<sup>29</sup>. Кроме того, игумен Пантелеимон (Рожновский) освещал в периодической печати события церковной жизни Царевококшайского уезда, примером чему стала заметка «Освящение храма в Царевококшайской женской обители», опубликованная в «Известиях по Казанской епархии»<sup>30</sup>.

Таким образом, работа монастырских библиотек и книгоиздание стали одной из форм просветительской деятельности монашеских обителей Марийского края. Изучение данной темы находится в самой начальной стадии, с обнаружением и введением в оборот новых источников она получит более полное освещение.

### Примечания

<sup>1</sup> Цит. по: Душеполезные поучения преподобных Оптиных старцев. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 2000. Т. 2. С. 545.

<sup>2</sup> Богослужебные книги — книги, содержащие различные богослужебные чинопоследования, песнопения и молитвы. К их числу относятся Евангелие, Апостол, Псалтирь, Служебник, Требник, Типикон, Минея, постная и цветная Триоди, Часослов, Октоих, Ирмологий.

<sup>3</sup> Рябинский К.С. Малоюнгинский монастырь. Казань, 1895. С.8.

<sup>4</sup> Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. С. 8.

<sup>5</sup> ГА РМЭ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 63. Лл. 81, 173 об., 184 об.-185.

<sup>6</sup> ГА РМЭ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 112. Лл. 48-49.

<sup>7</sup> НАРТ. Р. 1172. Оп. 3. Д. 417. Л. 20.

<sup>8</sup> Руфимский Порфирий, священник. Черемисский Михаило-Архангельский мужской общежительный монастырь Казанской губернии Козьмодемьянского уезда (Историческое описание и современное его состояние). Казань, 1897. С. 59-60.

<sup>9</sup> ГА РМЭ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 73. Л. 47 об.

<sup>10</sup> ГА РМЭ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 18. Л. 34.

<sup>11</sup> ГА РМЭ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 39. Л. 4 об.

<sup>12</sup> ГА РМЭ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 об.

<sup>13</sup> ГА РМЭ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 92. Л. 34 об.

<sup>14</sup> ГА РМЭ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 96. Лл. 12 об.-13.

<sup>15</sup> Вершино-Сумский Введенский черемисский женский монастырь Козмодемьянского уезда Казанской губернии. Казань, 1904. С. 15.

<sup>16</sup> ГА РМЭ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

<sup>17</sup> Паисий (Эрин), игумен. Род. 11.10.1814 г. в с. Новый Усад Арзамасского уезда Нижегородской губернии. 7.10.1853 г. поступил в Саровскую пустынь Тамбовской епархии, в 1859 г. пострижен в монашество с именем Паисий, в 1860-м рукоположен во иеродиакона, в 1862-м — во иеромонаха. В 1872 г. переведен в Казанскую епархию, 10.06.1873-го назначен настоятелем Сурского Михаило-Архангельского монастыря, нес данное послушание в течение 10 лет. Способствовал благоустройению обители, содействовал открытию при монастыре школы для мальчиков, которая стала центром распространения грамотности, просвещения местного населения светом Христовой веры. По просьбе отца Паисия в монастырь доставлены с Афона икона святого великомученика Пантелеимона с частицей мощей святого, образ Божией Матери «Скоропослушница», прославившиеся многочисленными чудесами на Марийской земле. 13.06.1876 г. возведен в сан игумена, в 1878-м награжден наперсным крестом, в 1882-м — палицей. Скончался 26.08.1883 г., погребен в склепе под строившимся Благовещенским собором на территории Михаило-Архангельского монастыря.

<sup>18</sup> Басин И.В. Авторство «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу» // <http://www.pagez.ru/olb/158.php>.

<sup>19</sup> Святитель Феофан рукополагал отца Паисия как во иеродиакона (16.10.1860 г.), так и во иеромонаха (16.12.1862 г.). Обе хиротонии были совершены в Казанском монастыре при Тамбовском архиерейском доме.

<sup>20</sup> Басин И.В. Авторство «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу» // <http://www.pagez.ru/olb/158.php>.

<sup>21</sup> Василий (Гролимунд), иеромонах. «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Послесловие // <http://hesychasm.ru/library/strannik/txt08a.htm>.

<sup>22</sup> Некрасов Авраамий, протоиерей. Род. 14.08.1805 г. в с. Флоровском Горбатовского уезда Нижегородской губернии в семье священника. После окончания Нижегородской Духовной семинарии нес послушание учителя в Нижегородском духовном приходском училище. В 1828 г. в храме Нижегородского Крестовоздвиженского женского монастыря рукоположен во диакона, а чуть позднее — во иерея с назначением в Троицкую церковь села Павлово Нижегородской губернии, где прослужил 25 лет. 28.08.1853 г. перемещен на священническое место в Арзамасский Николаевский женский монастырь, в 1857-м назначен благочинным женских общин г. Арзамаса, в августе 1860-го возведен в сан протоиерея, в 1862-м определен духовником арзамасского духовенства, каковым являлся до самой кончины. Скончался 5.04.1886 г. в Арзамасском Николаевском женском монастыре, погребен у северной стены Свято-Никольского храма. Подробнее об отце Авраамии см.:

Протоиерей Авраамий Некрасов // [http://arzblag.ortox.ru/dejateli\\_cerkvi/view/id/1117671](http://arzblag.ortox.ru/dejateli_cerkvi/view/id/1117671).

<sup>23</sup> См. Письма духовного отца к духовным детям. 2-е изд. Казань, 1881-1882, 3-е изд. Казань, 1884; Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока Саровской пустыни иеромонаха Паисия, 1866 года, а ныне настоятеля игумена Паисия Михайло-Архангельского Черемисского мужского монастыря Казанской губернии Козмодемьянского уезда. Казань, 1881.

<sup>24</sup> Руфинский Порфирий, священник. Черемисский Михайло-Архангельский мужской общежительный монастырь Казанской губернии Козмодемьянского уезда (Историческое описание и современное его состояние). Казань, 1897.

<sup>25</sup> Малов Евфимий, протоиерей. Мирносицкая пустынь Казанской епархии. История пустыни и современное ее состояние. Казань, 1896.

<sup>26</sup> Пантелеимон (Рожновский), митрополит. Род. 27.10.1867 г. в Костроме. Окончил Новгородское реальное училище и Николаевское военно-инженерное училище, в звании офицера инженерных войск служил в саперном батальоне в г. Вильно. В 1895 г. вступил в число братьи Казанского Спасо-Преображенского монастыря, 15.09.1897 г. пострижен в монашество с именем Пантелеимон, 19.09.1897-го рукоположен во иеродиакона, 27.09.1897-го — во иеромонаха. 8.07.1898 г. награжден набедренником. В 1898 г. назначен исполняющим обязанности настоятеля Царевококшайской Мирносицкой пустыни, 18.01.1900 г. утвержден в должности настоятеля, 6.02.1900-го возведен в сан игумена, в 1902 г. награжден наперсным крестом. Активно занимаясь издательской деятельностью, нес послушание участкового миссионера, в 1900 г. открыл школу в починке Нердашево, преподавал Закон Божий в Тимеевской школе Царевококшайского уезда. В 1904 г. назначен настоятелем Загоровского Рождество-Богородицкого монастыря Волынской епархии, возведен в сан архимандрита. В 1905-1913 гг. нес послушание настоятеля Витебского Свято-Троицкого Маркова монастыря. Награжден орденами святой Анны III и II степеней. В 1913-1918 гг. — епископ Двинский, викарий Полоцко-Витебской епархии. В последующие годы управлял Полесской епархией, одновременно до 1922 г. исполняя обязанности епископа Пинского и Новогрудского. За противодействие созданию националистической Польской автокефальной церкви отстранен от управления епархией и помещен в Свято-Никольский Мелецкий монастырь, в 1928 г. переведен в Свято-Троицкий Дерманский монастырь, с 1930 г. проживал в Жировицком монастыре. В 1925 г. Святейшим Патриархом Тихоном возведен в сан архиепископа. С 7.10.1939-го по 24.07.1940 г. — экзарх Западной Белоруссии и Украины, в 1940-1941 гг. — архиепископ Гродненский и Новогрудский, Гродненский и Виленский. В июле 1941 г. назначен экзархом Белоруссии в сане архиепископа Минского и Белорусского, в 1942 г. возведен в сан митрополита. За противодействие образованию по инициативе немецкого командования Белорусской автокефальной

церкви с мая 1942-го по 1944 г. отстранен от церковного управления. 7.07.1944 г. насильно вывезен на Запад, сначала проживал в Чехии, затем — в Германии. Скончался 30.12.1950 г., погребен на Менхенговском кладбище Мюнхена.

<sup>27</sup> Мироносицкая пустынь, именуемая «Святым местом» // «Известия по Казанской епархии». 1901. № 9. С. 460.

<sup>28</sup> Ларионов В.С. Миссионерские монастыри Поволжья как центры духовного просвещения / Христианское просвещение и русская культура. Материалы научно-богословской конференции. Йошкар-Ола, 1998. С. 32.

<sup>29</sup> См. Крестный ход из Мироносицкой пустыни // «Известия по Казанской епархии». 1899. № 18; Мироносицкая пустынь, именуемая «Святым местом». Казань, 1899.

<sup>30</sup> Освящение храма в Царевококшайской женской обители // «Известия по Казанской епархии». 1899. № 24. С. 1091-1095.

*СМИРНОВ Дмитрий Валерьевич,  
сотрудник комиссии по канонизации святых  
Йошкар-Олинской и Марийской епархии*

## **Открытие молитвенного дома в городе Волжске Марийской АССР**

Одним из поворотных моментов в истории Русской Церкви стала встреча Сталина с митр. Сергием (Страгородским), произошедшая в ночь с 4 на 5 сентября 1943 года. Именно с этого момента в СССР начинается мощное, хотя и непродолжительное церковное возрождение. Одним из наиболее значимых аспектов новой религиозной политики советского государства стало предоставление верующим права ходатайствовать о возвращении в их пользование ранее изъятых и закрытых храмов. Всего с 1943 по 1947 год в Советском Союзе было открыто 1270 приходов<sup>1</sup>. В 1948 году процесс передачи верующим храмов был свернут и не возобновлялся до 80-х годов минувшего столетия.

Происходящие в стране изменения не минули и Марийскую республику. В 1944–1946 гг. на ее территории начало действовать 16 приходов, вошедших в состав Горьковской епархии в статусе ее 6-го благочиния. Первыми, 2 августа 1944 г., были открыты Воскресенский собор г. Йошкар-Олы и храм Рождества Пресвятой Богородицы в с. Семеновке<sup>2</sup>. Последними зарегистрированными приходами стали храм св. ап. Иоанна Богослова в с. Масканур и молитвенный дом в г. Волжске, о чем Совет по делам РПЦ вынес постановление 24 декабря 1946 г.<sup>3</sup> На этом процесс возвращения верующим храмов в МАССР прекратился.

Отдельного внимания заслуживает молитвенный дом города Волжска, история открытия которого имеет ряд особенностей, не характерных для остальных марийских приходов. Основанный в 1940 г. на базе рабочего поселка Марийского целлюлозно-бумажного комбината, Волжск никогда не имел на своей территории храма. Пестрое по

национальному составу население состояло в значительной мере из приезжих, среди которых оказалось немало православных верующих. Характеризуя этнический и конфессиональный состав населения города, уполномоченный по делам РПЦ при Совмине МАССР К.А. Шикин писал: «Население гор. Волжска... по национальности большинство русские, затем имеются мари и чуваша также православные, и, кроме того, было прислано население из быв. Крымской республики, среди них имеются греки православного вероисповедания, которые также посещают указанный молитвенный дом»<sup>4</sup>.

Имея потребность в совместной молитве, верующие образовали две общины, втайне от властей собиравшиеся в частных домах. В докладной записке на имя Председателя Совета министров МАССР Г.И. Кондратьева от 3 мая 1946 г. уполномоченный указал, что молитвенные дома «существуют около двух лет каждый»<sup>5</sup>. Один из них располагался по адресу ул. Колхозная, дом 85, в доме Трофимовой Феоктисты Дмитриевны<sup>6</sup>, исполнявшей обязанности старосты молитвенного дома, и официально утвержденной в этой должности после регистрации прихода<sup>7</sup>. Другая община собиралась в частном доме на ул. Зеленой<sup>8</sup>.

У обеих общин были свои священники, проводившие нелегальные богослужения. Одним из них являлся прот. Сергей Аверьянов, выступивший в качестве «уполномоченного от верующих» при ходатайстве о регистрации прихода. К сожалению, сведений о прошлом данного священнослужителя и его последующей судьбе до настоящего момента не обнаружено. Священником другой общины, как минимум до мая 1946 года<sup>9</sup>, являлся иерей Петр Иосифович Добросмыслов, поселившийся в июне 1939 года в Волжске после закрытия Троицкой церкви в с. Красный Яр Звениговского района МАССР<sup>10</sup>. Оставшийся без средств к существованию, отец Петр был вынужден трудоустроиться на Марбумкомбинате, где работал охранником до 1941 года<sup>11</sup>, после чего уволился «по состоянию здоровья»<sup>12</sup>. В последующие годы он, вероятно, продолжал

где-то работать<sup>13</sup>, сочетая трудовую деятельность с совершением нелегальных богослужений. Отметим, что после легализации молитвенного дома, ни один из указанных священников не получил назначения на волжский приход.

Нелегальный статус общин делал их положение довольно шатким. Местные власти в любой момент могли закрыть молитвенные дома, а их владельцев и служащих там священников подвергнуть репрессиям. С другой стороны, отсутствие регистрации исключало всякую возможность контактов с епархиальным архиереем, вырывая тем самым общину из канонической полноты Русской Православной Церкви. Желание иметь полноценный приход, существовать без страха перед властями, толкало православных волжан к легализации своего молитвенного дома.

Заявление о регистрации было подано прихожанами молитвенного дома, расположенного на ул. Колхозная<sup>14</sup>. К нему прилагались списки с 823 подписями жителей Волжска. Излагая свою просьбу уполномоченному, просители подчеркнули, что состоят «в молитвенном общении с Святейшим Отцом нашим Алексием, Патриархом Московским и всея Руси»<sup>15</sup>. К сожалению, дата составления документа не была ими указана. Однако данное заявление было подано не позднее 15 марта 1946 г., когда волжане вторично обратились к властям. Теперь к ним присоединились жители деревни Мамасево, расположенной в 4 км от Волжска. Верующие просили передать им деревянную церковь во имя святых безсребреников Космы и Дамиана, которую планировали перевезти из Мамасева в Волжск. Мотивировали они свое желание тем, что молитвенный дом слишком мал для нужд общины, а «новый храм требует много строительного материала и средств, что является для верующих делом непосильным...»<sup>16</sup>. Кроме того, просители выражали надежду, что уполномоченный «содействует относительно отпуска строительного материала»<sup>17</sup>. В начале мая оба существовавших в Волжске молитвенных дома объединились, и молитвенный дом на ул. Зеленой прекратил свое существование<sup>18</sup>.

Такие настроения верующих можно охарактеризовать как излишне оптимистичные. Во-первых, Космодамианский храм был занят колхозом под клуб и правление, о чем жители Мамасева не могли не знать. Расчет на то, что уполномоченный станет добиваться изъятия церкви у колхоза, не оправдался. Попытка выпросить у государства строительные материалы изначально была обречена на провал, поскольку в СССР верующие получали храмы на собственное содержание и на государственную помощь рассчитывать не могли. Кроме того, заявление от 15 марта было подписано «церковно-приходским советом»<sup>19</sup>, хотя никакого прихода еще не существовало, и никаких гарантий регистрации общины быть не могло.

Вопрос об открытии молитвенного дома в Волжске вызвал серьезные разногласия у властей разного уровня. Райком и райисполком Волжского района, а также городской совет Волжска, выступили категорически против регистрации общины: «Поскольку город новый — социалистический, то насаждать в нем религиозные предприятия не следует»<sup>20</sup>. Верующим предлагалось посещать церковь в с. Моркиялы, расположенную, по оценкам уполномоченного, в 13-14 км от Волжска.

За открытие молитвенного дома высказался уполномоченный К.А. Шикин. Свои доводы он изложил председателю Совета Министров МАССР Г.И. Кондратьеву в докладной записке от 2 июля 1946 г.:

«По изучении этого вопроса на месте, я полагаю, что молитвенный дом в гор. Волжске следует открыть по следующим причинам:

1. Молитвенный дом фактически существует уже больше года, поэтому ему нужно придать легальную форму.

2. Если этот дом закрыть в административном порядке или по каким-либо другим причинам, то это действие вызовет нежелательные эксцессы со стороны некоторой части верующих.

3. Если этот дом оставить в таком положении, как он существует в настоящее время, т.е. не зарегистрированным,



то там могут возродиться еще несколько домов разных толков и направлений, как это было до мая 1946 года»<sup>21</sup>.

По всей видимости, Председатель Совета министров МАССР Кондратьев скептически отнесся к открытию в Волжске православного прихода. Отстаивая свою точку зрения, К.А. Шикин 28 августа обратился в Совет по делам РПЦ. 19 сентября из Москвы поступил ответ, в котором Совет выразил согласие с доводами уполномоченного, и предлагал Совмину МАССР еще раз рассмотреть данный вопрос. Итогом затянувшихся споров стала победа взглядов Шикина. 16 ноября 1946 г. Совет министров МАССР издал постановление об открытии молитвенного дома в г. Волжске и направил соответствующее ходатайство в Совет по делам РПЦ. 24 декабря 1946 г. Совет вынес решение: «Учитывая, что молитвенный дом в городе Волжске, Марийской АССР, фактически действует длительное время, удовлетворить ходатайство верующих»<sup>22</sup>.

Новообразованный приход продолжал действовать в прежнем доме, по адресу ул. Колхозная 85, который с 23 мая 1946 г. начал арендовать у его хозяйки — Трофимовой Феоктисты Дмитриевны. По заключенному между ней и уполномоченным от верующих Петром Петровичем Петровым договору, община брала дом в аренду сроком на 1 год, за что уплачивала 1200 рублей<sup>23</sup>. Заключение договора об аренде являлось вынужденным шагом. В противном случае, пребывание религиозной общины в принадлежащем частному лицу доме было бы крайне сложно уложить в рамки законодательства.

Молитвенный дом отличался крайне бедной обстановкой и скудной богослужебной утварью. Согласно описи имущества за 1947 г., приход имел: стол для престола — 1, антиминс — 1, потир стеклянный крашеный — 1, дискос алюминиевый — 1, звездицу алюминиевую — 1, копие — 1, ризы — 2, епитрахиль — 1, поручи — 2 пары, подризник — 1, плащаницу — 1, венцов жестяных — 2 пары, хоругвь на сукне — 1, Евангелие — 1<sup>24</sup>. В приведенном списке бросается в глаза жертвенника, алюми-

евые богослужебные сосуды и достаточно пестрый набор облачения, в котором отсутствовал пояс. Богослужебные книги имелись в наличии все, кроме требника. При этом Апостол был помещен в оклад Евангелия: «с изображением Воскресения Христова и 4-х евангелистов»<sup>25</sup>. Среди имевшихся икон большая часть была напечатана на бумаге.

Никакого собственного названия у новообразованного прихода не имелось, и в документах он именовался просто как «молитвенный дом». Название «Никольский» или «Свято-Никольский» начинает фигурировать в документах лишь с 1959 года.

Открытый приход нуждался в священнике. 8 марта 1947 года указом еп. Горьковского и Арзамасского Зиновия (Красовского) настоятелем молитвенного дома был назначен прот. Петр Иванович Лебедев<sup>26</sup>. Отец Петр родился 9 июня 1878 г. в с. Шестакове Калеевской волости Волоколамского уезда Московской губернии<sup>27</sup>. Будучи выходцем из духовного сословия, Петр Иванович прошел обучение в Вифанской Духовной семинарии и был рукоположен в сан иерея в 1902 году. В 1937 году отец Петр был арестован и осужден по ст. 58 п. 10. УК РСФСР. В 1943 году батюшка был «досрочно освобожден по постановлению Пленума Верховного Совета», и в 1943-1947 годах заведовал колхозной пасекой в Козмодемьянском районе МАССР. 20 марта 1947 года протоиерей Петр прошел регистрацию у уполномоченного,<sup>28</sup> и начал служение на приходе, продолжавшееся до 1 января 1960 года, когда по собственному прошению он был переведен за штат<sup>29</sup>.

21 апреля 1948 года волжский приход приобрел для своих нужд новое здание, располагавшееся по адресу ул. Палантая 13. Стоимость покупки составила 50 000 рублей, 20 000 из которых община выплатила сразу, а 30 000 обязывалась выплатить к 20 мая 1948 года<sup>30</sup>. В этом доме следующие 16 лет проводились богослу-

жения, пока 10 апреля 1964 года горисполком г. Волжска не передал в пользование прихода новое здание, по адресу ул. Палантая 38,<sup>31</sup> которое осталось в памяти многих православных жителей Волжска.

### Примечания

<sup>1</sup> Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М., 1999. С. 343.

<sup>2</sup> ГА РМЭ. Р. 836. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

<sup>3</sup> ГА РМЭ. Р. 836. Оп. 2. Д. 13. Л. 4., Р. 836. Оп. 2. Д. 11. Л. 3.

<sup>4</sup> ГА РМЭ. Р. 836. Оп. 2. Д. 11. Л. 42-42 об.

<sup>5</sup> Там же. Л. 15-15 об.

<sup>6</sup> Там же. Л. 42.

<sup>7</sup> Там же. Л. 68-68 об.

<sup>8</sup> Там же. Л. 13-14.

<sup>9</sup> Архив Йошкар-Олинской и Марийской епархии. Личное дело прот. Добромыслова. Послужной список за 1951 г.

<sup>10</sup> Там же. Формулярный список за 1946 г.

<sup>11</sup> Там же. Послужной список за 1953 г.

<sup>12</sup> Там же. Послужной список за 1947 г.

<sup>13</sup> Там же. Послужной список за 1951 г.

<sup>14</sup> ГА РМЭ Р. 836. Оп. 2. Д. 11. Л. 15-15 об.

<sup>15</sup> Там же. Л. 19.

<sup>16</sup> Там же. Л. 16-17.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Там же. Л. 13-14.

<sup>19</sup> Там же. Л. 16-17.

<sup>20</sup> Там же. Л. 13-14.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Там же. Л. 3.

<sup>23</sup> Там же. Л. 12.

<sup>24</sup> Там же. Л. 57-62.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же. Л. 97.

<sup>27</sup> ГА РМЭ. Р. 836. Оп. 2. Д. 11. Л. 96-96 об., 98-98 об.

<sup>28</sup> Там же. Л. 103.

<sup>29</sup> Там же. Л. 92.

<sup>30</sup> Там же. Л. 8-9.

<sup>31</sup> Там же. Л. 314-315.

*АФОНИНА Татьяна Ивановна,  
псаломщица при храме свт. Николая Мирликийского  
с. Кожла Сола*

### **История Свято-Никольского храма с. Кожла-Сола Звениговского района**

Среди глухих марийских лесов в XVII веке, рядом с богатыми рыбой реками Ишут и Илеть, возникла деревня Кожла-Сола, что в переводе с марийского означает «еловая деревня». В народе это место называли еще «медвежьим углом». Так было в XVIII-XIX веке. На много верст раскинулся сосновый бор с мшистыми болотами. В низине на берегу большого озера стояла деревушка. В ней было две достопримечательности — деревянная церковка да покосившаяся от времени школа. Жители деревни с трудом сводили концы с концами, ковыряли бесплодную землю деревянной сохой, промышляли в лесу, охотились, собирали ягоды и грибы<sup>1</sup>.

В клировой ведомости церкви от 1869 года говорится, что храм в селе Кожла-Сола Царевококшайского уезда Казанской епархии во имя св. Чудотворца Николая Мирликийского построен в 1861 году на средства государственного крестьянина Василия Николаевича Атлашкина, а помогали ему в строительстве крестьяне близлежащих сел и деревень. Церковь — однопрестольная, теплое здание — деревянное, с одной колокольной, теплос. Иконостас был трёхъярусным, утвари было достаточно. Церковный штат в 1869 году состоял из священника, диакона и псаломщика. Земли при церкви ни усадебной, ни пашенной, ни сенокосной не было. Священнослужители пользовались от прихожан ругой, собирая с каждого венца пудовку ржи, в ту же меру — овса, и копну сена. Дома для священнослужителей были выстроены за счет прихожан. Зданий, принадлежащих церкви, не было. Расстояние от храма до Духовной консистории в г. Казани составляло 75 верст, до г. Царевококшайска — 70 верст,

до местного благочинного, проживавшего в с. Арино, — 35 верст<sup>2</sup>.

Приходское попечительство существовало с 1876 года. Приписных храмов не было, домовых — тоже. Опись церковного имущества была сделана в 1863 году. Сельского училища, за неимением средств, по бедности прихожан и отсутствия помещения, не было.

Количество дворов в приходе в 1869 году составляло 13. Общее количество прихожан: 38 мужского пола и 38 — женского.

В 1899 году в приход входили населенные пункты: Шигаково, Памаштур, Шоло-Энер, Ташнур, Кожла-Сола, Кюшнур, Ишутьял, Пимьял, Яныж-Беляк, всего 373 двора, 1204 души мужского пола и 1271 — женского.

Через 30 лет после открытия храма крещений за год было — 110, венчаний — 19, погребений — 87. Служились панихиды, молебны<sup>3</sup>.

Первым настоятелем церкви был Петр Трофимович Азановский (1848 г.р.). Он закончил Казанскую семинарию, в 1866 году был назначен псаломщиком, в 1878 году рукоположен во диакона, в 1884 году — во священника. Настоятелем храма батюшка стал с 1890 года, в 1898 году был награжден набедренником. Диаконом в храме служил Василий Павлович Аस्याнов (1872 г.р.). Он окончил Казанскую учительскую семинарию, рукоположен был в 1896 году.

Послушание псаломщика нес с 1896 года Павел Петрович Монастырев, работавший также учителем Кожла-Солинской школы. Церковным старостой был крестьянин Максим Иванов<sup>4</sup>.

Старожилка п. Красногорский Т.Н. Тихомирова вспоминает: «Кожла-Сола была бедной деревушкой, люди жили скудно, но каждое воскресенье все старались ходить в церковь. На всю округу была одна церковно-приходская школа. Многим из детей приходилось переправляться через Илеть на пароме, состоявшем из 2 лодок, соединенных дощатым настилом. В школе матушка (жена священ-

ника) преподавала математику, славянский язык, который давался детям с трудом. Матушка приходила на уроки с толстой линейкой. Помолившись и перекрестившись, дети проходили в класс и тихо садились за стол. Рисования, физкультуры, труда не было. Занимались при свете лампад и свечей, писали на маленьких досках грифелем. После занятий пели молитвы. По пятницам приходил батюшка, учил читать и петь. Никаких концертов, бесед, других мероприятий не проводили. Каникул не было, оценок не ставили, был один класс на всех, перед Пасхой не учились. В большие праздники все посещали церковь. Обучение длилось 3 года. Все годы обучения носили одни и те же книжки».

А вот что вспоминает Т.Ф. Губина: «Мой дедушка, Балабанов Николай Иустинович (1860-1927) был сыном священника и уроженцем г. Арзамаса Нижегородской губернии. Семья у них была многодетной, и он был 18 ребенком, причем 17 детей были девочки. Отец хотел, чтобы он стал священником, но он не пошел по стопам отца и уехал учиться в Санкт-Петербург, в Лисецкую лесную школу, по окончании которой в 1880 г. был послан на работу в Лушмарское лесничество Царевококшайского уезда Казанской губернии в должности помощника лесничего, с местом пребывания в Кожла-Соле Больше-Шигаковской волости.

Здесь он стал лесничим Лушмарского лесничества. Был попечителем храма и церковно-приходской школы в с. Кожла-Сола. У него было трое детей: Алексей, Вера и Нина, которые учились в этой школе. Сам он был глубоко верующим человеком и каждое воскресенье посещал храм.

С 1911 г. в школе преподавала почтенная вдова лет 55, у которой было 6 детей. Это была солидная, деликатная, умеющая хорошо преподавать женщина.

Кожла-Сола была сугубо марийской деревней и состояла из 32-х дворов, 3-х церковных домов и одной школы. В деревне имелась телефонная связь, в 3-х км. в деревне Озерки были почта и телеграф; лавки Вязельщикова и

Корюкина, где было все — от иголки до смолы. Русских детей было очень мало, учились все вместе, и со временем русские дети смогли освоить и марийский язык.

Все дети крестьян и священнослужителей жили дружно. Время шло. После революции в 1917 году сменилась политика государства по отношению к Церкви. Начались гонения на Церковь и верующих. Эти гонения не обошли стороной и церковь в Кожла-Соле.

19 февраля 1930 года священник Иоанн Иванов и группа крестьян были осуждены на 3 года с конфискацией имущества.

В Кожласолинском храме служба продолжалась до конца 1939 г.; последний настоятель храма священник Сергей Жирнов скончался в 1940 году, 30 января. Церковь пытались закрыть несколько раз; в 1938 году были сброшены колокола, самый большой из которых был утоплен в Кожласолинском озере. Всех жителей заранее об этом оповестили. Последний раз звонили громко, собирая народ со всей округи. Люди реагировали по-разному: одни плакали, другие молчали. По воспоминаниям, «в 1940 году, в день Рождества Христова верующие стали собираться возле церкви на службу. Люди стояли и ждали, когда откроют храм, но храм не открыли. Обратились в сельсовет, чтобы открыли церковь, пришли представители советской власти села и начали бесчинство... Открыли церковь, стали выносить церковную утварь: иконы, книги и прочие священные предметы. Обратились к прихожанам, чтобы помогли, но никто не тронулся с места. Одни молчали, а другие плакали. Затем позвали детей на помощь, они выносили из церкви книги и иконы. Во дворе церкви разожгли большой костер, в котором стали сжигать церковные иконы и книги. Дети и взрослые, кто посмелее, потихоньку, тайком уносили книги и иконы домой. Со всех концов села, из пос. Красногорский и д. Мушмари к церкви бежали люди, потому что дым был виден издали. Народу на базарной площади собралось очень много. Люди плакали, особенно когда увозили все

крупное из иконостаса в котельную мыльно-канифольного завода, на «Колодку»».

И.Ф. Клюкина вспоминает: «В то время жила я возле котельной мыльно-канифольного завода, на «Колодке» и видела все своими глазами. Из церкви на бортовой машине привозили большие, в человеческий рост, старинные иконы и прямо с машины сбрасывали на землю или в горящую топку. Людей к иконам не подпускали, и вся территория была оцеплена, так что нельзя было что-то унести или спрятать. Во время войны, когда в церкви делали школу, люди продолжали приходить и ставить свечи. Школьники собирали эти свечи и приносили в класс, чтобы поставить их на школьной доске. Когда зажигали свечи, дети приговаривали: «Святой Никола, спаси нас от кола». Учительница, увидев горящие свечи, гасила их и убирала, потому что свечи капали на школьную доску».

Л.М. Целищева вспоминает: «Мой дедушка, Никанор Николаевич Атлашкин, жил рядом с церковью. Когда в 1940 году стали разрушать храм и выносить иконы для уничтожения, мой дедушка решил хотя бы часть икон спасти. Для этого он переоделся не в свою одежду и ночью от храма унес иконы через овраг, через железную дорогу и через лесок к верующим соседям и к своему брату Атлашкину Семену Николаевичу. Иконы тщательно скрыли в омшаннике: выкопали в земле яму, завернули все иконы в полотенце, положили на хвойные ветки и сверху закрыли хвоей. Затем сделали деревянный потолок. На потолок уложили дерн. Когда же стали искать унесенные иконы, то не смогли их найти.

Поразительно то, что незадолго до разорения церкви одной прихожанке приснился сон, как иконы одна за другой выходили из закрытого храма. Тогда она заплакала и спросила: «Куда вы все уходите от нас?» А святые отвечали: «Мы уже здесь не нужны».

Известно и другое чудо, когда в церкви после войны был клуб. После очередного сеанса кино внутри осталась закрытой уснувшая маленькая девочка. Проснувшись сре-



ди ночи, она стала плакать и звать на помощь. Вдруг ей явился седовласый старичок и сказал: «Не бойся, девочка, я тебе помогу выйти на улицу». Старичок вывел ее на улицу и исчез. Прибежав домой, она рассказала родителям обо всем, и все поняли, что это был Святитель Николай.

После закрытия храма, во время Великой Отечественной войны, в связи с увеличением численности учащихся в здании церкви была открыта Кожласолинская семилетняя школа. Начальные классы с 1 по 4 размещались в бывшем доме священника, 5-6 классы — в здании церкви, а 7-й класс — на колокольне. В 60-е годы из верхнего этажа церкви сделали школьный спортзал. Позднее здание церкви переоборудовали под клуб совхоза «Кожласолинский»».

По воспоминаниям А.И. Максимчевой, «в 1937 году в Кожла-Солу приехали инокиня Евдокия и монахиня Нектария. Они поселились в съемном доме возле церкви. В то время монахиня Нектария наладила переписку со своими племянницами Анной и Клавдией Вишневыми, жившими в Казани. По приглашению монахини Нектарии трое ее родственников — Анна, Клавдия с дочерью Александрой — в 1940 году переехали в образовавшийся в то время поселок Красногорский. Теперь они уже впятером переносили все трудности — то жили в насыпушке около церкви, то переезжали на другие съемные квартиры. Монашествующие по-прежнему, до закрытия церкви, посещали службы и оказывали помощь священнику. После закрытия Кожласолинского храма, чтобы прокормить себя и спастись от гонений, им пришлось шить одеяла, для чего у них имелся станок. Стегали они одеяла по лекалам разными узорами, чем и зарабатывали себе на жизнь. Заработанных средств им хватило на покупку маленького ветхого домика на улице Лесной, где они и прожили всю оставшуюся жизнь. В этот дом к ним тайно ночью приезжали священники из Йошкар-Олы, которые и проводили службы. Православные жители поселка и окрестных деревень могли посещать эти службы, причас-

титься, покрестить своих детей. Монахини пекли просфоры, плели четки и вышивали пояса с молитвой «Живый в помощи...» для священников. Клавдия, Анна и Александр многим новокрещеным становились крестными».

В конце 80-х годов местные жители решили восстановить поруганный храм. Активная группа верующих, среди которых были Бердникова Екатерина Николаевна, Самоделкина Раиса Яковлевна, Атлашкина Зоя Ивановна и другие, обратились к епископу Казанскому и представителям местной власти.

Верующие вспоминают: «К тому времени в стенах Кожласолинской церкви уже успели побывать школа, зерновой склад и клуб. Повсюду были горы мусора и свалка всевозможного хлама. Работа предстояла огромная и тяжелая. Ночевали, обессилев, тут же, в щепках и стружках... Никто не верил, что восстановление возможно. Постепенно стали появляться помощники. Уходили одни, приходили другие... Но наступил момент, когда стало ясно, что работа, за которую они взялись, просто неподъемна... И тогда о. Николай Андреев, настоятель храма сказал: «Мы так никогда не управимся, если будем только расчищать и строить. Не хватит наших сил и средств. Надо начинать служить, и Господь быстрее поможет».

Первая служба в храме состоялась в 1989 году, в праздник Покрова Божией Матери. Кто-то принес из дома стол, кто-то скатерть. У отца Николая была церковная утварь, иконы Спасителя и Святителя Николая. Больше не было ничего».

Так началось возрождение церкви. Машиностроительный завод (ММЗ) помогал техникой, поднимали крест над храмом. Купола сделали чебоксарские мастера, затем построили колокольню. Установили иконостас, переданный в дар Волжским храмом, иконы пожертвовала Петъяльская церковь. Ходили по всем близлежащим деревням для сбора пожертвований на строительство храма.

С 1998 года по указу епископа Йошкар-Олинского и Марийского Иоанна настоятелем церкви был определен

молодой священник Алексей Никитин. В том же году была открыта воскресная школа и образован детский хор.

С каждым годом внутреннее убранство храма становилось краше. Построена новая воскресная школа, завершено строительство нового двухэтажного здания, в котором расположились трапезная, библиотека, ризница, комнаты для отдыха и спортивный зал. С 2012 года при храме действует секция бокса. Ребята с удовольствием занимаются в двух возрастных группах. Учащиеся воскресной школы участвуют в богослужениях, готовят праздничные представления, принимают участие в республиканских и районных фестивалях. Летом организуются многодневные походы, православные лагеря и сплавы на катамаране по реке Илети. Каждый год прихожане и учащиеся принимают активное участие в крестных ходах: Волжск–Морки и в день обретения Казанской иконы Божией Матери 21 июля по маршруту Кожласола — деревня Озерки (к часовне Казанской иконы Божией Матери) — санаторий «Кленовая Гора» — поселок «Илеть» — поселок «Трубный». С каждым годом растет число прихожан.

Приход активно сотрудничает со средними учебными заведениями в п. Красногорском. В школах проводятся Рождественские и Пасхальные фестивали, различные праздничные мероприятия, в которых принимают активное участие учащиеся воскресной школы и детских садов «Сказка» и «Теремок». Приходом окормляется Кожласолинский психоневрологический дом-интернат и дом-интернат для престарелых в п. Трубном, Красногорская больница и детский санаторий «Дружба». В детско-юношеской библиотеке п. Красногорский открыт православный уголок с духовной литературой. Каждый месяц приход пополняет библиотечный фонд новыми изданиями книг и православных газет.

Хочется особо отметить, что огромную помощь в восстановлении храма оказали, и по сей день оказывают местные заводы КАФ, ММЗ, совхоз «Звениговский» п. Шелангер, Кожласолинский дом-интернат, местные

предприниматели и просто верующие люди, многие из которых уже отошли от нас в жизнь вечную.

Мы надеемся, что с Божией помощью и по молитвам Святителя Николая в нашем приходе будет больше православной молодежи. Возродится церковно-приходская жизнь во всем ее многообразии, и люди возвратятся к своим духовным истокам.

### Примечания

<sup>1</sup> Токтаров В. Н., краевед п. Красногорский. «Из прошлого с. Кожла-Солы».

<sup>2</sup> Никольский Н.В. К истории христианского просвещения черемисов в XIX веке. Казань, 1915. С. 49.

<sup>3</sup> Архивные данные «Царевококшайский и Казанский уезды». С. 115.

<sup>4</sup> Справочная книга Казанской Епархии. Справки № 115479, № 115442.

## II. ПРАВОСЛАВИЕ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

*ЛИПАТОВ Александр Тихонович,  
доктор филологических наук,  
профессор кафедры журналистики МарГУ*

**Церковнославянский язык — язык Церкви и молитвы,  
язык духовного откровения и божественного величия**

*Церковнославянский язык есть словесная икона,  
«иконописцем» которой является Дух Святой.*

**А. Камчатнов**

Вот уже длительное время в церковных и светских кругах страны постоянно делаются попытки целиком перевести церковную службу с церковнославянского языка на современный русский. А мотивация одна: церковнославянский язык как язык молитвы, духовного откровения и божественного величия устарел и трудно, особенно на слух, воспринимается молящимися.

Да, в своей длинной истории церковнославянский язык, как и другие языки, сохраняющиеся в постоянном употреблении, непрерывно развивался. На протяжении веков представляя собою неотъемлемую часть богослужбной традиции Русской Православной Церкви, он вобрал в себя и особенности живой речи древних славян, и опыт святых подвижников, обращавшихся к Богу словами церковных славянских молитв. А сегодня церковнославянский язык — это общеупотребительный богослужбный язык Русской Православной Церкви, являющийся к тому же не только достоянием нашей Поместной Церкви, но и общекультурной ценностью. И можно ли не беречь

и не хранить это великое богатство с его божественным величием и высотой самого его слога, возносящего к горным духовным высотам? И устарел ли вообще церковнославянский язык как язык церковной молитвы?

Потому и не случайно появление Проекта документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». Разработанный в 2011 году редакционной комиссией Межсоборного присутствия под председательством Патриарха, он был утвержден и разослан в епархии Русской Православной Церкви для всеобщего обсуждения.

### 1.

Семя знаний, брошенное в благодатную почву солунскими братьями вот уже более 1000 лет назад, дало богатые духовные всходы на ниве Православия. И по всем славянским и российским градам и весям усилился многократно свет знаний, разносимый великими славянскими просветителями на возвращенной ими азбуке и светоносном языке богослужения.

А церковнославянский язык, у основания которого стояли Кирилл и Мефодий, язык особенный, это — высокий литературный слог духовной молитвы во всей ее чистоте помыслов и звучания. Вот уже свыше тысячелетия наша Русская Церковь хранит и оберегает великое дарование — свою языковую традицию, в которой спрессованы века и единение всех славянских православных народов, а также духовное наследие всех минувших поколений, вплоть до времен Кирилла и Мефодия.

Оставаясь в славянском мире языком литургическим, церковнославянский язык всегда оказывает, да и будет оказывать впредь, благотворное влияние на все ныне здравствующие славянские языки, оберегая их от мутной волны безумных заимствований англо-американизмов. Он, язык богослужения, помогает славянским народам из века в век сохранять духовную, национальную культуру, национальную самобытность. И разве не актуально звучит и сегодня давняя крылатая фраза М.В. Ломоносова:

«Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердиться, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет»<sup>1</sup>.

Да, церковнославянский язык — язык особенный: он специально создан для высшей цели — церковного, молитвенного Богопрославления, совершения Таинств в храме; это — язык Божественного Откровения; потому-то и стал он языком сакральным, священным.

С самых истоков церковного языка его создатели стремились сделать его совершенно особым, резко отличным от языка разговорного. В этом они были воистину верными сынами Церкви. Язык этот никогда не был «живым», разговорным языком славянских народов, как это полагают сторонники русификации богослужения. Правы отечественные богословы, «не человеческое творение он [церковнославянский язык]: Дух Святый осенял Кирилло-Методиевское начинание, которое трудно назвать “переводом”, в такой мере было оно одновременно и созданием языка, на котором воспроизводилось в совершенной точности греческое слово Божие <...>. Это — единственное в мире явление, когда язык возник нарочито создаваемый для того, чтобы быть словесным одеянием, словесным выражением, словесной плотью Богомыслия, — в частности, богослужебного славословия»<sup>2</sup>.

Но церковнославянский язык — это еще и фундамент русской культуры, важнейшая часть современного русского языка, являющая собой в нем духовность, строгость и чистоту. Все, кто основательно изучал историю русского литературного языка, знают, что он возник благодаря тому, что к благородному божественному корню славянского языка был привит дичок русского слова, которое, однако, было «и собственным достатком велико» (М.В. Ломоносов). «Славянский язык — лоза, а русский литературный — ветвь, привитая к лозе; эта ветвь дала обильные плоды древней и новой (классической) русской литературы. Велик и могуч язык русской литерату-

ры, но не надо забывать, что велик и могуч он благодаря своему корню»<sup>3</sup>.

Сверкающие струи русского языка с надежными в нем генами языка церковнославянского омывают материк с именем *Россия*. «Да, бывали погружения в пучины истории, но Россия не потерялась в них, как Атлантида, а обрела хранителя: в глубинах Светлояра сияет град Китеж и хранит душу России»<sup>4</sup>. И тут велико, непреходяще значение кириллицы, несущей в себе особый код нашей культуры и христианской духовности.

Судьба славянских народов сложилась так, что они оказались разобщенными на два христианских мира: в сферу западнохристианского (позже — католического) влияния и латинского языка вошли поляки, чехи, словаки, хорваты, словенцы, образовав ареал *Slavia Latina*, а болгары, сербы, черногорцы, русские, украинцы, белорусы, исповедовавшие Православие в его византийской редакции образовали другой ареал — *Slavia Orthodoxa*. В их церковно-книжной культуре в большом почете стал греческий язык и вообще греческое начало, а языком богослужения — церковнославянский, в прошлом его чаще называли славенским или словенским. Именно в ту пору и были заложены основы высокого почитания церковной орфографической ортодоксии, которую как святое наследие бережет Русская Православная Церковь.

«В ареале *Slavia Orthodoxa* Русская Церковь, русская культура и русское государство сделали больше всех для сохранения церковнославянской книжности. Здесь больше, чем в других славянских землях, церковнославянский язык был “своим” — органичным языком своей Церкви, своей письменности и школы. Из всех славянских языков русский язык более всех испытал влияние церковнославянского языка и в наибольшей мере наследует стилистические традиции церковнославянской книжности»<sup>5</sup>, что объясняется глубоким своеобразием России: «Церковнославянская литературно-языковая традиция утвердилась и развилась в России не столько



потому, что была *славянской*, сколько потому, что была *церковной*»<sup>6</sup>.

Однако в современном языкознании — включая отечественное — получила утверждение теория об условности, конвенциональности языкового знака, став в буквальном смысле слова предрассудком массового сознания толкователей и законодателей языка. А это нашло конкретное выражение в первую очередь в учении швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857-1913). В основу его учения было положено протестантское богословие, психологизировавшее все духовные, интеллектуальные и языковые явления, в результате чего установилось поверхностное понимание языка как чего-то внешнего к мысли и духу, как внешней их словесной одежде, которая может быть той или другой; более того, были искусственно расчленены и отделены друг от друга речь и язык, всегда выступающие в слове как единое целое.

Православная же теория утверждает иной, онтологический статус языка: в соответствии с нею язык есть язык Самого Бога и мира, а отдельные человеческие языки суть приемники Божественных энергий, среда, в которой происходит встреча человека с Богом и миром. Именно церковнославянский язык стал таковым в Русской Православной Церкви и русской культуре, и в этом его непреходящая ценность<sup>7</sup>.

«Язык церковнославянский, уже много веков имея единственной задачей выражать Божественное учение и повествования о Домостроительстве Божиим, совершенно сроднился с тем, для выражения чего он служит, и воспитанный на нем народ особенно восприимчив к тому, что он выражает, и в самом его звуковом составе, в движении речи; чувствует этот высший смысл, слышит голос Божий, сам к Нему веками на этом языке обращается и усвоил то убеждение, что славянский язык есть орудие, средство общения с Богом. Церковнославянский язык как бы впитал в себя свойства священного текста и самим своим видом письмен, всем строем и духом влечет

в горний мир божественных созерцаний и христианского подвига»<sup>8</sup>.

## 2.

Надо сказать, догматических и канонических запретов на богослужение на родном языке в Православной Церкви не существует: и нет ничего непозволительного в том, чтобы перевести богослужение на современный русский язык. Однако «все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает» (1 Кор. 10, 23). Эти апостольские слова вынуждают всех нас задуматься над духовными последствиями такого перехода. Великий русский мыслитель М.В. Ломоносов, пожалуй, первым всерьез задумался над ролью славянского языка в русской культуре. В знаменитом Предисловии «О пользе книг церковных в российском языке» он оценивает эту роль как весьма благодетельную. Да, именно благодаря церковнославянскому языку было обеспечено единство русского языка и русской культуры. И именно благодаря ему были во многом замедлены и приостановлены процессы диалектной дифференциации русского языка. Поэтому-то, как писал Ломоносов, «народ Российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнейшее расстояние, говорит всюду вразумительным друг другу языком в городах и селах»<sup>9</sup>. Именно славянский язык замедлил и процессы исторического развития русского языка, благодаря чему, по словам Ломоносова, «российский язык от Владимира до нынешняго веку, больше семисот лет не столько не отменился, чтобы старого разуместь не можно было...»<sup>10</sup>.

О судьбах русского литературного языка глубинно-емко писал и А.С. Пушкин: «Как материал словесности язык славено-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил

его, избавя, таким образом, от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отседае заемент он гибкость и правильность» (статья «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова», журнал «Московский телеграф», 1825 г.).

Исследователи русского языка и русской словесности выделяют две существенные черты, названные здесь великим писателем: во-первых, «славенскость» (а точнее, «церковнославенскость») русского языка, причем эту его черту Пушкин даже не обсуждает (это само собой разумеется), а в русской словесности видится ему язык *славенорусский*; во-вторых, Пушкин выделяет в нем «дары» языка греческого, который в XI веке *«вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии...»*.

Да, святые равноапостольные братья использовали для перевода именно «церковный византийский текст, который был под контролем Церкви и оберегался ею как нечто постоянное и неизменное, как сама истина, как церковно-текстуальное Предание, уходящее в апостольскую древность и недоступное для загрязнения человеческими мудрствованиями»<sup>11</sup>.

Именно он стал основой для напечатания в 1581 году полной Библии на славянском языке, в соответствии с выверенным текстом Священного Писания. Это имело особо важное значение в ту пору, когда «протестантские секты — плод эпохи Возрождения язычества — превращали христианство в систему философских построений падшего человеческого разума»<sup>12</sup>, и Русская Церковь начала длительную борьбу за сохранение чистоты веры, церковного языка и церковной культуры России.

Попытки деканонизации церковного текста Священного Писания и перевода богослужения на русский язык, к сожалению, не обошли Россию. Сетуя на «малопонятность и туманность языка словенского», в 1683 году в Москве переводчик Посольского приказа Авраамий Фирсов «переложил» с польского на русский язык «Псалтирь»; однако эти переводы не были признаны Церковью.

В Петровскую эпоху за перевод Писания на русский язык ратовал сподвижник Петра I, глава его ученой дружины Феофан Прокопович (1681-1736) — православный иерарх, которого не раз упрекали в склонности к протестантизму. С ведома Петра создавался русский перевод Нового Завета, однако после 1705 года эта работа была остановлена.

И в послепетровское время, вплоть до 1858 года, Церковь и Синод пресекали все попытки перевести Писание на русский язык. Но в либеральные 10-е годы XIX века Александр I своей императорской волей разрешил начать работу над русским переводом Священного Писания. Одним из его аргументов была ссылка на авторитетную в Православии Греческую Церковь, которая разрешает народу читать «Новый Завет» в переводе на новогреческий<sup>13</sup>.

Лишь в 1825 году профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, директор Русского библейского общества и царский духовник протоиерей Герасим Павский перевел несколько книг «Ветхого Завета». Однако печатание было прервано, а экземпляры с «Пятикнижием Моисеевым» сожжены. На другого переводчика «Ветхого Завета» архимандрита Макария (Глухарева) была наложена епитимья.

Когда же в 1858 году с разрешения Синода работа над переводом Библии была официально возобновлена, то было твердо указано на недопустимость использования в Церкви русского перевода. «Перевод полезен, но не для употребления в церквях, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Св. Писания». И, как известно, лишь в 1876 году был осуществлен первый перевод Библии на русский язык.

Одним из острых вопросов, не раз приводивших к богословским конфликтам, был вопрос о том, с каких библейских текстов производить перевод. До тех пор русские переводчики обращались, помимо древнееврейских оригиналов, ко всем доступным древнейшим переводам

— сирийским, арамейским, коптским и, конечно же, к «Септуагинте», а также к «Вульгате» и Елизаветинской Библии. Однако в официальном богословии ветхозаветная часть русской Библии 1876 года определялась как «перевод с еврейского под руководством греческой Библии»<sup>14</sup>, новозаветная же ее часть именовалась «переложением со славянского», а не с греческого, что, казалось бы, было наиболее приемлемым.

Вопрос о богослужении на русском языке горячо обсуждался в Русской Православной Церкви в конце XIX века. Святитель Феофан Затворник писал: «Надо что-нибудь на всю церковную жизнь влияющее сделать. И есть вещь такого именно свойства, вещь крайне нужная. Разумею новый, упрощенный, уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская, и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений непонятны совсем. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие чего новый перевод книг богослужебных неотложно необходим. Ныне, завтра же надо к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от всего происходит. Одна из причин, склонивших православных к штунде, есть именно непонятность церковных песнопений <...>. Положить начало новому переводу богослужебных книг. Положат пусть, теперь же положат перевести все книги заново <...>. Перевести не на русский, а на славянский язык. Опыты уже деланы были <...>. И благоговейно, и понятно»<sup>15</sup>.

Позицию святителя Феофана разделяли многие — и священники, и миряне. В «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» (1905-1906) мно-

гие отмечали, что необходимо сделать богослужение более понятным для мирян, сделав церковнославянский текст более доступным для усвоения на слух. Так, святитель Тихон, будущий Патриарх Всероссийский, писал: «Для Русской Церкви важно иметь новый славянский перевод богослужебных книг (теперешний устарел и во многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке»<sup>16</sup>.

В 20-е годы XX столетия, в пору великой церковной смуты, по стране прокатилась мутная волна обновленчества; сформировалось несколько церковно-обновленческих движений, среди коих особенно активной силой русификации богослужебных текстов отличалась «Живая церковь». Вот что писал, например, журнал живоцерковников «Церковное знамя» в своем первом номере 15 сентября 1922 года: «Мы желали бы произвести те или иные изменения в области церковных богослужений и требнике с допущением новых обрядов молитвословий в духе Церкви Православной. Главным образом желательны изменения богослужебного языка, весьма во многом не понятного для массы. Эти изменения должны неукоснительно вестись в сторону приближения славянского текста к русскому. Обновление должно идти с постепенностью, без колебания красоты православного богослужения и его обрядов».

Требование упразднения в богослужении церковнославянского языка с заменой его на русский содержалось и в программе «Союза общин древлеапостольской Церкви», составленной лжемитрополитом Александром Введенским: «Мы стоим за очищение и упрощение богослужения и приближение его народному пониманию. Пересмотр богослужебных книг и месяцесловов, введение древнеапостольской простоты в богослужении <...>, родной язык взамен обязательного языка славянского» («За Христа», 1922, № 1-2).

А вот текст резолюции, принятой обновленцами в 1924 году на съезде Союза «Церковное возрождение»:

«1. Переход на русский язык богослужения признать чрезвычайно ценным и важным приобретением культовой реформы и неуклонно проводить его как могучее орудие раскрепощения верующей массы от магизма слов и отогнания суеверного раболепства перед формулой. Живой родной и всем общий язык один дает разумность, смысл, свежесть религиозному чувству, понижая и делая совсем не нужным в молитве посредника, переводчика, спеца, чародея.

2. Русскую литургию, совершаемую в московских храмах Союза, рекомендовать и в других храмах Союза, вытесняя ею практику славянской, так называемой Златоустовой литургии»<sup>17</sup>.

Обновленческий раскол был изжит Церковью лишь в 1943 году, в самый разгар Великой Отечественной войны. Лишившись поддержки со стороны государства (а оно ввиду грозной военной опасности вынуждено было тогда сделать шаг в сторону примирения, а значит и навстречу подлинно национальной Церкви — Православной и Патриаршей), обновленческая группировка, никогда не имевшая опоры в народе, распалась. При этом правительственным распоряжением признавалось недопустимым богослужение на русском языке.

Однако обновленческие и реформаторские тенденции не утратили себя с исчезновением схизмы: в 1989 году на Церковь вновь обрушилась волна обновленчества. На почве современных модернистских идей, проникших в русское религиозное сознание и богословие в результате экуменических контактов с различными западными вероисповеданиями, заявило о себе современное неоновобновленчество с его зудом реформаторства; снова усилилось стремление заменить святоотеческое богословие работами модернистски ориентированных апологетов обновленчества — философа Н.А. Бердяева, протоиереев А. Меня, Н. Афанасьева, А. Шмемана и др. Делались попытки приспособить Церковь к служению духу мира сего ценой разрушения канонического строя и отказа от святой свя-

тых — Священного и Церковного Предания, путем перевода богослужения на современный русский язык и проповеди «единого христианства вне его конфессиональных перегородок».

В последнее десятилетие минувшего века отрицание и разрушение укоренившихся традиций Русской Православной Церкви, отказ от церковнославянского языка в богослужении активно пропагандировало так называемое «Сретенское братство» во главе со священником Георгием Кочетковым. Вся внутрицерковная деятельность этого «Братства» была нацелена на раскол Церкви и активную ревизию Православия, с превращением его фактически в модернистское неохристианство — своеобразный протестантизм «восточного обряда».

Другим центром «необновленчества» стал московский приход священника Александра Борисова, автора напумевшей книги «Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной Церкви», пропитанной духом протестантизма. В ней автор провозглашал явления некоего «нового христианства — не православного, католического или протестантского, но подлинно вселенского христианства. Христианство, так сказать, с человеческим лицом», ратуя при этом за «необходимость реформы внутри Церкви вообще и русификации богослужбного языка».

А рупором идей необновленчества и реформации Православной Церкви явился «Христианский церковно-общественный канал» (радио «София») во главе с протоиереем Иоанном Свиридовым. Здесь подвизались такие активные «реформаторы», как священники Георгий Чистяков и Владимир Лапшин, отец Игнатий (Крекшин) и игумен Иннокентий (Павлов). Вот некоторые образчики их бесед с радиослушателями: «Нельзя превращать Церковь в гетто со средневековым мировоззрением!..» (В. Лапшин) или «Церковнославянский язык — это — *церковная феня...*» (Иннокентий Павлов)<sup>18</sup>.

В те же годы Россию захлестнул поток вульгарных антицерковных русских библейских переводов; кроме вы-



полненных за границей «Слова Жизни» и «Благой вести от Бога», появились «труды» Георгия Кочеткова (в том числе его книга «Православное богослужение: русифицированные тексты вечерни, утрени и литургии»), а также Леонида Лужовского, В.Н. Кузнецовой и др., радеющих о «библейском просвещении» России, лишенной его, по их словам, из-за «чуждого и непонятного народу церковнославянского языка». Сюда же следует отнести и переводы игумена Иннокентия (Павлова) в газете «Сегодня».

Вот как под пером новоявленных «ученых переводчиков Библии на живой современный русский язык» выглядят, например, новозаветные выражения. Сравните:

«*Сие есть Кровь Моя Нового Завета*» (Мф. 26, 28), но «*Это Моя Кровь, кровь Нового Союза*».

«*Приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него*» (Мф. 3, 13), но «*Появляется на Иордане Иисус из Галилеи, пришедший к Иоанну, чтобы тот его омыл*».

«*друг мытарям и грешникам*» (Мф. 11, 19), но «*приятель сборщиков податей и прочего отребья*».

«*Возьмите иго Мое на себя*» (Мф. 11, 29), но «*Наденьте на себя ярмо Моих Заповедей*».

«*В начале было Слово*» (Ин. 1, 1), но «*Изначально был Тот, кто зовется Словом*».

Однако эхо модернизма и осовременивания языка церковной службы не утихало. Вот один из образчиков взгляда тогдашних обновленцев на язык богослужения: «Единственная оставшаяся функция церковнославянского языка не является культурно значимой в нынешнем секуляризованном плюралистическом обществе. Для языкового сознания людей церковных можно предположить наличие русско-церковнославянской диглоссии: для остальной части общества церковнославянский язык является языком совершенно чуждым и мертвым» [?! — А.Л.]<sup>19</sup>.

В Проекте документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» указывается: «В наши дни проблема понимания богослужб-

ного текста является не менее актуальной, чем на рубеже XIX-XX веков, и требует своего решения как путем повышения уровня знания нашими современниками церковнославянского языка, так и посредством продолжения начатых Святейшим Правительствующим Синодом работ по редактированию богослужебных книг. Исправления в богослужебные книги должны вноситься с крайней осмотрительностью и лишь по благословию Священного Синода с последующим утверждением Архиерейским Собором <...>. В ходе этой работы необходимо прояснить те места, которые труднодоступны для понимания».

Здесь же, в Проекте документа, определены основополагающие принципы работы созданного Священным Синодом рабочего органа:

— «Основным языком богослужения Русской Православной Церкви является церковнославянский язык. Проповедь же, которая представляет собой неотъемлемую часть богослужения, произносится на современном языке (русском, украинском, молдавском, белорусском и на иных языках народов, составляющих многонациональную паству Русской Православной Церкви).

— В Русской Православной Церкви, с благословения Священноначалия, употребляются богослужебные тексты и на национальных языках. Эти тексты должны точно передавать смысл оригинала, быть понятными для молящихся и сохранять традицию возвышенности богослужебного языка, свойственную Православию.

— Прояснение церковнославянских переводов греческих текстов прежде всего должно касаться сложных для понимания мест.

— Основное внимание следует уделить лексическому составу языка: замене полностью малопонятных церковнославянских слов, а также тех слов, которые в современном русском языке имеют принципиально иное значение по сравнению с церковнославянским. Эквиваленты для них следует находить по преимуществу не в русском литературном, а в церковнославянском языке, что обеспечит

сохранение единства стиля и преемственность традиции богослужебного текста».

Обратимся к некоторым примерам: *от лести идольския* → *от прельщения идольского*; *напрасно судия придет* → *внезапу судия придет*; *во всем угобзити* → *во всем ущедрити*; или: *кратир* — *сосуд*, *анкира* — *якорь*, *реть* — *рвение*, *вжиляемь* — *укрепляемь*, *возбнув* — *воспрянув*, *иногда* — *древле*.

Именно церковнославянский язык помнит, что *небеса* — *без бесов*, что *бездарность* — *лишение Божьего дара*, что *родословная* наша — *в Слове*. Именно этот язык узревает за видимым *убийцей* не *киллера*, а *душегуба*. Такова жизненная сила церковнославянского языка.

### 3.

Церковнославянский язык, вечно живущий в наших генах, — это наша нетленная гордость, наше великое духовное наследие, наша воистину духовная «икона»: храня историческое наследие народа нашего и нашей культуры, он по-прежнему устремлен в будущее. Его, как никакой из нелитературных языков, отличают многообразие, пластичность и совершенство грамматического строя, лаконизм и динамика синтетических структур, этимологическая глубина лексики, неповторимая выразительность и особая красота самого языка. А «сложность и гибкость глагольных форм славянского языка делают одну и ту же по словарному составу фразу то ажурно легкой, то до физически осязаемой тяжелой и твердой, как бы изваянной из мрамора. Лаконизм, внутренняя чеканность и в то же время как бы внешняя незавершенность и обрывистость предложений, часто без последовательных переходов от одного предмета к другому, выделяют смысловые паузы эмоциональным содержанием, подчеркивая, что богослужебный текст — это не монолог, а диалог, таинственная беседа души с Божеством <...>. Говоря образно, динамика древних языков созвучна динамике света. Богослужение — это симфония из лучей Божественных энергий. Священная история изображается в этой Божественной симфонии

на светящемся фоне Вечности, земные реалии — в их логистическом изображении»<sup>20</sup>.

Итак, исторически сложилось так, что русский язык — и общенародный, и литературный — вобрал в себя значительный пласт церковнославянской лексики. А современный литературный язык формировался в XVIII веке; церковнославянизмы органично вошли в него в качестве высокого стиля и используются в нашей речи до сих пор, при этом не нуждаясь ни в каких переводах на современный русский. Так, пушкинское «*Восстань, пророк, и виждь, и внемли*» не нуждается в переводе, хотя в обыденной речи такие слова и грамматические формы не употребляются. По-русски мы бы сказали: «*Вставай пророк, смотри и слушай*». Однако, когда Пушкин обращается к пророку не по-русски, но по-славянски, выражаясь высоким слогом («и виждь, и внемли»), он и сам начинает пророчествовать, воздымаясь на высоту, где уместен именно стиль высокий, библейский.

«Тому, что пушкинский текст пока в переводе не нуждается, мы обязаны “поддержке” литургического языка. Перевод богослужения на русский язык приведет к тому, что нашим правнукам придется читать литературу XIX века в переводе на адаптированном варианте»<sup>21</sup>. И как тут не согласиться со словами духовного писателя начала XIX века В.Ф. Певницкого: «В самом деле, не было ли бы странным для благоговейного чувства глубоко верующих, если бы церковные молитвы и песнопения, лишив облачения церковного языка, облекли одеждою простых речений нынешнего разговорного языка?»<sup>22</sup>

Русская литературная речь в меру и бережно пронизана церковнославянизмами, а «заимствования из церковнославянского языка в русском настолько органичны, настолько близки исконным (незаимствованным) словам и формам, что их “чужезычность” не чувствуется говорящими. Для языкового сознания церковнославянизмы — это “свое”, но “особое свое”. Между тем, это все же заимствования...»<sup>23</sup>.

Церковнославянизмы вошли также в плоть и кровь многих русских паремий (пословиц и поговорок) и устойчивых выражений. В «переводе» на современный лад они утрачивают не только свою «высокость», но и саму семантику. Например, лексика пословицы «*Устами младенца глаголет истина*» полностью церковнославянская и по происхождению, и по набору слов, но, лишенная славянизмов, она сразу же «угаснет» и потеряет присущую ей афористичность: «*Ртом ребенка говорит правда*». А, скажите, смирится ли благочестивое чувство православного верующего, коли, например, хорошо знакомый ему ирмос «*Отверзу уста моя, и наполнятся Духа...*» вдруг зазвучит перелицованным на современный лад: «*Открою мой рот и наполню его воздухом*»?

О богатой «пословичности» Священного Писания прекрасно сказано у Пушкина: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею у народов*; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием»<sup>24</sup>.

Характерно, что говорящие в наше время порою и не замечают библейского происхождения некоторых употребленных ими выражений. Так, говоря *ждать манны небесной, корень зла, зарыть талант в землю, не хлебом единым, соль земли*, люди и не задумываются, что цитируют Библию; они просто говорят на языке, который вобрал в себя библейские образы, ставшие крылатыми.

И еще характерно, что фонд библеизмов в языках разных христианских народов в существенной мере совпадает по своей внутренней форме и образному стержню, разнясь лишь своею лексико-звуковой оболочкой. Так, церковнославянско-русскому выражению *хлеб насущный* в ряде европейских языков соответствуют: укр. *хліб насущний*, белорус. *хлеб надзённы*, словен. *vsak danji kruh*, польск.

*chleb powszedni*, чешск. *chléb vezdejný* или *každodenni chléb*, англ. *daily bread*, немец. *täglich Brot*. Словом, библейская образность стала общим культурным достоянием народов, исповедующих Священное Писание.

Вместе с тем церковнославянский язык осуществляет в русской культуре еще одну очень важную функцию — «барьерную», выступая в качестве надежной преграды против раскультирования современной России<sup>25</sup>. Заметим, что об этом же качестве церковнославянского языка более ста лет назад проникновенно писал И.В. Киреевский: «По необыкновенно счастливому стечению обстоятельств словенский [то есть церковнославянский] язык имеет то преимущество над русским, над латинским, греческим и над всеми возможными языками, имеющими азбуку, что на нем нет ни одной книги вредной, ни одной бесполезной, не могущей усилить веру, очистить нравственность народа, укрепить связи его семейных, общественных и государственных отношений. Поэтому я думаю, что изучение его, вместо утонченности катехизиса, в русской словесности могло бы служить одним из сильнейших противодействий тому, что может быть вредного для народа в науках, взятых отдельно от религии»<sup>26</sup>.

Словом, церковнославянский язык — высшая страта русского языка, выполняющая «роль эталона, камертона и даже ковчега, уберегающего русский язык и культуру, русский народ и его душу, его православную веру от распада»<sup>27</sup>. Вся многовековая история русской словесности убедительно свидетельствует, что без церковнославянского языка не было бы нашего прекрасного и удивительного русского литературного языка.

Церковнославянский язык прочно и органично вошел в самые толщи русского языка в качестве организующей силы его изначальных основ. И отказаться от него «так же невозможно, как, скажем, вынуть из толщи земной коры кембрийский пласт»<sup>28</sup>. Именно в нынешней нашей жизни мы пожинаем плоды попыток изъятия из монолита

русской культуры ее основных, цементирующих составляющих — Православия, нашего исконного языка, нашей словесности. Потому и буйствует на запущенном поле чертополох жаргонов, сквернословия, чужеземных сорняков. И огромная роль в очищении нашего речевого поля от всей этой скверны принадлежит церковнославянскому языку как хранителю русского национального генома<sup>29</sup>. Из века в век неумолчно рокочут в нем струны его Божественной, живописно-немеркнувшей силы.

### Примечания

<sup>1</sup> Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 591.

<sup>2</sup> Славянский язык — язык Церкви и молитвы // Сети «обновленного православия». М., 1955. С. 75-76.

<sup>3</sup> Камчатнов А. Сакральный славянский язык в Церкви и культуре // Современное обновленчество — протестантизм «восточного обряда». М., 1996. С. 136.

<sup>4</sup> Милославский В.С. Об экологии слова. М., 2004. С. 15.

<sup>5</sup> См.: Литературная учеба. 1996. № 3. С. 16.

<sup>6</sup> Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания [1927]. 1990. № 2. С. 133.

<sup>7</sup> Славянский язык — язык Церкви и молитвы... С. 73.

<sup>8</sup> Там же. С. 75.

<sup>9</sup> Ломоносов М.В. Цитир. соч. С. 591.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Славянский язык — язык Церкви и молитвы... С. 73.

<sup>12</sup> Там же. С. 74.

<sup>13</sup> Рижский М.И. История переводов в России. Новосибирск, 1978. С. 131.

<sup>14</sup> Там же. С. 161.

<sup>15</sup> Собрание писем святителя Феофана. М., 1898. Вып. 2. С. 142-144. Письмо 289.

<sup>16</sup> Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Ч.1. С. 537.

<sup>17</sup> См.: Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. 1922-1946. М., 1996. С. 580.

<sup>18</sup> В эфире — радиоканал протоиерея Иоанна Свиридова. «Христианский церковно-общественный канал», радио «София» // Современное обновленчество — протестантизм «восточного обряда». М., 1996. С. 254.

<sup>19</sup> Людоговский Ф.Б. Очерки истории функционирования церковнославянского языка в России в XVIII-XX веках // Христианское просвещение и русская культура: материалы II научно-богословской конференции. Йошкар-Ола, 1999. С. 75.

<sup>20</sup> Рафаил (Карелин), архимандрит. Значение славянского языка для православного богослужения // Сети «обновленного православия». М., 1995. С. 89.

<sup>21</sup> Плетнева А.А. К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2. С. 67.

<sup>22</sup> Певницкий В.Ф. О церковно-богослужебном языке // Церковные ведомости. 1908. № 26-28. С. 1268.

<sup>23</sup> Мечковская Н.Б. Указ. соч. С. 267.

<sup>24</sup> Пушкин А.С. Рец. на кн.: Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеликко // Полное собрание сочинений. М., 1949. Т.12. С. 99.

<sup>25</sup> См., например: Роднянская И. Язык православного богослужения как препятствие к раскультированию России // Литературная учеба. 1997. № 5-6. С. 83-89.

<sup>26</sup> См.: Афанасьев В.В. «Просвещая разум и сердце» (О записке И.В. Киреевского) // Литературная учеба. 1997. № 5-6. С. 110.

<sup>27</sup> Милославский В.С. Указ. соч. С. 45.

<sup>28</sup> Там же. С. 59.

<sup>29</sup> О роли церковнославянского языка как языка Православной Церкви и его роли в становлении русского национального и литературного языка см. наше исследование: Липатов А.Т. Церковнославянский язык — язык духовного откровения и речевого величия // Христианское просвещение и русская культура: материалы IX научно-богословской конференции. Йошкар-Ола, 2006. С. 10-24.



*КАРПОВ Игорь Петрович,  
доктор филологических наук,  
профессор кафедры русской и  
зарубежной литературы МарГУ*

### **Русская литература в духовной борьбе начала XIX века (С. А. Ширинский-Шихматов)**

В советское время концепция истории русской литературы создавалась на примере только одного идейно-литературного направления — революционно-демократического. Довольно полно были изданы и исследованы А.Н. Радищев, поэты-декабристы, высоко оценивалась обязательная для школьного и вузовского изучения «вольнлюбивая» лирика А.С. Пушкина, произведения В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова... В аспекте «критического реализма» исследовалось и преподавалось творчество Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого...

Представители другого направления — традиционалисты, охранители, консерваторы — во-первых, не издавались (разве что в отдельных произведениях или отрывках), во-вторых, к ним приклеивались ярлыки («архаисты», «реакционеры», «мракобесы»), чему, предполагалось, нужно верить на слово.

Сегодня мы понимаем, что необходима новая история русской литературы, которая была бы тесно соединена с общей историей России и историей Русской Православной Церкви. Такая история, которая включала бы в себя все три ветви русской литературы: мирскую (устное народное творчество), светскую и духовную<sup>1</sup>. Необходима текстуально полная история русской литературы, в которой Г.Р. Державин — автор не только оды «Бог», но и оды «Христос», И.А. Крылов не только баснописец, но и создатель духовных стихов, А.С. Шишков — не только лидер «пресловутой» «Беседы любителей русского слова», но

и один из выдающихся общественных деятелей эпохи императоров Александра и Николая. Он, а также А.А. Аракчеев, Ф.В. Ростопчин, М.Л. Магницкий, А.С. Стурдза, П.А. Кикин, Е.И. Станевич, С.И. Смирнов, С.Н. Глинка, архимандрит Фотий (Н.П. Спасский), его духовные дочери и последователи А.А. Орлова-Чесменская, Д.А. Державина, П.М. Толстая, А.И. Жадовская выступали против того духовного опустошения, которое охватило высшие круги дворянства в царствование Александра I<sup>2</sup>.

В начале XIX века отечественная духовная традиция многими была утрачена. За пророков почитались западные мистики (Бём, Гийон, Сен-Мартен, Юнг-Штиллинг). В лицеях и университетах было засилье иезуитов. Расширялась сеть масонских лож. Кроме духоборов, хлыстов, скопцов, появились секты Е.Ф. Татариновой и Е.Н. Котельникова.

В таких условиях программным документом консерваторов стала книга «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) А.С. Шишкова<sup>3</sup>, организационным центром сопротивления западной культурно-религиозной агрессии — «Беседа любителей русского слова» (1911), созданная усилиями, прежде всего, А.С. Шишкова.

До недавнего времени авторы этого объединения представлялись читателю эпиграммой А.С. Пушкина:

Угрюмых тройка есть певцов —  
Шихматов, Шаховской, Шишков,  
Уму есть тройка супостатов —  
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,  
Но кто глупей из тройки злой?  
Шишков, Шихматов, Шаховской!<sup>4</sup>

Но существует и другая оценка «шишковистов»: «Перед нами объединение, располагавшее первоклассными литературными силами. Во главе “Беседы” стояли такие крупные личности и талантливые литераторы, как Шишков и Державин. Важную роль в ней играл регулярно

присутствовавший на заседаниях И. А. Крылов. Среди ее членов мы видим таких талантливых писателей, как Шаховской, Шихматов, Капнист, Горчаков, Греч, Бунина, Гнедич (формально к “Беседе” не принадлежавший) и др. В состав объединения входили видные ученые и общественные деятели: Мордвинов, Оленин, Болховитинов, Востоков и др.»<sup>5</sup>.

Это направление сегодня называют русской партией, или русской православной оппозицией, или консерваторами, потому что всех этих людей объединяло стремление сохранить национальную традицию, русский язык и православную веру.

«Рассуждение о новом и старом слоге российского языка» А.С. Шишкова было моральным, эстетическим и религиозным манифестом защитников самобытного пути России. Галломанию А.С. Шишков расценивал как духовную болезнь, как добровольное согласие на порабощение, что является результатом сложившейся системы образования, забвения собственного языка, отхода от Святого Писания и святоотеческого предания. Необходимо не заимствовать чужое, в том числе и французский язык, полагал А.С. Шишков, но обратиться к отечественным традициям, черпать и смыслы, и языковые формы в церковнославянском языке. Внутри этих «филологических» рассуждений было неприятие идеологии западных просветителей и кровавого опыта Французской революции<sup>6</sup>.

Либералы, масоны, декабристы устами молодого, подпавшего под их влияние А.С. Пушкина, грозили царю и его приближенным: «кочующему деспоту» (царю Александру), «холопу венчального солдата» (А.С. Стурдзе), «всей России притеснителю» (А.А. Аракчееву) — «карающим кинжалом», «кинжалом Зандова», т. е. участью террориста-якобинца Марата и немецкого драматурга и романиста Августа фон Коцебю. Первого убила Шарлота Кордэ, второго — немецкий студент Карл Людвиг Занд.

Одним из последователей А.С. Шишкова был князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783—

1837). Он родился в сельце Дернове Смоленской губернии, в семье небогатого отставного поручика. Родители его были искренне верующими православными людьми, с детства приучили сына к молитвенному стоянию, участию в церковных службах, благодаря чему он рано познакомился с церковнославянским языком и полюбил его. Как и все дворяне, сначала С.А. Ширинский-Шихматов получил домашнее образование, в 1795–1800 годах обучался в Морском кадетском корпусе, после окончания которого был определён в Морской учебный комитет при Адмиралтействе. Председателем этого комитета был А.С. Шишков. Так произошла встреча будущего руководителя «Беседы» и будущего духовного писателя. Выйдя в отставку, он освободил своих крестьян (чего, кстати, никто из «борцов за свободу» не сделал), поселился в Новгородском Юрьевском монастыре, где был в то время архимандритом Фотий (Спасский). В 1830 году постригся в монахи, приняв имя Аникиты. В 1836-м стал архимандритом при русской польской церкви в Афинах, где и скончался.

Поэт С.А. Ширинский-Шихматов начинал со стихов светской тематики, в которых было ярко выражено его православное, патриотическое мировосприятие: это его поэмы «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807), «Петр Великий. Лирическое песнопение» (1810), стихотворения «Песнь российскому слову» (1809) (по случаю его избрания членом Российской академии), «Приглашение друзей на вечернюю беседу» (1809), «Возвращение в отечество любезного моего брата» (1810), «Пение Богу нашему» (1810), «Ночь на гробах. Подражание Юнгу» (1812), «Песнь Россу» (1812), «Песнь Сотворившему вся» (1817) и другие.

Со временем духовная тематика стала преобладающей в поэзии С. А. Ширинского-Шихматова. Что важно отметить, он не просто перелагает псалмы, как делали многие и до него, не воздаёт хвалу некоей высшей силе по имени «Бог», как это делал масон и декабрист Ф.Н. Глинка. Следуя традиции од Г.Р. Державина «Бог» и «Христос»,

С.А. Ширинский-Шихматов, однако, не заканчивает свой творческий путь скорбными рассуждениями, довольно сомнительными с точки зрения православного восприятия жизни и смерти. Вспомним последнее стихотворение Г.Р. Державина.

Река времён в своём стремленьи  
Уносит все дела людей  
И топит в пропасти забвенья  
Народы, царства и царей.  
А если что и остаётся  
Чрез звуки лиры и трубы,  
То вечности жерлом пожрётся  
И общей не уйдёт судьбы<sup>7</sup>.

(6 июля 1816)

С.А. Ширинский-Шихматов понимает, что «у Бога все живы». Он пишет вполне самостоятельные личностные духовные стихи, в которых, однако, не допускает никаких искажений смыслов Святого Писания и святоотеческого предания.

«На Рождество Господне», «На обрезание Господне», «На Крещение Господне», «На сретение Господне», «На Преображение Господне», «На вшествие Господне в Иерусалим», «На Воскресение Господне», «На Вознесение Господне», «На день Пятидесятницы» — все эти произведения были созданы в 1823 году, в то время, когда масоны, будущие декабристы и подпавшие под их влияние поэты (в том числе К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин) развернули широкую агитацию против царя, Церкви, Православия и практически готовились к вооружённому восстанию. А С.А. Ширинский-Шихматов в это время славит Воскресение Господне.

Воскрес, воскрес Христос! из мертвых — Жизнодатель!  
Смерть смертию поправ! — и тлеющих в земле

Вновь жизнью оживил, Творец и Возсоздатель!  
Воскрес — и просветил сидящих в смертной мгле.  
Мы зрим, мы чувствуем, по вере, по искусу,  
В Нем нашей будущей величие судьбы.  
Поклонимся челом и сердцем Иисусу,  
Святому — грешные, и Господу — рабы.

В следующем 1824 году С.А. Ширинский-Шихматов создаёт поэму «Иисус в Ветхом и Новом Завете, или Ночи у Креста», в которой излагались евангельские события. Государь Александр I повелел разослать это сочинение по всем духовным училищам и семинариям.

\* \* \*

В качестве примера поэзии С.А. Ширинского-Шихматова возьмём его вполне светское стихотворение «Возвращение в отечество любезного моего брата» (30 мая 1810), т. е. возвращение брата Павла, и постараемся понять, какое мировосприятие в нём выражено.

В семье Ширинских-Шихматовых было двенадцать детей, девять мальчиков. Четвертый сын Павел (1781–1844) был особенно дружен с младшим Сергеем. Павел, как и Сергей, окончил Морской кадетский корпус, был морским офицером. По выходе из службы Павел Александрович жил в Архангельском Можайского уезда, занимался просветительской деятельностью, много времени проводил в церкви, молился. В 1836 году перевел своих крестьян в вольные хлебопашцы. Работал в Можайском суде судьей, построил богадельню<sup>8</sup>. Родственная и духовная близость двух братьев, Сергея и Павла, стала основной темой «Возвращения».

Полное название стихотворения: «Возвращение в отечество любезного моего брата князя Павла Александровича из пятилетнего морского похода, в течение которого плавал он на многих морях, начиная от Балтики до Архипелага, видел многие Европейские земли, и, наконец, из Тулона сухим путём чрез Париж возвратился в Россию»<sup>9</sup>.

Уже в названии выражена характерная смысловая последовательность: отечество (Россия) — «любезный брат» — морской поход (благородное деяние во имя интересов страны) — Европейские земли — и вновь Россия (отечество).

Вот эта последовательность смыслов и будет реализована в стихотворении, которое начинается словами:

Сидя на холме возвышенном,  
Весне, пестреющей вокруг,  
Стонал я в сердце сокрушенном,  
О том, что медлит верный друг  
В странах далеких от отчизны,  
От дружбы братской удален;  
Уже, уже я утомлен  
Надежде делать укоризны,  
Счислять его отсутствия дни.  
Падут ли некогда преграды?  
Иль вечно мне не зреть отрады?  
Терпеть прискорбия одни?  
Се, солнце разлилось по миру,  
И полночь облеклась во свет,  
И птицы к вышнему эфиру  
Возносят песни и полет,  
Резвясь на воздухе прозрачном.  
Там златом искрится вода,  
А там — блаженствуют стада,  
Пасомые на поле злачном.  
Лишь я примрачен и уныл,  
Не рад толь светлому позору:  
Кидаю взгляды по обзору —  
Не зрю того, кто сердцу мил.

Вряд ли в действительности автор сидел на холме и грустил о своём брате, высматривая его по всем сторонам. Холм — образ национально русский, исторический. Холм — это место встречи настоящего и прошлого, это рубеж — между родиной и чужбиной.

Вспомним — в «Слове о полку Игореве»: «О, Русская земля! уже ты за холмом!»

И так образ холма доходит до нашего времени. Вспомним Николая Рубцова, его стихотворение «Ведение на холме» (1962):

Взбегу на холм и упаду в траву.  
И древность повеет вдруг из дола!

В центре лирического повествования С.А. Ширинского-Шихматова — «любезный брат» («верный друг»), т.е. утверждение не только родственной, но и духовной связи между братьями. Так начинает объективироваться в произведении *семейное мышление автора*, характерное — в кругу его современников — прежде всего для славянофилов: Аксаковых, Языковых, Киреевских, Хомякова.

Образ брата создаётся не только как отражение конкретной личности, но и как обобщение — авторский идеал. Брат появляется как богатырь, держащий в своей деснице всю мощь коней, у которых из ноздрей клубится дым и пламень, пена кипит на устах, из под копыт «летит земля и хрупкий камень»...

Но кто там мчится в колеснице,  
На резвой двойце коней,  
И вся их мощь в его деснице?  
Из конских дышащих ноздрей  
Клубится дым и пышет пламень,  
И пена на устах кипит;  
Из-под железных их копыт  
Летит земля и хрупкий камень,  
И пыль виется до небес;  
Играют гривы их густые,  
Мелькают сбруи золотые,  
Лучи катящихся колес.



Кто сей? — мой дух летит навстречу —  
Я зрю любезные черты,  
Еще, еще его замечу,  
И се — что вижу я? — се ты,  
Се ты, се ты, толь жданный мною,  
Пришлец и странник мой драгой,  
Мой друг, мой брат, сам я другой,  
Се ты притек ко мне с весною,  
Подобный младостью весне!  
И он познал меня мгновенно,  
Но чувствам верим мы сомненно,  
Друг друга чаем зреть во сне.

Вот как возвращаются из заграничных походов русские  
воины.

Что делают при встрече с любимым человеком? Во-пер-  
вых, лобызаются, во-вторых, ведут его в дом — под «кров  
наш безмятежный», в третьих, созывают друзей, родствен-  
ников, знакомых, чтобы встреча с дорогим человеком и  
им доставила радость, чтобы поделиться своей радостью,  
чтобы «питаться дружбы благом».

Огнь жизни пробежал по жилам,  
И слезы сыплются из глаз,  
Лишь горним сведомая силам  
Любовь горит во мне сей раз.  
Глашу — напав ему на выю:  
«Кто, кто тебя мне возвратил?  
Не друг ли смертных Рафаил,  
Как древле сохранил Товию,  
Тебя поставил в сих местах?»  
Друг друга чувствуем всю радость,  
Друг друга лобызаем в сладость,  
И души наши на устах.

Пойдем под кров наш безмятежный,  
В огромный, мирный наш Дедал,

Спокойся в недрах дружбы нежной!  
Довольно море ты орал,  
Довольно перемерил суши,  
На лоне братства отдохни;  
Начнем вкушать золотые дни,  
Слием в беседах наши души,  
Сердцам своим предложим пир.  
Природа веселится нами,  
Как мать счастливыми сынами,  
Дыханье удержал зефир.

Беги, Хохлов! крылатым шагом,  
Зови, зови сюда друзей,  
Зови питаться дружбы благом,  
Скажи, что счастье у князей,  
Что брат восторгом полнит братий,  
Как бы избегший смертных врат.  
Друзья! и вам, и вам он брат,  
И ваших жаждет он объятий;  
Летите к нам в сей светлый час,  
Покинув все свои работы,  
Разгладив на челах заботы,  
И с нами радуйтесь у нас.

Обратим внимание на словарное богатство стихотворения, на то, в каких точных образных русских словах выражает автор своё мировосприятие, как он использует древнерусские и церковнославянские слова и выражения для предания своей речи торжественности, соответствующей важности момента — встрече братьев-друзей: «на резвой двойце коней», «и пыль виется до небес», «лучи катящихся колес», «слием в беседах наши души», «крылат на всякое добро», «он многие обтек державы»... Сегодня мы, может быть, отвыкли от некоторых подобных выражений, но художественная литература начала девятнадцатого века была вся в поисках своего языка. Кроме салонно-приглаженной речи, часто похожей на перевод с французского,

которую разрабатывали последователи Карамзина, сентименталисты, была ещё и речь народная, представленная в баснях Крылова, и речь, ориентируемая на традиции семнадцатого века, — произведения архимандрита Фотия (Спасского).

В следующих стихах даётся характеристика нравственного облика брата, и опять же — не только брата, но лучшего представителя современного бодрого, деятельного поколения, истинного героя времени, который приятен и тактичен в общении с людьми. Не главными же героями русской жизни девятнадцатого века были Чацкие и Скалозубы, далее Онегины и Печорины, далее Чичиковы и Обломовы...

Наш друг всё так же благороден,  
Всё так же жив и бодр, и свеж,  
И малым и большим угоден,  
Хорош для мудрых и невеж,  
По чувствам веры достохвален,  
Искусен жить со всеми в лад,  
С веселым веселиться рад,  
С печальным истинно печален,  
За шутками шутлив остро,  
В беседах важных тих и важен,  
Душой и сердцем не продажен,  
Крылат на всякое добро.

Стихотворение написано в самый разгар галломании, увлечения всем французским — идеями, языком, литературой, модой, манерой поведения и образом жизни. После войны 1812 года это рабское подражание французам несколько поутихнет, но зато наберёт силу англomanия. Любая подобная «мания», особенно среди высокопоставленных людей, ведёт к усилению симпатий к чужой стране, порой к осознанному или неосознанному проведению в жизнь её «передовых» идей и интересов. С.А. Ширинский-Шихматов хвалит брата за верность отеческим нра-

вам, царю, Богу. Эта верность диктуется совестью, а иное отношение к родине — грех. Совесть и грех — важнейшие понятия в системе православной нравственности. Пребывание за границей, будь то на учебе в университетах Европы, будь то во время войны с Наполеоном, часто обращивалось для русских дворян увлечениями западными умозрительными философиями или вступлением в масонские ложи. Не так было с Павлом Александровичем, он «в странствах мудростью возрос».

С.А. Ширинский-Шихматов рассуждает о неразрывной связи русских людей с природой, со «строкою» зимой, которая «лелеет» человека, тогда как иностранцы живут в природной роскоши, в южной неге.

Каждая часть стихотворения написана одним сложным предложением, заканчивается содержательно ёмкими заключениями. Сравним далее: «А нам не чтить Россию — грех!» — «На все природы южной неги / Не променяем наши снега / И наш отечественный лед».

Он многие обтек державы  
И в странствах мудростью возрос,  
Соблюл отеческие нравы,  
Среди соблазнов пребыл росс;  
Вступая в родину драгую,  
И прах чужой отряс от ног;  
Отечество и царь и Бог  
Рождают совесть в нем благую,  
И мысль его — мысль россов всех:  
«Кому чужой удел корыстен,  
То свой конечно ненавистен,  
А нам не чтить Россию — грех!»

Под хладной северной звездюю  
Рожденные на белый свет,  
Зимою строгою, седюю  
Лелеяны от юных лет,  
Мы презрим роскошь иностранну;

И даже более себя  
Свое отечество любя,  
Зря в нем страну обетованну,  
Млеко точашую и мед,  
На все природы южной неги  
Не променяем наши снега  
И наш отечественный лед».

Ситуация встречи братьев после долгой разлуки используется С.А. Ширинским-Шихматовым, чтобы выразить своё отношение ко многим проблемам современности, в том числе к европейским народам.

Он видел братьев наших греков,  
От коих свет заняли мы,  
Сих древле мудрых человеков,  
А ныне — меркнут их умы.  
Зрел галлов, славой восхищенных,  
Престольный их роскошный град,  
Зрел Рима недорослых чад,  
Австрийцев, блеском освещенных,  
Забывших горе прусаков,  
Надменных, дерзостных британцев,  
Сынов отечества гишпанцев  
И шумных духом поляков.  
Исследовав страны другие,  
Тебе вверяет вновь свой век,  
О мать любезная Россия!  
И громко суд такой изрек:  
Подобно как Иван Великой  
Превыше низких шалашей,  
Так росс возносится душой  
Превыше царств Европы дикой,  
И дивен высотой чувств!  
Так вызнал друг наш все народы:  
Он видел чудеса природы  
И вечны чудеса искусств.

Заканчивается стихотворение поучением, обращённым к самому себе и брату. Но мы, читатели, видим в этом поучении поэтическую и поведенческую нравственную программу поэта.

От детства сходствуя сердцами,  
Носящи в жилах ту же кровь  
И братску пламенну любовь,  
Мы можем счестья близнецами  
По тем же качествам ума;  
И ты (о, как мы в людях дики!)  
Не любишь пляшущие лики,  
И я скорблю о них весьма.  
Веселье светское ничтожно,  
Земное всё есть дым и прах;  
Небесну жизнь люби неложно.  
В душе питая Божий страх,  
Не бойся силы смертных тленной:  
Хотя бы хитрый человек  
Народы в сеть свою вовлек,  
Ярем бы наложил вселенной,  
В звездах поставил бы свой трон,  
И он от брения составлен:  
Смотри — он смертью раздавлен,  
Гнетет его железный сон.  
Пусть мир пред Крезами одними  
Курит свой жертвенный Ливан  
И чтит поклонами земными  
Богатства блещущий болван;  
Но ты, гнушаясь сим развратом,  
Цени достоинство равно,  
Хоть скрыто рубищем оно,  
Хотя преиспещренно златом.  
Узрев свой свет в душе твоей,  
Взыграет мудрости наука,  
Невольню улыбнется Скука

И сбросит облако с бровей.  
Хвали делами добродетель;  
Птенцам, поверенным тебе,  
Будь друг, отец и благодетель,  
Всегда подобен сам себе;  
В груди гаси рассудком страсти,  
Пусть вера в ней горит одна:  
Вот щит, вот медная стена  
Противу всякия напасти.  
В союзе с ближними живи,  
Люби людей, люби сердечно,  
И знай — с тобою будет вечно  
Бог щедрый мира и любви.

Такую жизнь и прожили братья. Такой идеал духовной жизни запечатлел поэт в своём творчестве.

### Примечания

<sup>1</sup> См.: *Карпов И. П.* Троиединство русской словесности // Христианское просвещение и русская культура: доклады и сообщения XIV научно-богословской конференции (16–17 мая 2011 г.). Йошкар-Ола, 2011. С. 180–189.

<sup>2</sup> Современные историки воссоздали картину духовной брани начала XIX века. См.: *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000; *Кондаков Ю. Е.* Государство и Православная Церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003; *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. 1801–1825. СПб., 1998; *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005; *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм первой четверти XIX в. Воронеж, 2011; *Минаков А. Ю.* Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013.

<sup>3</sup> См. наиболее авторитетный обзор жизни и творчества А.С. Шишкова: *Минаков А. Шишков Александр Семёнович* // Святая Русь. Большая энциклопедия Русского Народа. Русское православие: В 3 т. / гл. ред., сост. О. А. Платонов. М., 2009. Т. 3: Р-Я. С. 657–660. Для сравнения: словарная статья В. Г. Смолицкого о С. А. Шишинском-Шихматове, в которой архимандрит Фотий назван «известным изувером и мракобесом» (Русские писатели. Библиографический словарь: В 2 т. / Под ред. П. А. Николаева. М., 1990. Т. 2: М-Я. С. 407–408).

- <sup>4</sup> Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 410.
- <sup>5</sup> Альтшуллер Марк. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 57–58.
- <sup>6</sup> См.: Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. Тверь, 2008.
- <sup>7</sup> Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 360.
- <sup>8</sup> См.: Дмитриева М. А. Братья Ширинские-Шихматовы и архимандрит Фотий // Христианство и русская литература: сб. второй. СПб., 1996. С. 90-107.
- <sup>9</sup> Стихотворение «Возвращение в отечество любезного моего брата» С. А. Ширинского-Шихматова цитирую по книге: Поэты 1790–1810-х годов / вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; подгот. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и М.Ю. Лотмана. Л., 1971. С. 512–518.



*МИХЕЕВА Ольга Васильевна,  
кандидат филологических наук,  
доцент кафедры развития образования  
Марийского института образования,  
доцент кафедры русской и зарубежной литературы  
Марийского государственного университета*

### **Комментарий как основа творческого осмысления и создания текста сочинения ЕГЭ по русскому языку**

Сочинение-рассуждение до настоящего времени остается одним из самых трудных заданий единого государственного экзамена по русскому языку. Опыт эксперта по проверке сочинений дает основания для оптимистических прогнозов результатов итоговой аттестации выпускников. Мы, к счастью, уже не видим пустых листов там, где должна быть творческая работа. Почти все учащиеся научились определять **проблему** сочинения, без труда находят и **авторскую позицию**. Отдавая должное почти героическим усилиям учителей-предметников, надо отметить и то, что в последние два-три года очень многие наши одиннадцатиклассники приводят неплохие **аргументы** для подкрепления своей **собственной позиции** согласия или несогласия с авторской. При этом важно отметить, что учащиеся стараются привести не один, а **два аргумента из художественной или публицистической литературы**, пытаюсь более или менее подробно **обосновать** их. Безусловно, над этой частью композиции сочинения еще нужно много работать и учителям-словесникам, и учащимся. Недочетов и неточностей, явных ошибок по-прежнему — огромное количество.

Но, как показывают практика проверки сочинений, работа с учащимися на спецкурсах, занятия с учителями русского языка и литературы на курсах повышения квалификации, самым «острым» и спорным моментом в подготовке к написанию сочинения-рассуждения до сих пор остается **комментарий к проблеме** текста. Выпускники

нашей республики из года в год практически не комментируют или не достаточно полно комментируют проблему текста. Вполне понятно, почему этот критерий оценки сочинения-рассуждения «не выдерживается» учащимися при написании сочинения на ЕГЭ.

Прежде всего, комментировать проблему будущему абитуриенту гораздо сложнее, чем найти идею или понять авторскую позицию в том или ином тексте. Тема, идея или проблема — это нечто конкретное, понятное. Эти термины известны школьнику с 5-7 класса. А комментарий, по признанию самих учащихся, — это нечто не совсем конкретное, требующее не однозначного и короткого ответа, а целого рассуждения, почти отдельного фрагмента (или даже двух) сочинения. С комментарием нынешних выпускников почти не знакомили в основной школе. У ребят не было поначалу ни понимания смысла термина *комментарий*, ни опыта комментирования какой-либо проблемы, высказывания или текста в целом.

Кроме того, долгое время в распоряжении учащихся не было отдельного учебно-методического пособия по написанию сочинения-рассуждения, где бы подробно разъяснялось понятие *комментарий*, указывались виды комментария и т.д. Такое пособие Н.А. Сениной и А.Г. Нарушевича «Русский язык. Сочинение на ЕГЭ. Курс интенсивной подготовки» появилось в 2010 году (издательство «Легион», Ростов-на-Дону). В имеющихся же пособиях и справочниках по подготовке к части «С» (сочинение) комментарий к проблеме трактовался противоречиво и неполно. В числе причин недочетов учащихся по комментированию проблемы текста можно назвать и ту, что иногда сами учителя-словесники не совсем верно понимали и объясняли смысл понятия *комментарий*, подменяя его понятиями *тема, идея, авторский замысел* и т.д.

Наконец, самое главное: комментарий к проблеме текста — это основа творческого осмысления, переработки и создания нового текста. Умение создавать устные и письменные тексты разных типов и стилей речи, разных жан-

ров, свободно и правильно излагая свои мысли, — одна из главных составляющих коммуникативной компетенции системно-деятельностного подхода в новой образовательной парадигме ФГОС, когда важны уже не знания сами по себе, а умение применять их на практике. Поэтому так важно при подготовке к сочинению научить выпускников комментировать главную проблему текста.

«Комментарий, — читаем в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, — это **рассуждения**, пояснительные и критические замечания о чем-нибудь»<sup>1</sup>. В самом деле, комментарий — это пояснение, разъяснение, развитие мысли автора, это именно **рассуждение**, то есть свои собственные мысли, изложенные в логической последовательности по какой-либо проблеме текста. Комментарий должен связать проблему текста с авторской позицией, о которой ученик будет говорить в конце сочинения.

Обратимся к структуре сочинения. После небольшого вступления (1-2 предложения) и определения проблемы текста переходим к анализу-комментарию его. Но прежде чем комментировать текст, мы должны знать, **что именно** будем комментировать. Для этого условно делим текст на две части. Коротко (1-2 предложения) пересказываем содержание первой части, а потом комментируем его (3-5 предложений). При этом обязательно **комментарий должен быть больше по объему**, чем пересказ. Выводим своеобразную «формулу»: А. (анализ) = П. (пересказ, 1-2 предложения) + К. (комментарий, 3-5 предложений). Часто учащиеся спецкурсов спрашивают о том, какова должна быть «структура» комментария? Объясняю, что у каждого она должна быть своя, это и есть ваше творчество. Тем не менее, многие старшеклассники теряются и не знают, по их словам, «с чего начать и чем закончить» свой комментарий. Вывожу для слабоуспевающих учащихся еще одну «формулу»: К. (комментарий) = Т. (теория) + П. (практика). «Теория» — это «абстрактные» рассуждения по поводу какой-либо мысли текста. А «практика» — пример из жизни, кинофильмов, спектаклей, книг и т.д. Два

предложения — «теоретические» рассуждения, два предложения — пример из практической жизни. Вот и получается более или менее приемлемый комментарий. По признанию многих учителей русского языка и литературы, слушателей моих курсов повышения квалификации, даже самые слабоуспевающие ученики пишут по такому шаблону сочинения на ЕГЭ на довольно-таки высокую оценку.

Возьмем для примера текст известного литературоведа и писательницы М. Чудаковой.

(1) А что это вообще такое — милосердие?

(2) Знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный ещё в позапрошлом веке Владимиром Ивановичем Далем, поясняет: «сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому; жалостливость, мягкосердость».

(3) Тут важно, что имеются в виду не просто вздохи и восклицания, а любовь на деле, готовность к помощи страдающим. (4) Недаром в России до Октябрьской революции 1917 года называли не медсестра, а — сестра милосердия. (5) А раненые солдаты чаще обращались — сестричка! (6) Потому что без милосердия в душе нечего и браться ухаживать за больными.

(7) Милосердие — умение почувствовать боль другого человека, физическую или душевную, как свою. (8) Вообще-то такое свойство — дар, то есть — не всякому дано. (9) На самом-то деле милосердие дано любому, только у некоторых может всю жизнь находиться в спячке, где-то в самом далёком чулане сознания. (10) И человек так и живёт себе, вообще не замечая других людей, их чувств, горестей. (11) Или думая: «Мне-то какое дело, что ему плохо! (12) Мне от этого ни жарко — ни холодно!» (13) Пока однажды не прохватит такого бесчувственного жаром или холодом до самых костей — и тогда он вдруг поймёт, что к чему...

(14) Буквально любой человек может не чувствовать, не чувствовать — и вдруг в один прекрасный момент очень

даже почувствовать! (15) Ему вдруг станет кого-то очень жалко и захочется помочь.

(16) Перечитывайте Пушкина! (17) Сегодня многие терпеть не могут, чтобы их учили, то есть поучали. (18) Чтобы их воспитывали.

(19) Пушкин никого не учил. (20) А вот воспитывает он нас или нет?

(21) Повести Пушкина, например, дотягиваются до наших дней в первую голову мыслью о родителях, да и о дедушках-бабушках. (22) О тех, которых во все времена многие молодые плохо понимают и, главное, не стараются понять, привычно считая «стариков», «предков» отставшими от современных запросов и скучными.

(23) Вы имеете право устраивать жизнь, как вам нравится, выбирать по вкусу друзей, возлюбленных, места для жизни, платья и украшения. (24) Но чтобы быть полноценным человеком, должны помнить о тех, кто слабее, кто одинок, кому больно. (25) Нельзя не задумываться о той боли, которую можем причинить мы — молодые, сильные, идя вперёд и вверх; не задумываться над тем, не были ли мы глухи к страданиям того, кто рядом? (26) Для кого в нас именно — смысл и возможная (иногда из-за нас уже утерянная) хотя бы скудная радость жизни?

(27) Поэт дает нам понять, что трудно примирить, согласовать интересы и устремления разных людей, в том числе разных по возрасту, образованию, по доходам и возможностям. (28) Но думать о том, как это сделать, — необходимо. (29) Всегда. (30) Во все времена. (31) И уж во всяком случае, учиться с отроческих лет понимать другого, его чувства — как бы ни были мы погружены в собственные эмоции и заботы. (32) И как бы ни вбили себе в голову в один отнюдь не прекрасный день сомнительный афоризм, издавна не раз мною слышанный: «Я никому ничего не должен!»

(33) Необходимость видеть вокруг себя кого-то ещё, необходимость и умение сочувствовать — качество, без

которого не обойтись в становлении личности. (34) Если только не решили обойтись без самого становления.

(35) Так учит всё-таки Пушкин или это что-то другое?

(36) Он сам об этом сказал, и каждый москвич, равно как и приезжий, может прочитать эти слова на его памятнике:

(37) И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал... (38) «Пробуждал» — не призывал, не воспитывал... (39) Знал, что эти чувства дремлют едва ли не в каждом человеке, — только надо пробудить.

Приведем пример комментария проблемы текста М. Чудаковой из сочинения ученицы «СОШ № 15 г. Йошкар-Ола» Набиуллиной Наиля: «Одна из главных проблем данного текста — проблема милосердия. В начале своей статьи М. Чудакова рассуждает о том, что милосердием как драгоценнейшим свойством души каждый человек наделен с самого рождения. Но у кого-то этот дар проявляется сразу, а у кого-то только под конец жизни. (Пересказ — 2 предложения). Действительно, сострадание, жалость и милосердие — главные составляющие души человека. Человек же, не обладающий этими качествами, губит самых своих близких и родных людей. Его жизнь бывает наполнена бессмысленной суетой и губящими душу страстями. (Комментарий 1 части. «Теория» — рассуждение). Наиболее ярким подтверждением вышесказанного является образ Иудушки Головлева из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Он не помог собственному сыну, который проиграл большую сумму казенных денег, отправил своего новорожденного наследника в приют для сирот, безжалостно расправился с братьями и матерью. («Практика» — пример из книги. Закончен комментарий первой части текста М. Чудаковой.)

Далее писательница размышляет о том, что повести А.С. Пушкина заставляют задуматься о нашем отношении к родителям, бабушкам и дедушкам. Поэт дает нам понять, что трудно примирить, согласовать интересы и устремления разных людей, но думать о том, как это сделать, — не-

обходимо. (Пересказ — 2 предложения). В самом деле, мы должны уважать и почитать родителей, поддерживать их в трудную минуту. Мы в неоплатном долгу перед ними, им обязаны всем в своей жизни. (Комментарий 2 части. «Теория»). Страшно совершить такой опрометчивый поступок, какой совершила героиня повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель». Дуня, единственная дочь станционного смотрителя Самсона Вырина, уезжает с молодым гусаром в Санкт-Петербург, бросив отца. Она забыла о главном: человек, предавший своих родителей, никогда не будет счастлив. («Практика». Закончен комментарий всего текста). Далее определяется авторская позиция, обосновывается своя собственная позиция с привлечением двух аргументов из художественной или публицистической литературы и делается вывод об актуальности проблемы текста.

Ни в коей мере не считая данную методику комментирования текста бесспорной, тем не менее, думаю, что она вполне может быть использована в подготовке учащихся к ЕГЭ по русскому языку при выполнении части «С» (сочинение). Методика «апробирована» не только моей собственной практикой ведения спецкурсов, но практикой многих учителей русского языка и литературы, слушателей моих курсов повышения квалификации.

### Примечания

<sup>1</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 264.

*ФЕДОСЕЕВА Надежда Александровна,  
кандидат филологических наук,  
зав. отделом литературы МарНИИЯЛИ*

### **Православная проповедь на марийском языке в начале XX века**

В религиозно-христианской переводной литературе особый пласт занимают проповеди, поучения и беседы, в которых разъясняются основы православной веры и нормы христианской жизни<sup>1</sup>.

Православная проповедь характеризуется как риторическое произведение религиозного или нравственно-этического характера. Одна из главных ее задач — воздействие на аудиторию; в этом проявляется ее отличительное свойство среди других текстов. Она отличается структурой, стилем и содержанием повествования. По М.М. Тарееву, проповедь обычно выражается в трех формах — беседе, поучении и слове; последнее является художественно-ораторской формой<sup>2</sup>.

В начале XX века на марийском языке было издано более двадцати проповедей. По жанровым особенностям их можно разделить на следующие группы: поучения и наставления; послания; беседы и письма. Среди таких изданий большое количество занимают поучения. Они написаны на день какого-либо христианского праздника, об укрощении страстей, о богоугодной жизни и т.п.

«Главная особенность проповеди заключается в ее тематическом двуединстве. Проповедь одновременно содержит в себе предметную тему целого текста (отражение реального события, значимого для аудитории в религиозном контексте) и духовную (концептуальную) тему (реализацию сути христианского вероучения на базе лексемы Бог и наименования нравственных понятий христианства: вера, надежда, любовь, свет, спасение, милосердие, грех, покаяние и др.). В тексте проповеди они сопряжены иерархически: с помощью предметной темы автор



подводит своего слушателя к сути текста — его духовной теме»<sup>3</sup>.

Предметная тематика может быть разнохарактерной. В исследованиях отмечены предметно-сакральная, ситуативная, профанная темы<sup>4</sup>.

Предметно-сакральная тема связана с реальными событиями и историческими лицами. Ее основу составляет Священное Писание, на которое обычно ссылается проповедник.

Иногда тема проповеди может отражать предмет проповеди и свою цель. Обычно это связано с каким-нибудь церковным событием. Соответственно такая предметная тема называется ситуативной. Например, «Поучение в день Успения Пресвятой Богородицы» (1905). Текст начинается с обозначения ситуативной темы и названием христианского двенадцатого праздника Успения Пресвятой Богородицы, времени и действия: «*Тачэ мэ Юмын Абан колымыжым шарнэн пайрамым ыштэна*»<sup>5</sup> (Сегодня мы празднуем успение Божией Матери — здесь и далее перевод наш. — Н.Ф.).

В беседе автор обращается не только к адресату, но и подчеркивает свое единство с адресатом: «*Тачэ мэ Юмын Абан колымыжым шарнен пайрамым ыштэна*» («Сегодня мы празднуем день смерти Божией Матери»); «*Мланнат шкэ колышы роды шамычнам мондаш ок-күл*» («И нам не надо забывать о своих умерших родственниках»). В своих обращениях автор отмечает принадлежность своих читателей (слушателей) к своему приходу (к самому себе как пастырю): «*Йёратымэ шүмбэл шамычэм!*» («Любимые мои братья!»), но в то же время обращается не в повелительной форме, а в форме просьбы: «*Мланнат шкэ колышы роды шамычнам мондаш ок-күл: колыменгышт сайын Юмылан кумалын тойаш кулеш, колымышт лэч вара: кумышы, индеш-шы, колы, ныллу кэчыштыжы, чэркыш погынэн, нунын вэрчын вүрдымы жэртвам пуэн, Юмын сөбалаш күлэши*»<sup>6</sup> («И нам не надо забывать о своих умерших родственниках: после смерти надо похоронить с молитвой к Богу; на

третий, девятый, двадцатый, сороковой день надо идти в церковь, отдав за них бескровную жертву [приношения в храм — прим. ред.], надо помолиться Богу»).

В этот же ряд можно включить поучение-проповедь «Оставьте почитание кереметей» на черемисском языке (1913) священника П.П. Глезденева<sup>7</sup>, который подошел к решению вопроса с исследовательской стороны. Он обращается к читателю во множественном числе и говорит о принадлежности своих адресатов, но в то же время переходит на единственное число — «это специальный прием проповедника — как бы обращение к каждому новокрещенному индивидуально»<sup>8</sup>. «*Мэмнан мари калыкын йылмышкыжы вес калык-шамычын шомакшы пэш шуку пурэн. Шкэ шоналтэн ончыза... Родэм, тугайы тушман (осал) мўндырны шолгыжы; кочкат, йўат, пашам ыштэт, ик Юмым гына шоны*»<sup>9</sup> («В язык нашего марийского народа вошло много слов из языков других народов. Сами подумайте... Родной мой, такой враг (зло) пусть далеко стоит, ешь, пьешь, работаешь — только об одном Боге думай»).

Автор обращается к событиям современной ему жизни, так как ему надо обратить внимание своих читателей на их религиозный образ жизни. В данном случае на первый план выступает профанная тема<sup>10</sup>. Соответственно, текст содержит в себе реалии окружающей среды: мари калыкын йылме — язык марийского народа; *болгар, хозар, чуаш, персы, араб дэнэ торгаен улыт* — торговали с болгарами, хазарами, чувашами, персами, арабами; *кэрэмэт* и др. Таким образом, профанная тематика помогает автору сблизиться с аудиторией и несет на себе основную смысловую нагрузку, то есть номинант МЫ в данном случае наиболее употребителен, а номинанты Я, ТЫ, СЕБЯ — единичны.

В начале проповеди автор рассказывает о соседстве народа мари с другими этносами, обращает внимание на заимствованные слова в марийском языке. Особый интерес он проявляет к трем словам: *кэрэмет* (злой дух), *пэркэ* (спорость, обилие), *ысмыла* (с Богом), и дает им объяс-

нение, а также разъясняет, как эти слова звучат на чувашском, татарском, арабском языках. Проповедник свое внимание останавливает на слове *кэрэмэт*. Далее П. Глезденев в качестве примера приводит две легенды. В первой рассказывается о том, как появился керемет у чувашей, во втором — у марийцев. В этих легендах есть схожие мотивы: керемет привязывается к женщине; и пока та не выполнит его условия, может ее наказать. Так, начиная с блинов, утки и заканчивая коровой и лошадью, керемет все съедает. Таким образом автор подводит своего слушателя к выводу и использует концовку сказки: «*Чын — тыгак лимыжым рашак ом шинчы: ала тыгак лын, ала тыгз огыл; тыды «манэш мут»; а кэрэмэтым, тэ шкак шинчэ-да. Туды ушкалэтымат, имньэтымат кочкэши, шкэндымат йомдара*»<sup>11</sup> (Правда, так ли это было — точно не знаю: может, так и было; может, не так было — это «сплетни»; а злого духа вы и так знаете. Он и корову, и коня съест, и тебя погубит»). И чтобы закрепить сказанное, он говорит о едином Создателе — Боге, Который управляет всем и всеми.

В данной проповеди наблюдается прием «текст в тексте», то есть сознательное введение автором чужого текста, в данном случае, фольклорного материала, который служит литературной реминисценцией.

П. Глезденев написал данный труд для марийского народа, тщательно подойдя к отбору материала и буквально продумав каждое слово. Он руководствовался знанием народной жизни: в данном случае не только марийского, но и соседних этносов. Автор уделит внимание историко-этнографическим и фольклорным материалам. Он использовал их, чтобы донести информацию до сознания народа. И как отмечает И.Е. Иванова, «проповедь для народа призвана была если не разрушить, то поколебать мифологические основы мирозерцания значительной части этносоциума. В каждом высказывании этого жанра содержится явная и скрытая апелляция к мифологическому прошлому адресата, противостоящего утверждению

в его сознании православных мировоззренческих ценностей»<sup>12</sup>.

Конечно же, Церковь стремилась искоренить из народного сознания языческие представления и заменить их христианскими, поэтому в тексте содержится четкая концепция автора-священника. Он является посредником между Богом и паствой, считает своим долгом донести до слушателей евангельскую истину.

В 1914 году выходит брошюра «Таинство причащения на черемисском языке», где объясняется мироздание, грехопадение; говорится, почему Бог изгнал первых людей из рая и как Иисус пришел спасти человечество. Автор поясняет, как Сын Божий установил таинство Причащения, и цитирует слова из Нового Завета, которые употребляются во время Божественной литургии: «*Налза, кочса, тиды Мыйын капэм, тэмдан сулыкда, молы калыкын сулыкышт вэрчын пудыртымы*»; «*Налза, йўза, тиды Мыйын вўрем, вўрэм тэмданат, молы калык верчынат йоктармы, манным*»<sup>13</sup> — «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов» и «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов». Затем рассказ плавно переходит о чудесах, которые наблюдались во время причастия. Составителем примеры взяты из книги Г.М. Дьяченко «Уроки и примеры христианской жизни». Закрепляя сказанное, автор вновь приводит слова Иисуса Христа о том, что причастившийся очищается от зла и пребывает в Боге: «*Мыйын капем кочшы, Мыйын вўрем йяшы Мый дэнэм ліш. Мыйат тудын дэны ліам*»<sup>14</sup> — «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6: 56). Эти цитаты из Евангелия в тексте повторяются несколько раз. Такой стилистический прием помогает фиксировать внимание читателя, и тем самым усиливается роль этих стихов из Священного Писания. Таким образом, автор доводит до читателя намеченную цель: причащающийся человек пребывает в Боге, очищается от грехов. В конце поучения он дела-

ет вывод: непричащающиеся люди сами закрывают свой путь в рай.

«Поучение перед святым причащением» священника с. Кузнецово Царевокошайского уезда (ныне — Медведевский район Республики Марий Эл) Михаила Сидорова, сказанное в Великий пост, продолжает эту тему. Оно было напечатано в 1916 году. Автор начинает с толкования, кто такие православные христиане и задает вопрос, почему они причащаются Телом и Кровью Христовой. Главная цель христиан — приготовление к вечной блаженной жизни после смерти. Священник разъясняет, какой образ жизни надо вести, чтобы попасть в рай: для этого нужно поститься, причащаться, каяться в грехах, любить Бога и исполнять Его заповеди.

Как один из литературоведческих приемов в тексте встречаются реминисценции: священник М. Сидоров сознательно и намеренно включает выдержки из Нового Завета, а именно слова Иисуса Христа: «*Мыйын Капэм кочшы, Мыйын Вүрэм подылышы Мыйын көргыштем лиеш, Мый тудын көргыштыжы лам*»<sup>15</sup> — «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем (Ин. 6: 56); «*Мыйын Капэм кочшы, Мыйын Вүрэм подылышы курымэш ила*»<sup>16</sup> — «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную» (Ин. 6: 54). Ведь само поучение посвящено одному из главных таинств христианской жизни — причащению. «Верующий под видом хлеба и вина принимает (вкушает) самое Тело и Кровь Господа Иисуса Христа и через это таинственно соединяется со Христом и делается причастником вечной жизни»<sup>17</sup>.

Кроме поучительных наставлений священник включил обличения своих прихожан: «*Юмын шүдымы семын ода ышты: чылажы чэркыш ода кошт, үжмы мэңгы ижы толыда; чылажы сулыкдам ода касары; пүтым ода кучы: 100-шты 2 — 3-шты вэлы пүтым кучат, молыжы пүты годымат шылым, шөр-торыкым кочкыт. Тугэ сай огыл, шальым-шамыч*»<sup>18</sup> — «Вы поступаете не по Божиим заповедям: не все ходите в церковь, только позванные — приходите; не все

каетесь в своих грехах; пост не соблюдаете: из 100 только 2-3 постятся, остальные и в пост мясо, молочные продукты вкушают. Так это нехорошо, братья». Поучение заканчивается молитвой перед святым причастием, чтобы Господь простил грехи и сделал достойным принятия Святых Таин.

В начале XX века были опубликованы послания для марийского населения архиереев Русской Православной Церкви. Первое послание было написано архиепископом Казанским и Свияжским Никанором<sup>19</sup>, книга издана в Казани в 1911 году. Свое послание владыка начинает с поучения о Боге как Творце, кратко объясняет историю Священного Писания. Для вразумления новокрещенных марийцев он включил в текст обличение о несоблюдении постов, продолжении приношения жертвы кереметям, продолжении греховной жизни. Архиепископ Никанор говорит о своем послушании перед императором, то есть о возложении государем Николаем Александровичем и Святейшим Синодом на архиерея обязанностей — по отечески заботиться о душах марийцев. Он призывает к покаянию и приводит слова Бога, которые Он говорил пророку Моисею, — о послушании и исполнении заповедей Божьих; в противном же случае ослушников постигнет проклятие.

«Письмо Преосвященнейшаго Андрея язычникам черемисам Уфимской епархии» издано в 1915 году на восточном наречии черемисского языка. Архипастырь обращается к марийцам, соблюдающим Авраамову веру. Что же из себя представляет Аврамова вера? Не оскорбляя марийцев, придерживавшихся язычества, автор письма прибегает к образу ветхозаветного пророка Авраама, когда в жертву Богу приносили агнца. Содержание текста связано с этим пророком. Преосвященнейший Андрей<sup>20</sup>, чтобы читатель не обиделся, в очень мягкой форме учит, что учение Христа состоит в любви к ближнему.

Доказывая эту любовь, архипастырь сам с уважением и любовью относится к марийскому народу; в тексте он не раз говорит о своей любви к марийцам: «*минь-*

*ат тэндам, Араам вЪрашты ййлэна манишы маривлакым, изьам-шольым-влак, акам-шужарэм-влак манын шонэн, тэндан дэнэ йӱратэн ойлымэм шуэш»<sup>21</sup> — «мои братия и сестры, вы, марийцы, которые говорят, что живут авраамовой верой, хочу с вами разговаривать с любовью»; «Эй, йӱратымы шямбэл родэм-влак» — «Мои родные любимые братья». Автор пишет о своей встрече с десятью тысячами марийцев, соблюдающими Авраамову веру. Искренне, с открытой душой встретили своего Преосвященного жителя его епархии, о чем он откровенно говорит: «*Минь Ёпы губэрнашты лу тӱжэм дэч коч Авраам вЪрашты ылышы мариым ужсын, тудо-влак дэнэ куго уна лӱым; тудо-влак минь ваштарэшэм йӱратэн лэктын, миньым налын шкэдэкышт пуртэн, таза поро кӱмӱлышт-дэнэ миньым уна штен, минь дэнэм ойлышт»<sup>22</sup> — «В Уфимской губернии я видел десять тысяч марийцев, которые соблюдают Авраамову веру, я у них был большим гостем; они с любовью вышли ко мне навстречу, приглашали к себе домой, своим добрым расположением угощали, разговаривали со мной». Автор делится своими впечатлениями, чем приводит читателя в восхищение: «*Тудлэч вара миньынат кӱнӱлэм тэмы, тудо-влакым пэш чот йӱратышым, кизытат пэш йӱратэм»<sup>23</sup> — «После этого я воодушевился, я их очень сильно полюбил, и сейчас люблю». После таких слов архипастырь объясняет, почему он любит народ мари: «*Мари халык дэнэ шольыштмаш укэ, йумаш укэ; шкэ-влак пеш порын, йншыын ййлат, Кугы ош Кугыжам йӱратат, тотарганьэ кок-кум ватым огыт нал, ик ватышт дэнэ сэмьяштым йӱратэн, Йумо пӱйрымо воктэн, нуждам ужыт гынат, Куго Йумом моктэн ййлат. Тэвэ садын вэрчын минь мари халыкым йӱратэм, тудо-влак дэнэ ойлэм»<sup>24</sup> — «Среди марийского народа нет воровства, нет пьянства, сами живут очень смиренно, доброжелательно, любят Великого Государя; как у татар, нет у них двух-трех жен, живут в семье с одной женой в любви, даже если терпят нужду, хвалят Великого Бога. Вот поэтому я люблю марийцев, с ними общаюсь».****

Свое письмо архипастырь разделил на пять частей. Текст построен в форме вопросов и ответов. Задавая вопрос своим читателям, автор сам же и отвечает на него, объясняет суть проблемы. Таким образом достигается диалогичность между автором и читателем. Первая часть — вводная, где объясняется, что Бог есть Творец всего. Преосвященнейший Андрей пишет о своем желании поговорить с марийцами и сам предваряет, чтобы читатели проверили, правду ли он говорит. Во второй части он пишет о своей поездке к марийцам и любви к ним. Третья часть посвящена ветхозаветному пророку Аврааму и его образу жизни, его почитанию Бога, учению о том, что животных в жертву приносить нельзя. В четвертой части объясняется, что Богу ничего, кроме нашей души, не надо, что учение Иисуса Христа правильное. В пятой части также говорится о учении Христа, что русская вера есть вера в Иисуса Христа, правильная святая вера, что святой Николай не Бог, а своей праведной жизнью угодил Богу. Стилистические повторы, очерковость придают тексту письма публицистичность. В том же 1915 году письмо было переиздано под названием «Письмо любящего друга язычникам-черемисам Уфимской епархии».

«Начало мира, середина и конец его» — так называется поучение архиепископа Алтайского Макария<sup>25</sup> к язычникам. Оно состоит из трех бесед. Первая беседа по тематике разделена на шесть частей. Беседы построены в форме вопросов и ответов. Задав вопрос, владыка сам же и объясняет проблему, что придает тексту диалогичность. Свой разговор архиепископ Макарий начинает с объяснения того, что все этносы знают о сотворении мира Богом. Затем поясняется, кто такой Бог, где Он живет. В третьей части разъясняется, почему Бог сотворил мир. Божий суд — высшая мера суда; такова тема следующей части беседы. Пятая часть посвящена разговору о греховности человека. В последней части архиепископ Макарий рассказывает о том, что Бог послал Своего Сына для спасения рода человеческого и повелевает хвалить Бога. Вторая



беседа посвящена объяснению Троицы; в ней говорится о Сыне Божьем, пришедшем спасти мир, об апостолах и святых угодниках Божиих. Третья беседа повествует о втором пришествии Христа и Его Страшном Суде. В конце беседы архипастырь обращается к своим читателям, чтобы они покались в грехах, поверили в Иисуса Христа, исполняли Его заповеди.

Как видно, духовная тема в текстах проповедей на мариинском языке выражается через такие понятия, как *любовь, вера, милосердие* и др., которые являются основой христианского вероучения, а также и противоположными понятиями — *грех, злоба, нечистая сила* и т.д.

Исследователем Т. Ицковичем отмечено: «Предметная и духовная темы сопрягаются иерархически: главная цель проповедника — разъяснить прихожанам духовный смысл изложенных реальных событий; из этого следует главенство духовной темы. Важность предметных тем различна: предметно-сакральная тема, безусловно, наиболее значима содержательно, а профанная и ситуативная важны прагматически и организационно. Вся предметная тематика подчинена единой духовной теме, главной и обязательной в тексте любой проповеди, сквозной для текстотипа в целом»<sup>26</sup>.

Все эти признаки в текстах проповедей для мариинцев выражаются в той или иной степени. Предметно-сакральная тема, как обычно, занимает ведущее положение, а остальные проявляются при пояснении той или иной ситуации.

«Воззвание к православным черемисам» (1915) завершает серию изданий бесед и поучений. Если раньше мы отмечали, что к мариинцам обращались как к братьям, то в данной публикации — к чадам Православной Церкви. Автор призывает различать добро и зло, оставить кровавые жертвоприношения и другие языческие обычаи; почаще каяться в грехах и причащаться, встать на Христов путь и молиться Пресвятой Богородице, чтобы Она умолила Сына Своего помогать, а также молиться за остающихся

язычниками, чтобы Господь вывел их на путь истинный. Традиционно воззвание заканчивается молитвой к Богу.

Итак, рассмотрев письма, поучения, беседы, проповеди, можно отметить следующее: 1) в тексты их авторами сознательно включены цитаты из Священного Писания — главной книги христиан; 2) к той или иной теме проповеди подобраны сюжеты из житий святых как примеры благочестивой жизни; 3) для закрепления материала одна и та же мысль в тексте повторяется несколько раз; 4) для полноты раскрытия предметно-сакральной темы авторами сознательно вводится профанная тема.

### Примечания

<sup>1</sup> Практическая энциклопедия православного христианина. СПб., 2000.

<sup>2</sup> Тареев М.М. Внешняя сторона церковной проповеди в связи с вопросом: есть ли проповедь искусство // Богословный вестник. 1903. № 4. С. 682.

<sup>3</sup> Ипцкович Т. Православная проповедь как тип текста. Екатеринбург, 2007. С. 9.

<sup>4</sup> Там же. С. 9-11.

<sup>5</sup> Поучение в день Успения Пресвятой Богородицы. Казань, 1905. С. 1.

<sup>6</sup> Там же. С. 1, 2-3.

<sup>7</sup> Глезденев Павел Петрович (1867-1923) — уроженец д. Тумбагуш Белебеевского уезда Уфимской губернии (ныне Республика Башкортостан). Окончил Бирскую учительскую школу, Уфимскую Духовную семинарию. Был священником, готовил учебники, занимался переводами, совместно с В.М. Васильевым основал «Марла календарь», издавал газету «Война увер» («Военные вести») на трех языках — марийском, удмуртском, татарском.

<sup>8</sup> Ермилова Е.В. «Катехизические беседы на чувашском языке» В. Громова // <http://www.neeva.com>.

<sup>9</sup> Глезденев П.П. Оставьте почитание кереметей. Казань, 1913. С. 3, 8.

<sup>10</sup> Профанная тема не связана с религиозной, священной, она носит светский характер.

<sup>11</sup> Глезденев П.П. Указ. соч. С. 7.

<sup>12</sup> Иванова И.Е. Фольклор в системе журналистских жанров: мифосмыслы и мифотворчество (по материалам провинциальной — тверской — периодики XIX в.): автореф. ... докт. филолог. наук. Тверь, 2006. С. 24.

<sup>13</sup> Таинство причащения. Казань, 1914. С. 5.

<sup>14</sup> Там же. С. 12, 13.

<sup>15</sup> Поучение перед святым причащением. Казань, 1916. С. 2.

<sup>16</sup> Там же. С. 2.

<sup>17</sup> Закон Божий для семьи и школы / сост. протоиерей Серафим Слободской. Репринтное воспроизведение издания 1966 г. Джорджанвиль, 1987. С. 552.

<sup>18</sup> Поучение перед святым причащением. Казань, 1916. С. 3.

<sup>19</sup> Никанор (Каменский Никифор Тимофеевич (1847–1910) — архиепископ Казанский и Свяжский в 1908–1910 гг. Окончил Астраханскую духовную семинарию (1868), Казанскую Духовную академию (1874). Преподавал Закон Божий в Казанской учительской семинарии, был ректором Казанской Духовной семинарии. Известен как автор нравоучительных сочинений. Подробнее см.: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Никанор\\_\(Каменский\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Никанор_(Каменский)).

<sup>20</sup> Архиепископ Андрей (в миру Ухтомский Александр Алексеевич, 1872–1937, происходил из княжеской семьи), член Братства св. Гурия, архиепископ Уфимский и Мензелинский, миссионер, один из основателей катакомбного движения истинно православных христиан (ИПХ) в России. Подробнее см.: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Андрей\\_\(Ухтомский\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Андрей_(Ухтомский)).

<sup>21</sup> Письмо Преосвященнейшаго Андрея язычникам-черемисам Уфимской епархии на черемисском языке восточного наречия. Казань, 1915. С. 4.

<sup>22</sup> Там же. С. 5.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> Там же. С. 6.

<sup>25</sup> Макарий (в миру Михаил Андреевич Невский, 1835–1926), митрополит Алтайский. Окончил Тобольскую Духовную Семинарию (1854). С 1855 г. в Алтайской Духовной Миссии. В 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви прославлен в лике святых. Подробнее см.: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Макарий\\_\(Невский\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Макарий_(Невский)).

<sup>26</sup> Ицкович Т. Указ. соч. С. 12.

*МОЛЧАНОВА Надежда Фёдоровна,  
кандидат филологических наук,  
доцент кафедры русского и общего языкознания МарГУ*

### **Стилистические особенности речевого портрета матушки Ириней в повести С.Н. Дурылина «Сударь кот»**

Данная работа продолжает исследование темы «Речевой портрет матушки Ириней в повести С.Н. Дурылина «Сударь кот»»<sup>1</sup>. Объект настоящего лингвостилистического анализа — завершающая, третья часть произведения, в которой автор описывает зрелые годы героини (Ариши Подшиваловой — Ирины — инокини Ириней). Только через 4 года после отказа Ариши исполнить волю отца — выйти замуж за купеческого сына Петра Семипалова, — она поселяется в женском монастыре города Хлынова в келье, которую построил для дочери сам отец купец Подшивалов. До этого она целый год провела на монастырском хуторе, пройдя все необходимые послушания под строгим надзором старицы Марьи.

В монастыре игуменья отдаёт её под руководство 80-летней старицы матери Пафнутии, с которой Ариша стала жить в одной келье. Влияние наставницы на Аришу было огромным: впоследствии, заставляя келейниц что-либо делать, матушка Ириней или, как её называет автор повести, «бабушка» никогда не приказывала от своего лица, а всегда говорила: «Матушка Пафнутия, Царство ей Небесное, так нам, бывало, приказывала... и укажет, что делать: это и был весь её приказ»<sup>2</sup>.

И мать и отец Ариши ушли из жизни буквально вскоре после переселения дочери в монастырь. Незадолго до своей кончины Подшивалов все свои дела передал сыну Ивану, который «был осторожен, недоверчив, искателен и, поняв раз и навсегда, что всё, что положено и заведено отцом, — умно, прочно и пригодно, ничего никогда не переменял в деле, а только всё поддерживал» (С. 124). Автор повествования был одним из его сыновей, которых Иван воспитывал

достойно, с почтением и уважением к памяти родных и близких, в традициях **любви и веры** — двух главных жизненных сил любого человека, по мнению С.Н. Дурьлина.

Влияние матери Пафнутии на Аришу определило всю её дальнейшую жизнь. «Мать Пафнутия была крайняя бессребреница, и всё её учение было в том, чтобы по миру пройти а мира не задеть. «Места занимай на земле поменьше: в Царстве Небесном места прибавят, а кто здесь широк — там убавят; времени на земле также занимай поменьше: приучайся к небесному безвремению, а приучаться надо в церкви: оттоле небесное безвремяе уже и на земле начинается; людей почитай как ангелов: и с ангелами только в молитве беседу иноки ведут и сладкое общение имеют, тако и с людьми — тогда ещё на земле к ангельскому житию приучишься. Неприметного человека на земле и враг не приметит, а приметного — дьявол плечом толкнёт. Пост человека тончит: небесное при посте виднее, а земное туманнее; пост тончит, а молитва светлит, а смирение, крылья подвязав, к небу поднимает. На мирское зажмурь глаза и — не заметишь, как ангел за руку ведёт». А последнее её слово, аминьное, бывало: «Мир делами запружен: в миру-то жить — выть, а дело всего одно: с Богом быть, другого-то дела, обыщи весь мир — не найдёшь: всё безделье» (С. 124-125).

Первые реплики Ариши в новой монастырской жизни представлены в эпизодах, что случились после смерти отца. Они немногословны: ведь Ариша столько лет хранила молчание и под домашним арестом, и в келье матери Пафнутии.

«Игуменья сказала Арише:

— Пасху Господню не на земле, а где покрасней захотел встретить.

Оказалось, что прадед изредка хаживал к ней и беседовал, а плакавшей Арише она, призвав, сказала:

— Не плачь. Монахине о грехах плакать подобает. Отец твой был, знаешь кто? Дитя, в большом муже спрятанное и себя само прятавшее. А Господь в царстве Своём его детство обнаружит.

— Я виновата, — плакала Ариша, — я гневилась его много.

— Глупая, — улыбнулась тенью улыбки игуменя, — гнев на тебя его к Богу приблизил. Была у него жизнь, а с некоего времени — с какого не скажу — жизнь его к житию приближаться стала. Знаю.

От этого «знаю» повеяло на Аришу такую светлую силу, такую надежду, что она нашлась только низко поклониться игуменье и тут же с радостью сказала ей о конверте отцовском для неё» (С. 127).

После Пасхи старец Савватий служил панихиду по отцу, а отслужив, подал Арише по красному яичку в обеих руках:

— Христос воскрес! Одно тебе, а другое — отцу. Христосовалась ли с ним?

— Христосовалась» (там же).

Не прошло и года, как преставилась игуменя. С её смертью «ещё тише стала жизнь Ариши. Училась она прилежно у престарелой матери Пафнутии поменьше места на земле занимать и неприметней и тише проходить по земле, чтобы диавол плечом не коснулся.

В монашестве она была наречена Иринеей, и, нарекая её, старица сказала ей: «Была ты Ирина — мирная, а теперь будешь Иринеей — смирной». После пострига Иринаина мать Пафнутия прожила года полтора, и, похоронив её, мать Иринея почувствовала, что и келья стала просторна для неё. В этот год поступила к ней в келейницы Параскевушка. Тихий Ангел ещё ближе стал на стражу к ней» (С. 128).

Приведённые высказывания молодой монахини — это однословные реплики-ответы на вопросы собеседниц, — не случайно Дурьлин замечает: «Ангел Благого Молчания покрыл своими крылами её жизнь» (С. 125).

Годы жизни в монастыре протекали тихо. В матери Иринее «открылся дар умиленной молитвы — дар сердечной тишины. Многие стали искать её молитвы. Но тут-то и ждало её великое испытание» (С. 128).

Будучи уже в средних летах и пользуясь духовной почитательностью соживущих, Иринея «внезапно так возкор-

бела духом, подпала под такую истому тоски и уныния, что попустила ... возле себя бытие некоему духу смертному» (С. 129). Видимо, причиной этого была неизбежная печаль по ушедшим из жизни родителям, печаль по несостоявшемуся счастью с любимым человеком, с которым она не виделась уже много лет.

Бабушка, как пишет Дурьлин, призналась схимнице — её старице-научительнице, что куда она ни смотрит, что ни делает, всюду видит и слышит «некие неизменные, как бы запечатленные слова: «Тщетная в тщету соверших», — будто киноварью оттиснутые, — и слова эти относит к себе и монашескому своему деланию — и считает, что это приговор ей, свыше определённый и, быть может, лишь поздно ею услышанный» (С. 129).

Дурьлин так описывает происходившие с матерью Иринеёй события: «Горит в церкви перед иконою Богу свеча — поставила её баба на бабью свою, потом омоченную копейку, горит ярко перед Владычицей в сканой ризе, плачет горячими восковыми слезами, и слёзы жаркие текут по белому воску и капают на подсвечник — а бабушка смотрит и думает: «Тщета горит — и тщетно мерцанье: слёзы восковые слёз солёных не доходнее!» Играют дети маленькие возле монастырской ограды на лугу, строят домики из песку, из камешков, из щепок, из прутиков — бабушка подаёт им баранку, а сама думает: «Тщета не у них одних, у неразумных детей, строит, а и у нас: и наши здания — щепка да песок» ...

И не примечает того бабушка, что, от мала до велика, от полевого василька до тонкой восковой свечи перед иконою, порочит она своей «тщетою» весь мир Божий и всё дело Божьих рук, весь предмирный труд Господень, семидневный труд всех «времён и лет и всей твари», Богом поднятый, — всё объявляет она «тщетою», и выходит, что тщетно творение — тщетен труд творения, тщетен — страшно помыслить! — и Сам Творец!» (С. 129).

Следует напомнить лексическое значение этих устаревших слов *тщета*, *тщетный*:

«Тщета, -ы, ж. книжн. устар. Отсутствие смысла, ценности в чём-л., бесполезность, суетность, тщетность. *Тщета надежд. Тщета жизни...*»

«Тщетный, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно. Бесполезный, бесплодный, напрасный. *Тщетные усилия. Тщетная предосторожность...*»<sup>3</sup>.

Не вразумил мать Иринею и случай на богомолье после поздней Пасхи, когда она дала отповедь молодой женщине — безногому инвалиду с парализованными руками, лежавшей в повозке. Рядом с ней были и другие немощные калеки и убогие. Мать Иринея подала ей алтын и спросила, увидев, что ноги у неё были покрыты травой и цветами:

«— Кто ж это тебя всю сеном-то заворошил?»

— А добрый человек, — с улыбкою отвечала женщина.

— А ты и рада?

— Рада, — простодушно та отвечает. — От травы свежей с цветами дух такой сладкий идёт, будто я как здорова была, в лугах гуляю, — да и убожество моё закрывает: не так другим смрадно.

— Тщета это! — строго сказала бабушка. — Убожество от Бога — чего тут скрывать — и с жесточью прибавила: — А сено не человеку указано, а скотине... А ты на одре болезни лежа, суете вешней отдалась и тщете!

— Не суета это, — тихо возразила убогая, — это Бог тварь любит и вешней красой тешит и красит. У Бога нет ни суеты ни тщеты, — и отвернулась от бабушки, кликнула маленького мальчика, что при ней, при тележке, сидел, и велела ему в мошне отыскать бабушкин алтын и отдать ей его назад.

Бабушка не брала, а убогая настаивала:

— Ты другим подай. Мне Бог подаст. У меня всего много...

Но не вразумил бабушку и этот непринятый ею алтын» (С. 130-131).

Позднее с матушкой Иринеёй случилась беда — она слегла, худела день ото дня и была в таком унынии, истоме и отчаянии, что отказывалась от всякой помощи.



«Что было далее — трудно судить. Совершился перелом. Марьюшка-келейница просто объяснила его: «Смертный отошёл от неё» (С. 132).

Проснувшись однажды утром, она попросила нарвать цветов, какие есть, и принести в келью. А в это время внесли к ней клетку со скворцом, которую раньше она приказала убрать, а скворец, всколыхнувшись, громко сказал: «Спаси, Господи!» Это был заветный скворец, начувшийся от монаха-хозяина этому присловью.

Слова скворца, которые птица повторяла неоднократно каждый день, и оживили матушку Иринею, а келейницы говорили, что скворец «смертного» выгнал от бабушки, а бабушку оборонил. Таким чудом, как пишет Дурылин, «Тихий Ангел, — отходивший от неё не без Божьей воли, чтоб испытать её и утвердить в пути её, — вновь и ещё ближе подошёл к ней и уж не отходил никогда, — и, на удивление всем, стала после того бабушка живее, разговорчивее, веселее, чем была дотеле» (С. 133). Так кончилось это искушение матери Ирины. В этом жизненном испытании Ирины, во всём, что с ней случилось, по словам келейницы Марьюшки, «видно «многообразное человеков управление» от «изводящего всяческая Бога и времена изменяющего» (канон Индикту, песнь 8, тропарь 3» (С. 128). И, как пишет Дурылин, с годами матушка Иринея стала больше улыбаться и не смыкать свои уста строгим и крепким молчанием. Вместе с тем она приобрела заметную склонность к детям, сочувствие к их веселью, к птицам и всякой твари.

Дурылин, рисуя события, связанные с искушением матушки Ирины, умело находит языковые средства, используемые в репликах героини в эпизодах, связанных с диалогами Ирины с её собеседниками. Очень часто это строгие императивные формы глаголов. В диалогах с послушницами, которые стали петь в лугах, Иринея строго говорит: «Замолчите! Без вас певицы есть и не молчат!» — она указала на птиц.

А жаворонки пели в воздухе, перепела плескались во ржах. Одна из послушниц молвила ей на это:

— А как же, матушка Иринея, поётся: Всякое дыхание да хвалит Господа.

— Дыхание пусть и хвалит дыханием, — отвечала бабушка. — А ты молитве учёна, не во ржах живёшь, а в монастыре — нечего с птицами равняться! Птицам гнёзда вить, а тебе свита навек и чёрной крышей покрыта.

Или скажут ей молодые послушницы: «Матушка Иринея! Какой день-то сегодняшний! Солнце в игру ступает! Светло-то как!» — а она ответит: «А в земле-то как темно да черно!» — и отщётит всю их радость» (С. 130). В этой фразе уникален дурылинский окказиональный глагол **отщётит**.

На наш взгляд, эпизоды «искушения» матушки Ириней в общем контексте повествования очень поучительны как для самой героини, так и для вдумчивых читателей: нельзя считать нашу жизнь бесплодным существованием — надо **жить в вере и любви ко всему живому, что ни есть на Земле**. Без этих общечеловеческих ценностей нет и не может быть настоящей жизни. Дальнейшие события, произошедшие с матушкой Иринеей и прежде всего связанные с котом Васькой — «Сударем котом», как любовно называет его Дурылин, касаются её последних встреч с Петром Ручкиным — тем человеком, которого Иринея любила всю свою жизнь. Эти события накладывают свой неповторимый отпечаток на всю последующую судьбу героини повести, и они, безусловно, связаны с особенностями её речевой манеры, речевого поведения. Это — тема нашего дальнейшего исследования.

### Примечания

<sup>1</sup> См. наши публикации в сборниках «Христианское просвещение и русская культура» 2009, 2010, 2011, 2012 годов.

<sup>2</sup> Дурылин С.Н. Сударь кот // «Москва». 2009. № 3. С. 124. Далее в тексте статьи ссылки сопровождаются указанием номера страницы в этом журнале.

<sup>3</sup> Словарь русского языка в 4 томах / под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 3. Т. 4. М., 1988. С. 431.

*ЖУКОВА Ирина Анатольевна,  
преподаватель русского языка и литературы  
Йошкар-Олинского строительного техникума*

### **Образ христианской семьи в творчестве**

**М.Ю. Лермонтова**

(«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого  
опричника и удалого купца Калашникова»)

Лермонтов, как его назвал Н.А. Бердяев, — «самый *религиозный* из русских поэтов». Христианские мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова — это очень глубокая и многогранная тема. Она включает в себя религиозные, библейские мотивы, богоборческую и демоническую темы. Большой интерес представляют религиозно-нравственные устои Лермонтова, так как через них можно понять его творческую самобытность, внутренний мир, выявить нравственные принципы. «Душа русского народа, — в представлении И.А. Ильина, — всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте»<sup>1</sup>. У Лермонтова была типичной дорога к Богу, не лишённая ошибок, но твёрдая и неколебимая. Русское самосознание, впитавшее в себя православную веру, стало духовным стержнем и нравственным смыслом его художественных творений.

Огромное внимание Лермонтов уделял Библии. Истоки православия Лермонтова уводят к его Малой Родине, где прошли юные годы, в бабушкин дом, в комнатах которого находились иконы, к домово́й церкви, выстроенной в память о его рано умершей матушке. Мотивы Православия у него проявляются в нескольких аспектах: 1) как вдумчивое осмысление молитвословных дум лирического героя православного исповедания — «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный»), «Молитва» («Я, Матьер Божия, нынче с молитвою»), «Молитва» («В минуту жизни трудную»); 2) как поэтическое воплощение в произведениях о звёздном мироздании, и о человеке — образе и подобии Бо-

жем («Азраил», восемь редакций «Демона», лирические произведения); 3) в форме художественного истолкования сюжетов Ветхого Завета и Нового Завета — Апокалипсиса (эпиграф к поэме «Мцыри», поэма «Демон», отдельные главы поэмы «Боярин Орша», «Три пальмы»).

Происходит это потому, что генетически менталитет русского человека в основе своей меняется незначительно, хотя сама жизнь становится политически, экономически, эстетически в каждый исторический период другой. Потому-то и в XX веке россиянам дороги идеалы, выраженные в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Дороги потому, что в них выявлены духовные стороны русской жизни.

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» — уникальное произведение Лермонтова и всей русской литературы. Оно по праву считается шедевром русской национальной классики.

Это произведение М.Ю. Лермонтов написал в 1837 году на Кавказе. Рукопись была направлена А.А. Краевскому для публикации, однако цензура не разрешила печатать сочинение опального поэта, и только благодаря хлопотам В.А. Жуковского поэма увидела свет, но без имени автора.

«Песня...» занимает особое место в творчестве поэта. Она интересна не только своей совершенной художественной формой, гениальной стилизацией, поэтикой фольклора и своеобразными синтаксическими конструкциями. В этом произведении Лермонтов явил свой опыт постижения сути народной жизни, национального идеала, исторически сформированного в глубинах *христианского* сознания.

В своем творчестве Лермонтов, как верный сын своего Отечества, продолжает утверждать высокие духовные ценности, воспевать красоту загадочной русской души, сила которой в тех деяниях и подвигах, «которые совершал и еще совершит русский человек, русский народ, как только поймет, ощутит сердцем и поверит в истину и справедливость»<sup>2</sup>.

Обратившись в поэме к эпохе царствования Иоанна Грозного, автор внимательно всматривается в глубину веков и отмечает исконно присущее русскому человеку правдолюбие и стремление «*постоять за Правду до последнего*».

«Песня...» и сегодня не оставляет равнодушными своих читателей: ощутимо «биение пульса» этой удивительной поэмы, волнительна встреча с её героями, внутренний мир которых свидетельствует, по выражению В.Г. Белинского, о «сокровеннейших и глубочайших тайниках» народного духа.

Лермонтову удалось воссоздать необыкновенно привлекательный, светлый образ древнерусской семьи Калашниковых.

Сам Степан Парамонович, «молодой купец», «статный молодец» не только исправно ведет своё дело; у него и в доме образцовый порядок: каждый вечер его встречает «молода жена» и «накрыт дубовый стол белой скатертью».

Немногочисленные, но характерные детали и бытовые подробности «Песни...» свидетельствуют о традиционном православном укладе жизни этой семьи, в которой сохраняются благочестивые обычаи предков, царит своеобразная культура древнерусского домостроительства, атмосфера священного домашнего очага. А горящая «свеча перед образом» символизирует *христианское* мироустройство семьи как малой церкви.

Велика в этом роль жены, хозяйки дома. Своим благоразумием, распорядительностью по хозяйству, попечением о детях, заботой о муже она делает свой дом источником добра, мира, счастья, успокоения, восстановления сил. Сюда, в свой «высокий дом» за Москву-реку устремляется каждый вечер Степан Парамонович после дневных забот и переживаний.

Образ Алены Дмитриевны восходит к библейскому идеалу добродетельной жены, жены-помощницы для мужа своего, цена которой, по слову премудрого Соломона, «выше жемчуга» (Притч. 30, 10).

Положение жены как любящего и преданного мужу человека назначено ей Самим Богом. «Жёны, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви», — пишет святой апостол Павел в послании к Ефесянам (5, 22-23). «Повиновение жены мужу в христианстве принимает высший характер, яко такое, которое вытекает из страха Божия и уравнивается с делами Богоугождения, прямо Самому Господу творимыми», — пишет святитель Феофан Затворник в своем толковании послания апостола Павла<sup>3</sup>. А святой Иоанн Златоуст об этом говорит так: «Сказавши: повинуйтесь, яко Господу — Апостол ... разумеет следующее: ... служите Господу»<sup>4</sup>.

Но чтобы осознать и исполнять своё назначение, жена должна вместить в своё сердце Христа Спасителя и Его святые заповеди, воплотить в своей жизни истины Евангелия, украсить свою душу нетленными добродетелями, служить «славою, венцом мужа своего» (Притч. 12, 4). Именно такой образ русской женщины удалось создать Лермонтову в своей поэме.

Уникальность образа Алены Дмитриевны — в гармоничном единстве внутренних достоинств и необыкновенной внешней привлекательности:

На святой Руси, нашей матушке,  
Не найти, не сыскать такой красавицы...

По мнению святых Отцов Церкви, внешность человека может одухотворяться внутренним огнем Веры, Надежды, Любви и свидетельствовать о чистоте души, о мирном устроении духа. Алена Дмитриевна, кроткая, целомудренная, благочестивая, действительно светит людям «как заря на небе Божиим».

Походка, взгляд, речь молодой женщины привлекли внимание царского опричника. Женская красота, совершенство внешних форм, как мы знаем из житийной и художественной литературы, может служить источником соблазна, провоцировать возникновение греховных помыслов и желаний, быть приманкой для низменных страстей.

Физически крепкий, «удалой боец», «буйный молодец», Кирибеевич лишен внутренней силы, способной победить зарождающийся в душе грех. Избалованный царской милостью, не привыкший терпеть поражение ни в битвах, ни в кулачных боях, он был побежден блудной страстью. Как разбойник, преследует опричник поздним вечером возвращающуюся из церкви Алену Дмитриевну с целью похитить то, что ему не принадлежит и принадлежать не может. Уповающий в своей жизни на власть, положение, богатство, он не жалеет при встрече с «красной красавицей» ни слов любезных, ни обещаний щедрых:

Хочешь золота или жемчугу?  
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?  
Как царицу я наряжу тебя,  
Станут все тебе завидовать ...

Предлагая своей возлюбленной «сокровища земные», Кирибеевич не ведает, что в сердце её сокрыты другие богатства, иные ценности: любовь к Богу и ближнему своему, верность святым обетам, в таинстве Брака данным, и страх Божий, то есть боязнь греха, который разрывает связь с Богом и лишает человека Его милости.

Иногда Господь попускает врагу рода человеческого — диаволу испытать человека, подвергнуть его искушению. «Искушением познаются истинные и верные рабы Божии и лицемеры, ... кому угождаем, себе ли в миру или Богу, чью волю более почитаем, свою или Божию», — пишет святитель Тихон Задонский<sup>5</sup>.

Все действия Алены Дмитриевны направлены на преодоление этого искушения, она, как истинно верующий человек, боясь оскорбить Бога, в буквальном смысле бежит от греха, подобно святым женам, знакомым нам по житийной литературе, которые предпочитали смерть греху прелюбодеяния. Видимо, заповедь о верности семейному союзу и хранении святости брака была записана в их сердцах «золотыми буквами»: «Вступившие в супружество должны друг друга любовь и верность хранить до конца

жития. Ни муж жены, ни жена мужа не должны оставлять до смерти, но, как обещались и согласились, неразлучно пребывать до кончины»<sup>6</sup>.

Лермонтов в своей поэме следует святоотеческой традиции, отразившей библейские наставления жене-христианке: «Обманчиво пригожество, ничтожна красота, а жена, боящаяся Господа, достойна похвалы» (Притч. 30, 30-31). «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Петр. 3, 3-4).

Интересно, что в древнерусской литературе почти не уделялось никакого внимания внешности человека; речь всегда шла о сокровенных, внутренних достоинствах. Так, в «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма не упоминается о красоте той простой девушки, которая исцелила неизлечимо больного князя и стала его женой. Постоянно говорится о её мудрости. Видимо, в древней Руси её ценили намного выше красоты телесной.

Униженная и оскорбленная на виду у «злых соседешек», Алена Дмитриевна была подвергнута гневному обличению супруга и глубоко страдала от его недоверия и подозрений, от «речей» его, «будто острый нож». Для неё, любящей и преданной жены, весь страх состоял в «немилости» мужа, своего «государя», освящавшего её жизнь, как «красно солнышко». Полная, откровенная, исповедальная искренность Алены Дмитриевны свидетельствует, что между ней и супругом нет и не может быть никакой тайны, потому что муж и жена — одно целое, «одна плоть» (Быт. 2, 24). Обидчик, опозорив жену, оскорбил и мужа, дерзнул покушаться на установленный Богом порядок. Грех всегда попирает правду: от эгоистических желаний избалованного человека колеблется честь и достоинство семьи.

Выслушав свою «верную жену», просящую о защите и помощи, и полностью ей доверяя, Калашников осознает, что в дом пришла «лиха беда»:



Опозорил семью нашу честную  
Злой опричник царский Кирибеевич!  
А такой обиды не стерпеть душе  
Да не вынести сердцу молодецкому.

Испытание, выпавшее на долю Калашниковых, обнаружило не только добродетели жены, но и открыло способности мужа «быть всесторонним попечителем и охранителем жены<sup>7</sup>, защитником святыни брака от поругания. «...да познаем врагов наших, и научимся противу их подвизаться. Брань то научает воина подвигу и крепчайшим делает...», — рассуждает святитель Тихон Задонский<sup>8</sup>.

Степан Парамонович, для которого настал час праведного гнева, быстро принимает решение:

Буду насмерть биться, до последних сил,  
За Святую правду-матушку.

Мстя опричнику Кирибеевичу, купец Калашников, прежде всего, выполняет просьбу Алены Дмитриевны и выступает защитником семьи и рода. Алёна Дмитриевна, обращаясь к мужу, вспоминает своих родственников, умерших и живых, доказывая, что ей больше не у кого просить помощи, как у родной семьи. Здесь Лермонтовым точно отражено средневековое сознание русского человека, хотя подобная ситуация не потеряла актуальности и в его время. Ведь Пушкин тоже защищал честь своей семьи, а не только свою личную.

Калашников следует национальным традициям, «заквашенным» на евангельских истинах: «приняв во всей строгости, что жены по образу повиновения Церкви Христу Господу должны повиноваться мужам во всем, должно принять во всей строгости и обязательную для мужей любовь — в мере любви Христа Господа к Церкви. Но Господь предал Себя за Церковь, следовательно, и «мужья должны простирать свою любовь к женам до готовности жертвовать за них и самую жизнь»<sup>9</sup>.

Это спокойное ощущение силы для битвы с сильным мира сего, эта решимость «постоять за правду до последнего» рождаются у Калашникова из осознания своей

правоты перед Богом и народом христианским. В этом дивном образе Лермонтов воплощает лучшие черты национального характера: «Нетрудно увидеть: русский человек ради правды готов пожертвовать самой жизнью, смиренно склоняясь перед Промыслом»<sup>10</sup>.

В своей последней битве и в разговоре с царем Степан Парамонович предстоит пред Самим Богом и только перед Ним ответ держит, сохраняя семейную тайну.

В последние минуты своей жизни он думает и заботится только о своих близких, унося с собой вечную Любовь, которой научила его святая вера Православная.

Богатство исторических деталей и примет времени отличает поэму Лермонтова. Это не только описание одежды, утвари, вооружения, но также формы поведения главных героев, скажем, перед боем. К общим, исторически обусловленным чертам добавляются индивидуальные характеристики. Так, Кирибеевич, выходя на бой, «царю в пояс молча кланяется», затем он «на просторе похаживает, над плохими бойцами подсмеивает». Калашников же, выйдя против опричника, «*поклонился* прежде царю грозному. После белому Кремлю да *святым церквам, а потом всему народу русскому*».

В 1841 году Лермонтов писал, что «у России нет прошедшего, она вся в настоящем и будущем». Такова вера поэта. Таков сам Лермонтов. Он вместе с Россией в ее настоящем и будущем, как и бессмертные герои, созданные его гением.

Лермонтов заканчивает свою поэму возглашением славы *народу христианскому, хранителю Святой Веры*, в недрах которого поднимаются новые богатыри духа и зреют новые подвиги.

### Примечания

<sup>1</sup> Ильин И.А. О Русском. М., 1991. С. 118.

<sup>2</sup> Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 220.

<sup>3</sup> Святитель Феофан Затворник. Толкование послания апостола Павла к Ефесеянам. М., 2004. С. 538.

- 
- <sup>4</sup> Там же.
- <sup>5</sup> Там же. С. 404-405.
- <sup>6</sup> Там же. С. 834-835.
- <sup>7</sup> Там же. С. 539.
- <sup>8</sup> Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 2003. С. 405.
- <sup>9</sup> Святитель Феофан Затворник. Толкование послания апостола Павла к Ефесянам. М., 2004. С. 543.
- <sup>10</sup> Белинский В.Г. Литературная критика. М., 2005. С. 42.

### III. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ

*ОЛЕНЕВ Владимир Иванович,  
кандидат философских наук,  
заведующий кафедрой международных отно-  
шений и связей с общественностью МарГУ;  
ОЛЕНЕВА Татьяна Борисовна,  
кандидат филологических наук*

#### **Межвременной диалог культур, или Могут ли *русские* гордиться тем, что они *русские***

Словосочетание «диалог культур» — полисеманлично: это и межнациональные коммуникативные отношения, и внутритерриториальные, внутри государственные, но разделенные веками и даже тысячелетиями. С нашей точки зрения, все виды современных СМИ могут и обязаны «работать», выполняя одну из самых важных функций — *просветительскую*. Потому что, как бы мы ни относились к Интернету, печатные и электронные средства передачи информации являют собой образец достоверного и проверенного способа получения знаний теми, кто к этому стремится. При этом необходимо помнить, что *стремящиеся к знаниям* зачастую просто не владеют компьютером. И самым доступным источником информации для них остаются традиционные СМИ. К ним привыкли; им, самое главное, пока еще доверяют. В то же время, если эти уважаемые СМИ почему-то замалчивают ту или иную проблему, у читателя-слушателя, естественно, возникает вопрос: а почему *об этом* никто ничего не говорит? В чем причина? Во второстепенности события или еще в чем-то... Вот конкретная ситуация. Если среднестатистическому по уровню образованности россиянину задать вопрос, чем ознаменован 862 год в истории России, то с большой

долей вероятности можно утверждать, что ответ будет нулевым. Тем более что и 2012 «не напомнил» о нем, так как практически все СМИ, да и просто календарь знаменательных дат, никак или почти никак не отреагировали на историческое событие многовековой давности.

А ведь 2012 год — знаменательное событие в истории русской государственности, так как исполнилось 1150 лет со дня ее провозглашения. Точкой отсчета традиционно считалось, по свидетельству летописца Нестора, начало княжения первого русского государя Рюрика, отнесенное в главной русской летописи «Повести временных лет» к 862 году. Правда, не всех историков XIX века это устраивало: ссылаясь на ряд иных источников, они полагали датой основания государства 852 год. Против такого вольнодумства выступил влиятельный историк и журналист того времени Н. Погодин. Спор достиг такого накала, что пришлось вмешаться императору Николаю I, который, поддержав Погодина, собственноручно начертил: *«Того мнения и я, ибо так учен был в свою молодость, и слишком стар, чтобы верить другому»*<sup>1</sup>. Тем самым 862 год был официально утвержден началом Российского государства. Справедливости ради, необходимо сказать, что именно это событие окрашено в непатриотические краски, так как исторически имеет непосредственное отношение к так называемой *норманнской теории*. Но этот момент мы упустим, а обратимся к другим источникам и не ради юбилейных торжеств, которых, кстати, и не было вовсе, хотя в СМИ постоянно муссируется мысль о выдвигании призрачной национальной идеи, озабоченно говорится о снижении патриотических настроений в обществе. А если бы это общество или хотя бы несколько авторитетных индивидуумов не гонялось за эфемерными призраками, не искало образцы для подражания в западных культурах, а обратилось бы к собственной истории, то, без сомнения, нашло бы ней кладезь артефактов, свидетельствующих о высоком полете мысли интеллектуальной древнерусской личности, о которой мы либо знаем *кое-что*, либо вообще — *ничего*.

Аналогичная *история* и с другой знаменательной датой — 863 год. К сожалению, прогнозы на должное освещение этой темы — самые неутешительные. А ведь речь идет о годе создания славянской азбуки! Ни разу за прошедшие месяцы 2013 года в СМИ не было какой-либо полноценной информации об этом грандиозном событии...

Знакомство же с исследованиями в области древнерусской словесной культуры дает нам основание говорить о фактах, которые оставили неизгладимый по своей значимости след в истории Руси и как следствие — в памяти благодарных потомков. Речь идет, главным образом, об исследованиях и находках последних лет, в том числе о монографии, изданной в Саарбрюкене профессором Оленевой<sup>2</sup>.

В монографиях и статьях, посвященных исследованию особенностей древнерусской словесной культуры, анализируются классические тексты, то есть образцовые как в плане содержания, так и формы, при этом те, которые находятся *на слуху* у образованного читателя. Общеизвестно, что наши древнейшие нарраторы были и остались до настоящего времени, как правило, неизвестными (и очень зря!) даже для просвещенного человека, не говоря о той массе людей, которые никогда и не слышали, например, о попе Упыре Лихом, *первом древнерусском писце*, с именем которого связана «Книга Пророков», или «Толкование Пророков» (1047 г.), великом князе Святославе и Изборниках (1073, 1076 гг.), носящих его имя, о новгородском посаднике Остромире и переписанном в его бытность Евангелии (1056-1057 гг.), Заточнике Данииле с его изумительным «Словом»... Даже о «Слове о полку Игореве» многие судят весьма общо, то есть на уровне: «*Не лѣпо ли намъ, братїе, начати старыми словесы...*» или зазубренном в школьные годы «Плаче Ярославны». Что говорить о народных познаниях в области древнерусской литературы и гордости за ее великих авторов, если даже академик Д.С. Лихачев отказывал ей в наличии писателей *данте-*

*шекспировского* уровня гениальности, правда, указывал на то, что она пока еще *молчит*<sup>3</sup>. Говоря о *молчании*, ученый имел в виду то обстоятельство, которое на тот момент действительно объективно присутствовало, — не было, не существовало данных относительно открытий либо новых текстов, либо новой информации об уже известных. Надо сказать, в последнее время, кроме некоторого количества берестяных грамот, а также *церы* (навошенные дощечки, найденные в Новгороде, которые старше «Остромирова Евангелия»), ничего нового найдено, действительно, не было. Исключение составила находка X в. — извлеченный из водных глубин и, вероятно, принадлежавший Святославу Игоревичу, сыну княгини Ольги, меч.

И еще одно немаловажное обстоятельство — это идея *криптографирования* текстов, а главное — их *акриптографирования*, что дало возможность абсолютно по-новому взглянуть на уже давно устоявшиеся в науке мнения и при этом *разговорить* древнерусские памятники письменности. *Затаення*, обнаруженные в них, свидетельствуют об огромном интеллектуальном потенциале древнерусских выдающихся личностей, об их незаурядности и желании проревизировать, например, сложившиеся в теологии того времени постулаты! Сведения, полученные в результате расшифровки, носят настолько шокирующий характер, что не укладываются в рамки сознания не только простого читателя, но и специалиста в области классической древнерусской литературы.

Причем анализ памятников древнерусской письменности дал возможность выявить и особенности авторского стиля выдающихся древнерусских писателей, на основе чего стало возможным решение проблемы *атрибуции* текстов. Как известно, единственный путь к разработке данной проблемы — выявление как *подсознательных*, так и *осознанных особенностей языка* какого-либо писателя, которые содержатся в глубинах произведения и способны быть обнаружены в качестве структурных его составляющих. Отсюда — поиск и выявление специфики как

авторского стиля, так и *затаенный* путем использования нетрадиционных методик, которые «работают» не только на атрибуцию текстов, но и на выявление их стилистических особенностей. И еще необходимо сказать об одном феномене, который присущ, как правило, всем древнерусским писателям. Имеется в виду так называемая *амбивалентность*, когда один и тот же объект вызывает у автора два противоположных чувства. Так, Олег Святославич, сын племянника князя Игоря, по мнению ученого, — автор «Слова о полку Игореве» и других известных «Слов», — патриот своей земли, во главе которой стоят, по его мнению, не всегда умные правители, несущие *большую беду христианам*. При этом его душу переполняет любовь к Родине и гордость за то, что есть в ней князья, *осмомыслы*. Но в то же время он негодует *на таких князей-полководцев, действия которых привели к стону Русской земли*. Писатель гордится родичами, которые *реки могли веслами вычерпать*, и ненавидит их за то, что зачастую они отказывали в военной помощи даже родному брату. Олег Святославич — христианин. Но он восхищается не *Творцом*, а лишь Его *Творением*. Творение же это — не весь мир, а только его часть — *Русская земля*, которая *больна* из-за неразумной деятельности *вельмож многих*, для которых, если *богаты возлаголеть, все молчать и вознесут слово его до облакъ. А убоги возлаголеть вси на нь кликнуть...* Как все это выше сказанное, к сожалению, корреспондируется с нашей современностью!

Олег Святославич был уникальным писателем-мыслителем, пророком, воспевателем Древней Руси, оригинальной языковой личностью (*целостный феномен*). Последнее обстоятельство, то есть наличие специфических черт авторского стиля, как и применение реформированной им древней криптографической системы, в конечном итоге, дало возможность исследователю «выйти» на имя человека, чьи гениальные произведения будут находиться в поле зрения ученых и любителей русской старины, пока существуют Россия и русская наука.



Еще одна незаурядная языковая личность периода Киевской Руси — великий князь Святослав Ярославич (1027-1076), автор *криптографии*, которую он использовал, шифруя «Изборник» 1076 г., частично «Изборник» 1073 г., «Остромирово Евангелие», некоторые новеллы «Повести временных лет». Специфический (экстралингвистический) прием, который использовал его последователь Олег Святославич, все тот же, так как методика шифровки текстов одна и та же. Автор же «Слов» — прямой потомок Святослава. *Святославова тайнопись* основывалась на ряде особых графем, которые варьировались в зависимости от конкретного текста. Эта же система с ее вариациями «работает» во всех анализируемых «Словах»!

Постигая такую информацию, — а ей так хочется верить, — убеждаешься в том, что древнерусские писатели не только не уступали в развитии собственного интеллекта иным западникам или византийцам, но и по смелости «затаенных мыслей», изощренности форм и приемов криптографии превосходили своих «царьградских наставников». Причем аксиологические приоритеты древнерусской языковой личности XI века находились вне сферы материального; они распространялись на область духовных устремлений: изучении гелиоцентрической системы мироздания, осмыслении основных истин новой христианской религии — с целью осознания глубинного смысла ее законов. XII — начало XIII века ознаменовались сменой приоритетов. Так, Олега Святославича волновала проблема разобщенности русских князей, которых он призывал к объединению на пороге татаро-монгольского нашествия. Но его никто не услышал! Причем феномен языковой игры, образно-смысловая доминанта, свойственна текстам, принадлежащим как князю Святославу, так и «Словам» Олега Святославича. Следовательно, древнерусские писатели реализовывали в своих произведениях своеобразную *преемственность* в плане использования и развития в то же время единой стилистической манеры письма.

Таким образом, могучая древнерусская культура — тот материал, который может служить неоспоримым материальным доказательством мощности, оригинальности и русского пытливого ума, и великой русской культуры, ее истории, ее выдающихся личностей, что в свою очередь *работает* на русскую государственность в целом. Дело только за малым — желанием познать древнерусское информационное поле и посеять на нем семена собственного пытливого разума. Но как раз этого-то так не хватает современному, отягощенному разного рода «твиттерами» уму. И никакие законы о воспитании патриотизма не приведут к желаемому результату, если будут, сознательно или по незнанию, что более вероятно, замалчиваться подобные описанным выше своего рода артефакты, свидетельствующие о том, что, если покопаться в русской истории и исследованиях, ей посвященным, то она-то и может явиться той базой, которая *сама себе режиссер* в деле просвещения *ивАанов*, задумывающихся о своем родстве.

К сожалению, вновь и вновь муслируется тема о том, что наши школьники учатся русской истории не по одному, а по нескольким *десяткам(!)* учебников, авторы которых, естественно, обладают разным уровнем информации. Отдавая на откуп учителям расстановку приоритетов, как об этом сказал Президент России В.В. Путин (Прямая линия от 25 апреля 2013 г.), наше общество рискует еще больше, так как учитель, перед которым должно *преклонить колени* — вещь в настоящее время штучная.

Правильно расставить акценты, привлечь к теме через печатные и электронные СМИ общество, перекинуть мостик от древнерусских великих мыслителей, а таковые были (!), к сегодняшнему дню — должны и просто обязаны все средства массовой информации современной России. Безусловно, исторические артефакты, подобные приведенным выше, не могут быть объектом повседневного внимания современных СМИ. Это прежде всего — прерогатива ученых, но воспитывать интерес к своей собственной истории, используя такого рода информа-

ционные поводы, необходимо. И должно наступить такое время, когда в общественном сознании празднование Дня святых Петра и Февронии Муромских будет занимать не меньшее место, чем празднование Дня святого Валентина.

### Примечания

<sup>1</sup> Смирнов В.Г. Россия в бронзе. Памятник «Тысячелетию России» и его герои. М., 2002. С. 11-12.

<sup>2</sup> Оленева Т.Б. В тигле веков не угасает жар спора. Древнерусская словесность как исторический феномен. Saarbrücken, 2013. 288 С.

<sup>3</sup> Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1979. С. 9.

*СИЛЬДУШКИНА Надежда Евстафьевна,  
аспирант кафедры психологии человека  
РГПУ им. А. Герцена, Санкт-Петербург*

### **Об особенностях конфессиональной принадлежности марийского этноса в современных условиях**

Религия в культурной традиции играет важную роль. Она является этнодифференцирующим и этноконсолидирующим признаком. Взаимосвязь культуры этноса и религии оказывает существенное влияние на конкретную историю любого народа. При формировании этноконфессиональной общности особенности вероучения тесно переплетаются с этнической спецификой культуры народа: отдельные элементы религиозного культа приобретают характер этнических признаков и, напротив, этнические свойства становятся составными элементами религиозного культа.

Понятие «культура» (от лат. *cultura* — «возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание») первоначально означало целенаправленное воздействие на человека, его воспитание и обучение. Позднее комплекс значений понятия *культура* отождествлялся с формами духовного саморазвития общества и человека, определяемыми религиозными законами общественного бытия — как оно проявляется в движении науки, искусства, морали. В эпоху просвещения, с точки зрения немецких философов Канта, Шиллера, Гегеля, культура предстает как область духовной свободы человека с множеством своеобразных типов и форм развития ее в исторической последовательности, образующих единую линию духовной эволюции человечества. С конца XIX века изучение культуры развивалось в рамках антропологии и этнографии. В настоящее время в рамках психологической науки культура — базовое понятие кросс-культурной психологии<sup>1</sup>.

При характеристике этносов, изучении их культур исследователи в большинстве случаев учитывают их религиозную принадлежность<sup>2</sup>.

Народ мари (прежнее официальное название — черемисы) — коренное население Республики Марий Эл. Из заметок летописцев, историков, этнографов XVIII и XIX веков известно, что до второй половины XVI века черемисы были одним из полудиких финских племен. Н.Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» (1871, 1885, 1887) писал, что при расселении и освоении пространства русским народом «вся страна была или пустыней, или заселена полудикими финскими племенами и кочевниками»<sup>3</sup>. «Он (русский народ — Н.С.) или занимал пустыри, или соединял с собою путем исторической, нисколько не насильственной, ассимиляции такие племена, как чудь, весь, меря или как нынешние зыряне, черемисы, мордва, не заключающие в себе ни зачатков исторической жизни, ни стремлений к ней»<sup>4</sup>.

Истоки события, который привел народность мари к включению в общую христианизацию, находятся во второй половине XVI века. Территория, которую занимали черемисы в XVI веке, некоторой своей частью находилась в составе Русского государства, а значительная часть входила в состав Казанского ханства, которое образовалось после распада Золотой Орды (первая четверть XV в.).

Известно, что Русь была крещена князем Владимиром в 988 г. и это определило дальнейший путь духовного развития Руси. В истории крещения Руси князем Владимиром выражена главная причина того, что подвигло его обратить всю землю свою в христианство. Он руководствовался и государственными соображениями, ибо для русского народа христианизация означала *«приобщение к высокой культуре христианских народов и более успешное развитие своей культурной и государственной жизни»*. И «Русь <...> совершенно прониклась христианством, которое стало существенным условием ее быта», — сообщает летописец<sup>5</sup>.

Поэтому при присоединении новых земель политика государства заключалась в распространении православ-

ного учения среди местного населения. Русский историк С.М. Соловьев в своем многотомном труде «История России с древнейших времен» пишет, что взятие Казани еще не завершило покорения края. И сами татары и еще более дикие племена, населявшие эту землю: черемисы, чувашы, вотяки, башкиры — волновались, изменяли и отказывали в дани. Жестокая война с ними продолжалась целые шесть лет. Но и до окончания покорения врага силою оружия Церковный собор в Москве (1555) решил открыть в Казани епархию и отправить туда благовестников для покорения страны кресту Господню путем мира и убеждения. Архиепископом назначен был Гурий, настоятель Селижаровского Троицкого монастыря, помощниками ему даны были Герман, игумен Старицкого монастыря, и Варсонофий, игумен Пешношского<sup>6</sup>.

В дальнейшем христианское просвещение и русская культура способствовала появлению среди марийцев первых начальных учебных заведений, азбуки и письменности. Из истории известно, что процесс крещения черемис проходил неравномерно и с определенными трудностями; но работа священников принесла свои плоды: с тех времен основной религией марийского народа является Православие.

Цель данного исследования: определить выбор конфессионального предпочтения коренного населения Республики Марий Эл в современных условиях.

Данная цель определила следующие задачи:

- установить тенденцию культурного развития в РМЭ,
- выяснить конфессиональные предпочтения представителей коренного населения РМЭ,
- выявить отношение представителей коренного населения к представителям других конфессиональных общностей,
- выяснить, существует ли взаимосвязь культуры и религии.

Объект исследования — марийский этнос.

Предмет исследования — религиозная принадлежность.

Основное предположение данного исследования заключается в том, что и в настоящее время, то есть в XXI веке, новыми поколениями марийского этноса сохраняется приоритетное предпочтение при выборе религиозным вероисповеданием православного христианства.

### **Испытуемые и методы исследования**

**Выборка.** В опросе приняли участие представители марийского этноса, проживающие на территории Республики Марий Эл, в возрасте от 17 лет и старше. Было опрошено 310 марийцев, которые по роду деятельности относятся к следующим социальным группам: работники культуры (служащие, артисты, библиотекари), научные работники (ученые, преподаватели), военнослужащие по ведомству МВД, журналисты, учителя школ, медицинские работники (врачи, средний медицинский персонал), рабочие различных предприятий, студенты вузов и средних профессиональных учебных заведений, безработные, пенсионеры и т.д.

По полу соотношение следующее: мужчин — 45,8 % (142 чел.), женщин — 54,2% (168 чел.). По образованию: среднее и средне-профессиональное имеют 35,8 % (111 чел.), студенты — 23,23 % (72 чел.), незаконченное высшее — 1 % (3 чел.), высшее — 40 % (124 чел.).

**Процедура и методы исследования.** Опрос проводился в основном индивидуально со всеми участниками (фронтально — со студентами и военнослужащими). В исследовании использовались следующие методики:

Тест культурно-ценностных ориентаций, разработанный американским психологом Дж. Таусендом и адаптированный Л.Г. Почебут.

Авторская анкета, содержащая вопросы и субъективные ответы, которые позволяют получить ответ на задачу данного исследования.

Методика измерения выраженности этнической толерантности З.В. Сикевич.

Статистическая обработка данных исследования проводилась с использованием пакетов компьютерной матема-

тической статистики IBM SPSS Statistics 20.0. В данной статье представлены предварительные результаты с использованием первичных описательных статистик (меры центральной тенденции), корреляционный анализ, многомерные методы (факторный анализ, кластерный анализ), которые позволяют компактно описать результаты измерения.

### Результаты исследования

Вся совокупность выборки была поделена на две группы: молодежь от 17 до 35 лет включительно (202 чел.) и взрослое население — от 36 лет и старше (108 чел.).

Для определения основных *тенденций формирования и становления изучаемой культуры* в Республике Марий Эл был использован тест культурно-ценностных ориентаций, адаптированный Л. Почебут. В основу теста заложено представление о трех типах культур: традиционная, современная и динамически развивающаяся<sup>7</sup>.

В таблице 1 представлены первичные описательные данные (средние  $M_x$ , мода  $M_o$ ) по возрастным группам и типам культур примененной методики.

Таблица 1. Показатели тенденций культурного развития по возрастным группам и в целом всей выборки.

|                   |               | традици-<br>онная | совре-<br>менная | динами-<br>чески<br>разви-<br>вающаяся |
|-------------------|---------------|-------------------|------------------|--|
| взрослые<br>N=108 | среднее $M_x$ | 1,44              | 2,63             | 0,81                                   |
|                   | мода $M_o$    | 1                 | 3                | 1                                      |
| молодежь<br>N=202 | среднее $M_x$ | 1,485             | 2,75             | 0,78                                   |
|                   | мода $M_o$    | 2                 | 3                | 0                                      |
| общее<br>N=310    | среднее $M_x$ | 1,47              | 2,71             | 0,79                                   |
|                   | мода $M_o$    | 2                 | 3                | 0                                      |
| размах            |               | 0-5               | 0-5              | 0-5                                    |



Полученные данные свидетельствуют, что выбор определяется вторым типом — *современная культура*, то есть показатели, полученные в исследовании, свидетельствуют об ориентации людей на настоящее. Но обращают на себя внимание и значения среднего  $M_x$  и моды  $M_o$  по шкале традиционная в группе *молодежь* и в целом всей выборки, что свидетельствует об ориентации на прошлое, приверженность традициям, интересу к истории.

*Конфессиональные предпочтения* представителями марийской национальности РМЭ определялись по ответам на вопросы анкеты. На вопрос — считаете ли Вы себя верующим человеком? — ответы распределились следующим образом: в группе молодежи «да» — 71,3%, «нет» — 7,9%, «затрудняются ответить» — 19,8%, а в группе взрослых «да» — 68,5%, «нет» — 11,1% и «затрудняются» — 18,5%, не ответили по 1,9% в обеих группах. Все названные респондентами религиозные группы, к которым они себя относят, представлены в таблице 2:

Таблица 2. Показатели религиозной принадлежности по группам в процентах (%)

|   | Взрослые<br>(N=108) | Молодежь<br>(N=202) | Общее<br>(N=310) |
|---|---------------------|---------------------|------------------|
| Православные  | 39,6                | 38,7                | 39,0             |
| Христиане   | 15,1                | 19,1                | 17,7             |
| Считают себя верующими, но не определяют религиозную принадлежность | 11,3                | 8,5                 | 9,5              |
| Православие и язычество   | 0,94                | 1                   | 0,98             |
| Христианство и язычество  | 1,9                 | 1                   | 1,3              |
| Язычество   | Нет                 | 3,0                 | 1,6              |

На вопрос о степени принадлежности к группе православных христиан получены данные:

— в группе взрослых для большинства респондентов (27,8%) выбор группы православных христиан наиболее важен ( $M_o=1$  (1 означает «наиболее важно» и среднее  $M_x=2,5$  принимает меньшее значение (т.е. близко к значению 1);

— в группе молодежи (24,8%):  $M_o=2$  (2 значит «скорее важно») и  $M_x=2,8$ ;

— в целом для всей выборки (22,3%):  $M_o=1$ ,  $M_x=2,7$ .

Сопоставляя показатели религиозной принадлежности (табл.2) и степени выраженности («наиболее важно»), видно, что из 39,0% православных от числа всех опрошенных для 2/3 из них причисление себя к группе православных наиболее важно. Соответственно, в группе взрослых это соотношение — из 39,6% наиболее важно для 7/10 из них, а в группе молодежи — из 38,7% наиболее важно для половины из них.

По ответам на вопрос анкеты — как Вы относитесь к людям другого вероисповедания? — определяется *отношение к представителям другого вероисповедания*. Ответы свидетельствуют о единодушии и в группах взрослых и молодежи: соотношение в показателях примерно равные. Отношение к людям другого вероисповедания «такое же, как к людям своей веры» в обеих группах взрослых и молодежи по 52%, терпимое, соответственно — 40% и 42%, негативное — 4,6% и 5%, не ответили — 3,7% и 0,5%.

Эти данные более дифференцированно рассматривались с помощью методики измерения выраженности этнической толерантности З. Сикевич, имеющей две шкалы: большей и меньшей толерантности.

Толерантность людей друг к другу является основным механизмом создания этнокультурной общности. Она становится крайне важным способом взаимоотношений между культурными сообществами<sup>8</sup>.

Таблица 3. Показатели средних  $M_x$  уровня толерантности в группах

| Взрослые (N=108) |         | Молодежь (N=202) |         | Общее (N=310) |         |
|------------------|---------|------------------|---------|---------------|---------|
| большая          | меньшая | большая          | меньшая | большая       | меньшая |
| 3,51             | 3,56    | 3,54             | 3,67    | 3,53          | 3,63    |

Данные показатели средних  $M_x$  (табл. 3) имеют примерно равные значения, что свидетельствует о скрытом внутреннем переживании беспокойства, связанным с настроенностью, недоверием во взаимоотношениях.

Для установления *взаимосвязи тенденций культурного развития по типам культур и религии* между несколькими переменными применяется корреляционный анализ. В таблице 4 представлены коэффициенты корреляции г-Пирсона между переменными *православное христианство* и тремя типами культур (*традиционная, современная и динамически развивающаяся*):

Таблица 4. Взаимосвязи между шкалами православное христианство и тенденции формирования культуры

|               | ПРАВО-СЛАВИЕ | традиционная | современная | развивающаяся |
|---------------|--------------|--------------|-------------|---------------|
| ПРАВО-СЛАВИЕ  |              | 0,118*       | -0,177**    |               |
| традиционная  |              |              | -0,612**    | -0,29**       |
| современная   |              |              |             | -0,246**      |
| развивающаяся |              |              |             |               |

\* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон).

\*\* Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).

Результат демонстрирует, что существуют связи между переменными *православное христианство* с типами культур и в итоге все четыре признака (переменные) взаимодействуют между собой. Так как выборка  $N > 100$ , то все отмеченные коэффициенты корреляции значимы<sup>9</sup>.

При использовании факторного анализа определим структуру взаимосвязей между переменными. В качестве признаков (переменных) здесь выступают *православное христианство* и три типа культур. Результат представлен графически на рис. 1.

Рис. 1. Факторная структура переменных после вари-макс-вращения.

Переменные, которые близко расположены к оси первого фактора (горизонтальная ось) — это *современный* тип тенденции развития культуры и *православное христианство*. Из двух других переменных *традиционная* занимает промежуточное положение, но расположена ближе к оси первого фактора, а динамически развивающаяся — близко к оси второго фактора (вертикальная ось). Таким образом, переменные *православное христианство*, *традиционная* и *современная* типы культур содержатся в одном факторе, что позволяет предположить существование общей причины их совместной изменчивости.

Применим еще один метод — кластерный анализ. В качестве мер различия были выбраны коэффициенты корреляции  $r$ -Пирсона. Критерием объединения кластеров выбран метод межгрупповых связей. Объектами являются эти же четыре переменные.

Рис. 2. Графическое изображение последовательности объединения объектов в кластеры.

На рис. 2 представлен результат кластеризации данных четырех переменных, которые поэтапно группируются в один кластер<sup>10</sup>, т.е. данные объекты похожи друг на друга.

Таким образом, все три вида анализа показывают взаимосвязь религии и культуры народа мари.

Полученные данные свидетельствуют, что у представителей коренного населения Республики Марий Эл — мариийского этноса — имеются знания специфики и усло-

вий своей культуры. Они демонстрируют определенную сформированность, систему осознанных представлений и оценок об этнокультурных особенностях своей национальности, приверженность к определенным ценностям своей культуры.

Этническая культура народа мари, как и во многих других культурах, тесно переплетается с религиозным вероисповеданием.

Данные о причастности к разным религиозным группам, к которым относят себя представители марийского этноса, позволяют ориентировочно оценить относительные предпочтения в выборе религии.

Полученные данные свидетельствуют о доброжелательном и толерантном способе во взаимоотношениях с представителями другого вероисповедания, но с латентным присутствием некоторого недоверия и настороженности.

В последнем десятилетии проявляется тенденция к принятию населением православного христианства. Результаты исследования свидетельствуют: большинство современных представителей марийского этноса (и взрослые, и молодежь) отдадут предпочтение православному христианству. Православная Церковь — важнейший институт, набирающий растущее влияние в российском обществе, а также и в Республике Марий Эл.

### Примечания

<sup>1</sup> Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учебное пособие. М., 1999.

<sup>2</sup> Платонов Ю.П. Основы этнической психологии: учебное пособие. СПб., 2003. С. 48.

<sup>3</sup> Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / сост., послесловие и комментарии С. А. Вайгачева. М., 1991. С. 24.

<sup>4</sup> Там же. С. 25.

<sup>5</sup> Русская Православная Церковь 988-1988: очерки истории I-XIX вв. Вып. 1. М., 1988.

<sup>6</sup> Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7-8. М., 1989.

<sup>7</sup> Сикевич З.В., Поссель Ю.А., Румянцева П.В., Смолина Т.Л. Этнопсихология: учебно-методическое пособие. СПб., 2006. С. 48-49.

<sup>8</sup> Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие. СПб., 2012.

<sup>9</sup> Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. СПб., 2008.

<sup>10</sup> Наследов А.Д. SPSS 19: профессиональный статистический анализ данных. СПб., 2011.

#### IV. СТУДЕНЧЕСКИЕ РАБОТЫ

*АПАЕВА Стелла, ВОЛКОВА Татьяна,  
студентки 1 курса Йошкар-Олинского  
медицинского колледжа*

##### **Просветительская деятельность Братства святителя Гурия на территории Марийского края**

В середине XIX века духовное просвещение марийцев проходило с большим трудом. Большинство жителей Марийского края придерживалось языческих верований, святое крещение приняла лишь небольшая часть населения. Надо сказать, что такая ситуация наблюдалась не только в Марийском крае, но и на территории всего Поволжья. В этих условиях заметную роль в распространении христианства среди поволжских народов Казанской епархии во второй половине XIX века сыграло православное общество — Братство святителя Гурия.

Следует отметить, что просветительская деятельность Братства святителя Гурия остается малоизученным эпизодом в истории Православной Церкви в Марийском крае. Однако, как представляется, она заслуживает большего внимания, так как именно в деятельности этого общества были реализованы те методы и формы миссионерской работы, которые в дальнейшем были признаны наиболее эффективными в деле духовного просвещения народов, и не потеряли своей актуальности по сей день.

Первые учредители Братства (в числе 18 человек) так мотивировали потребность его учреждения в своём прошении к Архиепископу Казанскому и Свияжскому Антонию от 20 апреля 1867 года: «Примечая малоуспешность усилий православного духовенства как в распространении и уяснении христианской веры между инородческим на-



селением Казанской Епархии, так и в борьбе его с расколом и невежеством простонародья, и, видя живое сочувствие и готовность многих членов православного общества жертвовать своим досугом, трудом, опытностью и вещественными средствами в пользу православия, мы предлагаем учредить Братство из всех ревнителей благочестия, по примеру того, как это делалось (делается и теперь) в некоторых западных губерниях Империи»<sup>1</sup>. Исходя из этого события, предшествующего дню открытия Братства, становится понятно, что оно возникло при условиях, во многих отношениях благоприятных для его будущей судьбы и деятельности.

Торжественное открытие Братства произошло 4 октября 1867 года. Названо же оно было в честь архиепископа Гурия, первого просветителя Казанского края, так как Братство поставило своей задачей продолжение его миссионерской деятельности. Поэтому открытие его приурочено было к 4 октября — дню обретения мощей Святителя.

У Братства святителя Гурия были вполне конкретные цели, которые определялись следующим образом. Во-первых, содействие утверждению в православной вере крещеных инородцев, воспитание детей их в духе православия. Во-вторых, содействие распространению святой веры Христовой между иноверным населением Казанской епархии. В третьих, вразумление отпадающих и заблуждающихся членов Православной Церкви. В четвёртых, забота о нуждающихся членах Православной Церкви из инородцев, оказание им нравственной и материальной поддержки.

Из методов утверждения Православия среди инородцев Братство святителя Гурия избрало:

организацию братских школ, в которых дети могли получать элементарные знания посредством использования родного языка и сохранять элементы традиционной культуры;

христианско-воспитательную и миссионерскую деятельность, как среди учащихся братских школ, так и сре-

ди населения близлежащих деревень, которое привлекалось к участию в церковных службах и праздниках;

организацию перевода книг духовного и учебного содержания на марийский язык, их издание и распространение среди марийцев.

Самым эффективным методом утверждения православия среди инородцев стало учреждение братских школ по типу Казанской крещено-татарской школы, открытой Н. Ильминским и В. Тимофеевым в 1864 году. В 1867 г. эта школа выпустила первых своих учеников (4 мальчиков и девочку), которые и стали учителями братских школ. По словам современников, маленькие братские школы были как бы колониями Казанской крещено-татарской школы, являвшейся центральной школой.

Первой школой, открытой Братством в Марийском крае, стала школа в селе Пертнуры Козмодемьянского уезда. Важно отметить, что Братство открывало свои школы там, где не было ни земских, ни министерских учебных заведений. В братских школах дети могли получать элементарные знания посредством использования родного языка и сохранять элементы традиционной культуры. Такие школы содержались за счёт Братства, поэтому обучение в них обходилось для учеников в 2-3 раза дешевле церковно-приходских; в ряде случаев обучение велось на бесплатной основе.

Братские школы с самого начала имели христианско-воспитательное направление. Главными предметами обучения в них были Закон Божий, чтение священных книг, пение церковных молитв на родном языке, церковнославянский язык. В школах Братства совершались и церковные службы, в которых непосредственное участие принимали учащиеся: они читали Священное Писание, пели в хоре, прислуживали в алтаре. В престольные праздники в школы на торжественные службы приходили крестьяне из ближайших деревень<sup>2</sup>.

Следует отметить, что учреждая школы, Братство святителя Гурия придерживалось не только христианско-вос-

питательного направления, но и миссионерского, состоящего в «некотором влиянии их на развитие христианских понятий и сочувствия к христианству в старших поколениях инородцев»<sup>3</sup>. А учителя школ должны были быть не просто передатчиками детям элементарных знаний, но и распространителями веры Христовой.

Учебный процесс в братских школах строился по системе Николая Ивановича Ильминского, одного из основателей Братства: на I-м отделении (2 года обучения) преподавание велось исключительно на родном языке, а русский язык изучался как учебный предмет. На II-м отделении (2 года обучения) русский становился языком преподавания. Таким образом, братская школа была четырехлетним учебным заведением. Сам Николай Иванович утверждал, что «лучшим средством для борьбы с иноверческой пропагандой может быть только школьное просвещение инородцев, которое развило бы в них охоту к самостоятельному, беспристрастному размышлению, обогатило бы их здоровыми понятиями о природе и истории, и внушило бы им уважение к свидетельствам достоверным»<sup>4</sup>.

Устав Братства предусматривал распространение книг на родных языках нерусских народов, поэтому огромную роль в деле систематизации переводов и печатания богослужебных и других христианских книг на «инородческие» языки сыграла Переводческая комиссия, которая была учреждена при Братстве в 1875 году. Первым ее председателем был Н.И. Ильминский.

За 50 лет существования Братства святителя Гурия Переводческой комиссией было издано на марийском языке 114 книг<sup>5</sup>. Для всех этих переводов были характерны системность, доступность, учет и сопоставление родной и русской речи, опора на живой разговорный язык.

При этом следует иметь в виду, что большинство изданий раздавалось бесплатно, с миссионерско-просветительской целью. Кроме того, именно благодаря Братству святителя Гурия и его Переводческой комиссии впервые в сравнительно большом количестве на разговорных языках

местных народов были составлены и опубликованы тексты церковных служб, молитв, Евангелия, а также комментарии к ним. Поскольку родные языки многих «иностранческих» народов были только разговорными и не имели письменности, русские миссионеры создали для них письменный язык с алфавитом, разработанным на основе кириллицы. Более того, для нерусских народов Поволжья, члены Переводческой комиссии составили грамматики и словари, подготовили сборники учебных текстов.

Так, например, диакон Чермышевской церкви Козьмодемьянского уезда Иван Кедров составил учебник, который назывался «Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей горного населения». Совет Переводческой комиссии постановил: «Издать на средства Братства этот учебник, обозначив на книге «Издание Братства святителя Гурия»<sup>6</sup>. Этот учебник был издан тиражом в 1200 экземпляров. По распоряжению Совета Братства половина тиража была передана братчику, мировому посреднику Л.А. Износкову для раздачи учащимся в училищах и школах марийским детям; другая половина тиража была передана И. Кедрову. В основном по этому учебнику занимались ученики братских школ, которые находились на территории нынешнего Горномарийского района<sup>7</sup>.

Братство святителя Гурия сыграло значительную роль в духовном просвещении марийского народа, показав пример действенности частной инициативы в этом важном деле. Поставив своей целью утверждение в православной вере крещеных иностранцев, распространению святой веры Христовой среди иноверцев, в том числе марийцев-язычников, оказание нравственной и материальной поддержки нуждающимся иностранцам, Братство активно занималось культурно-просветительской и миссионерской работой. В целом, деятельность Братства происходила с опорой на национальный компонент в школьном обучении и религиозном просвещении.

Поставив перед собой задачу утверждения православной веры через учреждение иностранческих школ, Братство

святителя Гурия достигло желаемых результатов. О качестве полученных знаний свидетельствует тот факт, что выпускники братских школ могли успешно сдавать вступительные экзамены в школы высшего типа, как например, это сделали Сергей Чавайн и Игнатий Митюк.

Таким образом, можно говорить о положительных результатах просветительской деятельности Братства святителя Гурия в Марийском крае, успешность которой была обусловлена новым отношением к нерусским народам, признанием значимости их языка и культуры в духовном образовании.

### Примечания

<sup>1</sup> Н.К. Казанское Братство Святителя Гурия // Православный благовестник. 1897. С. 18.

<sup>2</sup> Вахрамеева Е.Л. Место Братства святителя Гурия в деле просвещения марийского народа // Христианское просвещение и русская культура: материалы научно-богословской конференции. Йошкар-Ола, 2009. С. 38.

<sup>3</sup> Н.К. Казанское Братство Святителя Гурия // Православный благовестник. 1897. С. 19.

<sup>4</sup> Цит. по: Ильминский, Николай Иванович / Материал из Википедии — свободной энциклопедии (Электронный ресурс). Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%EB%FC%EC%E8%ED%F1%EA%E8%E9,\\_%CD%E8%EA%EE%EB%E0%E9\\_%C8%E2%E0%ED%EE%E2%E8%F7](http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%EB%FC%EC%E8%ED%F1%EA%E8%E9,_%CD%E8%EA%EE%EB%E0%E9_%C8%E2%E0%ED%EE%E2%E8%F7)

<sup>5</sup> Вахрамеева Е.Л. Место Братства святителя Гурия в деле просвещения марийского народа // Христианское просвещение и русская культура: материалы научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2009. С. 39.

<sup>6</sup> Цит. по: Понятов А.Н. Некоторые аспекты миссионерской деятельности «Братства Святителя Гурия». (Электронный ресурс). — Режим доступа: <http://www.missiakryashen.ru/history/guryi/guryi/>.

<sup>7</sup> Марийская биографическая энциклопедия / авт.-сост. В.А. Мочаев. Йошкар-Ола, 2007. С. 167.

**ХРИСТИАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ  
И РУССКАЯ КУЛЬТУРА:**

Доклады и сообщения  
XVI научно-богословской конференции  
*(16 мая 2013 г.)*

Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Усл.печ.л. 9,65.

Тираж 300 экз. Заказ 1532.

Отпечатано в ООО «СТРИНГ».

424002, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, д. 31.